

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

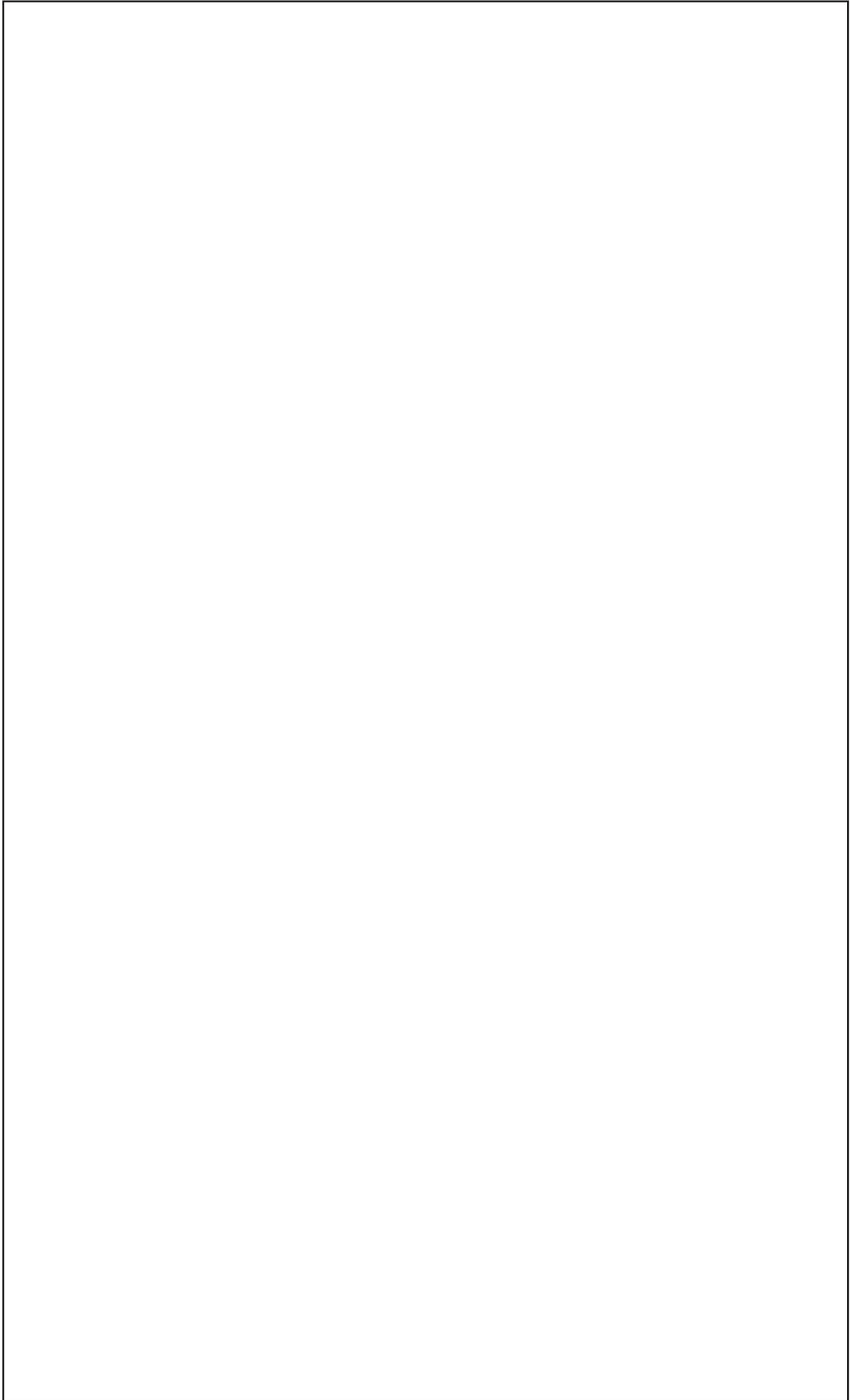

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба**

№ 4 (27), 2012

Санкт-Петербург
2012

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

доктор юридических наук, кандидат технических наук, профессор старший научный сотрудник (Бишкек, Кыргызстан)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Ван Ян

доктор права, профессор (Пекин, Китай)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, США)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Набережные Челны, Россия)

Константинова Татьяна Владимировна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Германия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Носкова Ирина Александровна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Германия)

Сулейманов Джаваншир Исламович

доктор юридических наук, профессор (Баку, Азербайджан)

Сыдыкова Лейла Чинтургановна
доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан)

Хэслер Вальтер
доктор психологии (Бругг, Швейцария)

Чураков Александр Владимирович
соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Добрынина Наталья Борисовна (Санкт-Петербург, Россия)

ББК 67
УДК 343
К 82

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. — 2012. — № 4 (27). — СПб., 2012. — 100 с.

Журнал выходит под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Д.А. Шестакова с марта 2001 года. Первоначальное название — «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, частные криминологические проблемы, криминологические отрасли, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
юридический факультет.

Телефон: (+7 812) 312 42 07, доб. 224

Факс: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» – 11285

Тираж 1050.
ISSN 2218-8576

© Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2012

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2012

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A. I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

The journal of St. Petersburg
International Criminology Club
№ 4 (27), 2012

St. Petersburg
2012

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Shestakov Dmitry Anatolyevich

doctor of laws, professor, the Honoured science worker of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Executive editor

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputies

Dikaev Salman Umarovich

doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mihail Grigorevich

doctor of laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of philosophy, professor, Honoured science worker of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galieвна

doctor of laws, PhD in technical sciences, senior researcher (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alauhanov Esbergen Orazovich

doctor of laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Churakov Alexander Vladimirovich

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Gondolf Edward

Doctor of psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Haesler Walter

Doctor of psychology (Brugg, Switzerland)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of laws, professor (Naberezhnye Chelny, Russia)

Konstantinova Tatiana Vladimirovna

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Kury Helmut

Doctor of psychology, professor (Freiburg, Germany)

Milyukov Sergey Fyodorovich

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Noskova Irina Alexandrovna

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Sadykova Leila Chinturganovna

Doctor of laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Sessar Klaus

doctor of laws, professor (Hamburg, Germany)

Suleimanov Dzhavanshir Islamovich

Doctor of laws, professor (Baku, Azerbaijan)

Van Yan

Doctor of laws, professor (Beijing, China)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dobrynina Natalya Borisovna (St. Petersburg, Russia)

ББК 67

УДК 343

К 82

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow: The journal of St. Petersburg International Criminology Club. – 2012. – № 4 (27). – St. Petersburg, 2012. – 100 p.

The Journal, edited by Distinguished Scholar of the Russian Federation, Professor D.A. Shestakov, J.D., LL.D., has been published since March 2001. The initial name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of St. Petersburg International Club of Criminology, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club

Nab. Moyki 48 Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen, Law Faculty

191186 St. Petersburg Russia

Phone: (+7 812) 312 42 07, additional 224

Fax: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal has a full electronic version on the site of the journal

<http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» – 11285

The circulation: 1050

ISSN 2218-8576

© St. Petersburg International Criminology Club, 2012

© Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В.В. Лунеев (Москва, Россия). Свобода лучше, чем несвобода? 12

2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Материалы круглого стола «Воспроизводство преступности.

Причины преступного вмешательства в политику суверенного государства» от 2 марта 2012 года

Й. Арнольд (Фрайбург, Германия). Смена политических систем, переходное уголовное право и так называемые гуманитарные вмешательства 23

Комментарий главного редактора к статье *Й. Арнольда* 33

А.Д. Сухенко (Ростов-на-Дону, Россия), *А.П. Данилов* (Санкт-Петербург, Россия). Новая идеология как основа противодействия терроризму 35

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

И.А. Петин (Оренбург, Россия). Влияние осознания причинно-следственных связей преступления на формирование системности уголовного права и предупреждение преступного поведения 42

КРИМИНОЛОГИЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

А.Н. Игнатов (Севастополь, Украина). Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 1) 48

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ (КРИМИНОФАМИЛИСТИКА)

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия). Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) 60

КРИМИНОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Тень и свет правовой журналистики 64

3. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.В. Комарницкий (Санкт-Петербург, Россия). Преступность несовершеннолетних в дореволюционной России: некоторые криминологические аспекты 69

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В.А. Номоконов (Владивосток, Россия), *Г.А. Маслов* (Хабаровск, Россия). Организованная преступность в дальневосточном регионе: острая ситуация 75

КОРРУПЦИЯ

П.И. Сащeko (Минск, Беларусь). О некоторых проблемах исследования восприятия коррупции и мер борьбы с ней в Республике Беларусь 87

4. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Юбилей Азалии Ивановны Долговой.....	92
Клаусу Сессару – 75 лет!	94
К нашим авторам.....	96
Криминологические издания	99

CONTENTS

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

THEORY OF CRIME

- V.V. Lunev* (Moscow, Russia). Is being free better than not being free?..... 12

2. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

POLITICAL CRIMINOLOGY

The materials of the round table «Reproduction of crime. The causes of criminal interference in the policy of a sovereign state as of March 2, 2012»

- J. Arnold* (Freiburg, Germany). Change of political system, transition criminal law and so-called humanitarian intervention 23

- The editor-in-chief's comments on the article by J. Arnold. 33

- A.D. Sukhenko* (Rostov-on-Don), *A.P. Danilov* (St. Petersburg, Russia). New ideology as a basis of the fight against terrorism..... 35

CRIMINOLOGY OF LAW

- I.A. Petin* (Orenburg, Russia). The influence of acknowledgement of causation of crime on the formation of systematization of criminal law and criminal behavior prevention 42

CRIMINOLOGY OF UNIFORMED FORCES

- A.N. Ignatov* (Sevastopol, Ukraine). On crime rate and the activity of law-enforcement bodies (part I)..... 48

FAMILY CRIMINOLOGY (CRIMINOFAMILISTICS)

- V.S. Kharlamov* (St. Petersburg, Russia). The older generation and family violence in the megalopolis (St. Petersburg as an example) 60

CRIMINOLOGY OF THE MASS MEDIA

- D.A. Shestakov* (St. Petersburg, Russia). The shadow and light of legal journalism 64

3. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

JUVENILE CRIME AND CRIME AGAINST JUVENILE

- A.V. Komarnitskiy* (St. Petersburg, Russia). Juvenile crime in pre-revolutionary Russia: some criminological aspects 69

ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITY

- V.A. Nomokonov* (Vladivostok, Russia), *G.A. Maslov* (Khabarovsk, Russia). Organized crime in the Far East: critical situation 75

CORRUPTION

- P.I. Sashcheko* (Minsk, Belarus). On some problems of the study of corruption perception and measures to combat it in the Republic of Belarus 87

4. JUBILEE GREETINGS

Jubilee of Azaliya Ivanovna Dolgova	92
Klaus Sessar – the 75 th anniversary!.....	94
To our authors	96
Criminological editions	99

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.9
ББК 67.51

*В.В. Лунеев**

СВОБОДА ЛУЧШЕ, ЧЕМ НЕСВОБОДА?

Аннотация: Свобода лучше, чем несвобода. Но в противопоставлениях свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости должен соблюдаться баланс в пользу второго, что подтверждается всей нашей жизнью.

Ключевые слова: свобода; закон; криминология.

V. V. Lunev

IS BEING FREE BETTER THAN NOT BEING FREE?

Summary: Being free is better than not being free. There has to be balance, in favour of the latter, between freedom and order, freedom and material wellbeing which is evidenced today in our life.

Key words: freedom; law; criminology.

На заседании Госсовета 24 апреля 2012 года подводились итоги 4 лет президентской работы Д.А. Медведева. Первая и основная мысль речи Президента РФ: «Свобода лучше, чем несвобода». Он говорил, что свобода нужна всем и это аксиома. И это действительно так, в этом нет ничего нового уже несколько столетий. Цитирую далее: «Несколько лет тому назад я высказал простую и, казалось бы, очевидную для всех мысль: свобода лучше, чем несвобода... А противопоставление свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости в высшей степени неверно».¹ А вот это новейшее и безапелляционное дополнение вызывает огромное сомнение. Если взглядеться в многовековые высказывания великих людей мира, то сомнения в непоколебимости такого мнения только укрепятся. Правда, у докладчика тоже есть ссылка на мудрость

прошлого. «Есть очень правильные слова, — говорил он, — которые когда-то были адресованы Александру II его наставником Василием Андреевичем Жуковским, я хотел бы их процитировать. Он сказал так: «Люби свободу... Свобода и порядок — одно и то же».² Но фраза «свобода лучше, чем несвобода» далеко не синонимична выражению Жуковского «Свобода и порядок — одно и то же». Различия существенны: политически, социально и криминологически (я криминолог).

Фраза «Свобода лучше, чем несвобода» сродни известному выражению Б.Н. Ельцина руководителям субъектов федерации на стадии её возможного развала в «лихие 90-е годы XX века»: «Берите суверенитета столько сколько проглотите». Россияне знают, чем это закончилось. Известный политолог Виталий Третьяков ситуацию в стране оценил так: «Война всех против всех и каждого против каждого — вот закон сегодняшней жизни России, вот закон жизни её элиты».³

* **Виктор Васильевич Лунеев** — лауреат Государственной премии РФ, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

© В.В. Лунеев, 2012

¹ Российская газета. — 2012. — 26 апреля.

² Там же.

³ *Третьяков В.* Бремя всевластия // Российская газета. — 2003. — 11 декабря.

У свободы нет идеологии. Свобода в одинаковой мере благоприятствует хорошему и дурному. Следует осознавать, что свобода вне правового контроля, порядка и ответственности не избирательна для правомерной или противоправной деятельности. Она является свободой для всех граждан, как с правомерными, так и с жесточайшими преступными склонностями. Выбор осуществляют сами субъекты той или иной деятельности. В силу определённой мобильности, криминальных талантов бюрократии и профессиональных навыков криминалитета свобода без правовых рамок открывает для профессиональной и бытовой преступности огромные возможности, которые широко используются особенно нашими чиновниками, не несущими за это никакой ответственности.

Свобода невольница. Её нельзя противопоставлять или отделять от законного конституционного правопорядка, материального благополучия, социального равенства и социальной справедливости. В чём их высшая степень социальной ценности? Они составляют сущность свободы, без анализа которых нельзя оценить её реалии. В нашей стране нет надёжного правопорядка, нет повсеместного материального благополучия, нет социального и даже правового формального равенства и нет господства социальной справедливости, а поэтому и нет никаких оснований восхищаться нашей реальной свободой. Её не было и при советской власти.

Но со времён «лихих 90-х» мы действительно и интенсивно движемся к свободе. Но не к цивилизованной свободе в строгих рамках конституционных норм, а к «свободе дикой природы», где каждая земная тварь абсолютно свободна, она может двигаться в любом направлении и делать всё, что ей «нравится», но лишь до тех пор, пока другая тоже абсолютно свободная, но более сильная, да ещё и в большей степени защищённая тварь, не проглотит её. Примером может служить многолетняя Кущёвка и сотни, если не тысячи, аналогичных Кущёвок: Энгельс, Гусь Хрустальный, Березовск и т.д. Это самые грубые и кровавые формы «свободы дикой природы». Но многие «свободные твари» делают то же самое бескровно и внешне почти цивили-

зованно. Например, путём мошеннических действий при помощи продажных нотариусов, судей, судебных исполнителей и полицейских отбирают доходный бизнес или единственную квартиру и более слабая тварь направляется в стан бомжей.

Классический пример сценария «свободы дикой природы» в России раскрыли в английском суде миллиардеры Б.А. Березовский и Р.А. Абрамович. Суть та же — воздействие, если не физическое, то моральное, духовное, материальное. Реальная и страшная угроза близким, вывоз девчонок и мальчишек за рубеж для проституции, а то и на «запасные части» и т.д. Западная цивилизация это приемлет. Она тоже живёт по канонам свободы дикой природы, правда, при более действенном социальном контроле.

Что самое страшное, даже самые высокие отечественные государственные лица боятся за свободу и здоровье своих детей. Они под усиленной охраной отправляют их в более благополучные страны. А кто и что охраняет наших детей? Их тоже как-то охраняют, но «постфактумно» и не эффективно. Данная проблема много лет изучалась автором на национальном и международном уровнях. Поэтому можно было бы привести огромное число обобщающих данных об отрицательной корреляции недостаточно обеспеченных законами долгожданных свобод и динамикой национальных и транснациональных посягательств.⁴

Криминогенность внутри страны очень быстро повышается с расширением свободной деятельности в той или иной сфере, если одновременно с провозглашением необходимой свободы не формируется адекватная законная ответственность. Нельзя пользоваться свободой без права нарушать её. Но это невозможно без соответствующего порицания или наказания. Преступная деятельность не может служить основанием для сворачивания свобод.

Свобода идёт параллельно с ответственностью. Свободный выбор налагает

⁴ См. Лунев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. второе, переработанное и дополненное. — М., 2005; *Его же.* Курс мировой и российской криминологии. В 2-х томах. — М., 2011.

на нас, включая и высших должностных лиц, обязательство принимать ответственность за последствия своего выбора. Ф.М. Достоевский писал: «Свобода не в том, чтобы не сдерживать себя, а в том, чтоб владеть собой». Таким образом, свобода не преходящая ценность для человека, но только тогда, когда она эффективно охраняется законом и установленным порядком. Беспорядок наоборот создаёт рабство и хаос.

Великий баснописец И.А. Крылов заметил: «Как не приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда разумная ей мера не дана». Таким образом, высказывание высокого должностного лица о том, что «противопоставление свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости в высшей степени неверно» откровенно криминогенно. И это не случайно. Оно, видимо, оказалось сутью той политики, которая проводилась в стране в последние годы. Это подтверждается объективным анализом недалёкого прошлого и настоящего.

Я не политолог, но криминологический анализ противоречивых реалий позволяет предположить, что этот лозунг (с пояснениями), скорее всего, отражает праворадикальную позицию властного лица, созвучную с лозунгами демонстрантов, прозвучавших на Болотной площади в Москве в 2012 году.

В США и Западной Европе в последнее время доминируют лево-радикальные призывы: «Захвати Уолл-Стрит», «Захвати Лондон», что, по-моему, свидетельствует об исчерпанности современного капитализма, об изжитии правого либерализма и т.д. Заглянем в ещё незабытую историю. Ныне очевидно, что гласность — единственное реальное «достижение» перестройки, объявление которой было самым простым делом, но с самыми непредсказуемыми и разрушительными последствиями.

Вначале гласность предполагалась не как свобода слова, а как большая свобода привычной для КПСС лояльной критики и самокритики. Но усилиями радикальных журналистов и политиков, прежде всего главного идеолога гласности А.Н. Яковле-

ва, она получила развитие как безбрежная свобода слова, как безответственная вольница. Он очень дорожил своей фразой: «Нам надо сделать гласность безотказно действующей системой».⁵

Именно свободой слова восторгалась определённая часть недалёкой гуманитарной интеллигенции, жаждущей такой свободы и не желающей, а может быть, и не способной предвидеть тяжкие последствия для страны, для народа, о котором мало кто из них думал. Суверенизация самовыражения была главной идеей, что закономерно перетекло в охлократию.

Один из идеологов демократии и гласности (ставший потом в оппозицию к Горбачёву, а затем и к Ельцину) профессор Ю.Н. Афанасьев пишет: «Гласность» почти мгновенно вышла из дозволенных берегов... достигла масштабов свободного доступа к информации. За сталинскими репрессиями быстро разглядели ленинские, а за теми и другие... изначальную преступность всего советского режима... Партия и власть стремительно утрачивали... легитимность... Горбачёвская «гласность»... коснулась судьбы КПСС и предопределила её окончательный развал».⁶ А разрушение партии при существующем тогда режиме в СССР означало превращение в развалины всего государства.

Параллельно с «агрессивно-послушным большинством» (термин Афанасьева об участниках Съезда народных депутатов СССР) интенсивно формировалось новое и ещё более агрессивное большинство из прямых разрушителей страны, радикалов перестройки, диссидентов, жертв советских массовых репрессий, других обиженных властями и иных попутчиков. Одни перестройщики планировали такой исход, другие не ведали, что творили.⁷

⁵ Яковлев А. Омут памяти. — М., 2000. — С. 5—19, 300—356 и др.

⁶ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: традиции самовласти сегодня. — М., 2001. — С. 305.

⁷ Задолго до перестройки Дж. Кеннан-младший писал: «Если кому-нибудь удастся нарушить единство и силу Коммунистической партии СССР как политического инструмента, Советская Россия может быть быстро превращена из одного из сильнейших в одно из самых слабых и ничтожных национальных сообществ» (цит. по: Шевякин А.П. Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. 1945—

Наверное, не трудно было члену Политбюро ЦК, действительному члену АН СССР, который владел отечественной и закордонной информацией и сам всё это сотворил, ожидать сверхразрушительной охлократической реакции трехсотмиллионного загнанного народа, который 70 лет беспощадно уничтожали, унижали и затыкали ему рот, а потом вдруг сказали: «Говорите, что хотите, ругайте, кого хотите, болтайте, что вздумается».

Это всеобщее обоснованное поношение тогда парализовало государственные и партийные структуры. Всё стало рушиться. Охлократия стала главной и не управляемой обществом силой. На политическую арену вышли сотни крикунов, которые утверждались в разрушении всего и вся по известному принципу «до основания, а потом...», за ними шли насилие, преступность и вооружённые кровавые межнациональные столкновения.

Было бы крайне несправедливо и безответственно оплёвывать всю 70-летнюю жизнь и деятельность многомиллионного народа. Но речь идёт не о том, чтобы обелять тяжкие пороки советского периода, и не о том, что демократия, гласность, свобода слова не нужны были нашему многострадальному народу. Вопрос в другом: каким образом должны вводиться эти, в данном случае взрывоопасные, свободы! Поэтому колоссальной задачей перестройки должен был стать постепенный, последовательный и хорошо контролируемый перевод страны на цивилизованный путь

1991. — М., 2004. — С. 146.). Горбачёв высказывался по этому поводу неоднократно и более определённо: в израильском парламенте в феврале 1992 г.: «Всё, что я сделал с Советским Союзом, я сделал во имя нашего Бога Моисея» (цит. по: *Игнатъев А.Н.* «Пятая колонна». — М., 1998. С. 66.); в Конгрессе США в 1992 г.: «Мир может вздохнуть спокойно... Идол коммунизма... рухнул» (цит. по: *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. — СПб., 1999. — С. 130.); в Американском университете в Турции в 1999 г.: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма... Мне удалось найти сподвижников. Среди них особое место занимают А. Яковлев и Э. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неопределимы» — газета «Usvit» (цит. по: *Дроздов Ю.И., Фартышев В.И.* Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. — М., 2001. — С. 90—91).

развития с учётом всех существующих реалий и прогностических выводов.

Великий А.И. Солженицын сказал, что спуститься с вершины тоталитаризма можно только с туго натянутыми вожжами.⁸ Но вот этой чёткой последовательности, постепенности, сдержанности, учёта и прогноза возможных реалий у охлократии не было.

В предисловии к книге «Омут памяти» А.Н. Яковлев цинично приводит вопросы к реформаторам. Что это было: демонстрация свободы или злоумышленный развал соцсистемы и СССР, смелое реформаторство или катастрофически провальная эксперимент, подвижники или предатели, обманувшие партию, страну, народ и т.д.? Но ответ на них он ищет не в своих действиях и действиях других перестройщиков, а сваливает всё на народ: «Думаю, что истоки нынешнего хаоса — в самой истории России, в её традициях, в социальной психологии народа».⁹ Видимо, понимая, что это демагогия, он вдруг застыдил: «Говорят, что стыд глаза не ест. Неправда! Ещё как ест! Если ты такой совестливый, говорю я самому себе, то, как ты допустил, что реформы, в которых ты активно участвовал, в конечном счёте, привели к новому обнищанию народа. Мне отвратительны продолжающаяся люмпенизация общества, коррупция, наглая самоуверенность и умственная ограниченность многих из тех, кому ты объективно помог прийти к власти и богатству. Всё это и многое другое постоянно душит меня вопросом: а правильно ли ты принял участие в том, что перевернуло Россию, но обрекло её на новые мучительные страдания на пути к свободе?».¹⁰ И тут же оправдывает себя тем, что он якобы к деформациям преобразований не причастен, поскольку Горбачёв отодвинул его. *Оправдание неуместно.* А.Н. Яковлев в другом месте признаётся: «Я не ожидал всех сложностей предстоящего процесса. Не сразу пришло понимание, что воплощение демократии в жизнь реальной России потребует колоссальных

⁸ Цит. По: *Рыжков Н.* Перестройка: история предательства. — М., 1992. — С. 374.

⁹ *Яковлев А.* Омут памяти. — С. 7.

¹⁰ Там же. — С. 15.

и длительных усилий... Я был убеждён, что стоит только вернуть народу России свободу, как он проснётся и возвысится...».¹¹ Но, судя по его другим высказываниям, он предвидел разрушительный результат и стремился к нему. Достаточно свежим местом в докладе на 27-м съезде КПСС, пишет он, было его личное положение о развитии гласности. «*Революционное значение этого положения партийная элита поняла значительно позднее... Не ведала номенклатура, что творила*».¹² (Выделено В.Л.). А он, естественно, ведал, знал, предвидел.

Провозглашая свободу, противопоставленную порядку, материальному благополучию и справедливости, мы существенно ослабляем социально-правовой, социально-криминологический и нравственный контроль и самоконтроль. В этих условиях большинство людей ориентируются лишь на свои актуальные ситуативные потребности в «свободном» обществе. Можно было бы не обращать особого внимания на приведённое высказывание, если бы реальные события не подтверждали бы сущность этого рефрена.

Обратимся к официальной уголовной статистике. В 2011 г. в России было зарегистрировано только 2 млн 405 тыс. преступлений, т.е. на 37,6 % меньше, чем в 2006. Число преступлений на 100 тыс. населения составило около 1800. Таким образом, после выборной кампании 2006 г. вся регистрируемая преступность сокращалась как по заказу: в 2007 г. — на 19,3 %, в 2008 г. — на 6,9 %, в 2009 г. — на 0,2 %, в 2010 г. — на 12,4 % и в 2011 г. — на 8,5 %, а в целом за эти года — на 62,4 %. Таких успехов не имела ни одна страна мира. Практики говорят: требовали работать на показатели. Преступность в стране стала намного ниже, чем в США и странах Западной Европы. Исходя из этих данных, нам можно только торжествовать. Но это мошенническая статистика, которую сам президент страны справедливо назвал брехнёй.

Заявлений и сообщений о происшествиях регистрируется в год около 23—24 млн. В этом числе могут быть и ошибочные заявления граждан, но по исследо-

вательским данным НИИ Прокуратуры и НИИ МВД у нас в год реально совершается до 23—24 млн. преступлений.¹³ Возьмём за базу общее число заявлений и сообщений граждан (практически совпадающим с реально совершаемой рассчитанной преступностью) — 23,5 млн. На основе этих заявлений и сообщений в 2010 г. было официально зарегистрировано только 2,7 млн преступлений (только 11 %). Выявлено лиц, совершивших преступления, — 1,1 млн (лишь 4,7 %). Осуждено виновных — 0,8 млн или 3,6 % (от заявленных — капля в море). Избежали уголовной ответственности по различным причинам более 95 % правонарушителей. Вот и вся эффективность «свободы» противодействия преступности и защиты прав граждан.

Реальное сокращение учтённой преступности такими темпами потребовало бы огромных политических, экономических и организационных усилий. Но даже при таких усилиях надолго успеха добиться было бы очень трудно. А у нас в эти годы был экономический кризис и не совсем научно обоснованное реформирование системы МВД при серьёзной нехватке профессионально подготовленных и добросовестных кадров.

Приведу частный пример из нашей современной жизни. Президент Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий, которая объединяет 1500 корпораций, институтов и университетов, работающих в области информационных технологий, О.А. Ускова 7 декабря 2011 г. рассказала о проведённом анализе развития ИТ-сектора в этом году. Ассоциация провела опрос ряда ведущих экспертов отрасли с целью оценки уровня коррупции. Всего было опрошено 2,5 тыс. ведущих работников фирм и организаций из 40 регионов РФ. Итоги опроса ошеломляют: *самое коррумпированное ведомство, по мнению отрасли, — РОСНАНО с оценкой «наивысший», на втором месте с такой же оценкой находится Минэкономразвития, следующим идёт Минобрнауки*, где уровень коррупции оценили как «очень высокий».

¹¹ Яковлев А. Омут памяти. — С. 16.

¹² Там же. — С. 325.

¹³ Вестник Академии Генпрокуратуры. — 2011. — № 1. — С. 75.

«Откаты» в секторе IT в истекшем году составили около 60 %. Всего в 2011 г. на реализацию инновационных программ и проектов в рамках бюджета было запланировано *1,2 трлн. рублей*, из них традиционно наибольшая доля приходится на сектор IT — около 300 млрд. рублей, 60 % от которых (а это 180 млрд.) — коррупционные чиновничьи доходы, а ведь отрасль информационных технологий — совсем не единственная.¹⁴ Однако уголовных дел нет.

По данным ФАС на долю чиновников приходится около половины нарушений антимонопольного законодательства. «Слуги народа «химичат» с госзакупками, представляют необоснованные преференции «своим» компаниям и создают препятствия для «чужаков»».¹⁵ И тоже без уголовной ответственности.

Обратимся ещё к одному примеру: к самым опасным деяниям — умышленным убийствам (данные за последние 10 лет).

Многие заблуждаются и считают данное преступление низколатентным. Проверим. За 10 лет было официально зарегистрировано 263 889 убийств. Примем это число за 100 %. Было выявлено виновных лиц — 86,3 %, а осуждено только — 67,5 %. За это же десятилетие в стране пропало без вести 1,2 млн. человек. Не разысканными осталось 38,2 %, но зато выявлен был почти миллион (974 672) неопознанных трупов, значительная часть которых — следствие убийства в предшествующее время. Если всё это грубо сложить, то получается, что у нас ежегодно в среднем уходят от уголовной ответственности *до 100 тыс. убийц*.

На рисунке 1 хорошо видны две верхние кривые. Самая верхняя — динамика лиц, пропавших без вести, а ниже неё — динамика найденных и неопознанных трупов. Я не касаюсь здесь порочности отечественной квалификации и учёта убийств (не по лицам, а по событиям), а

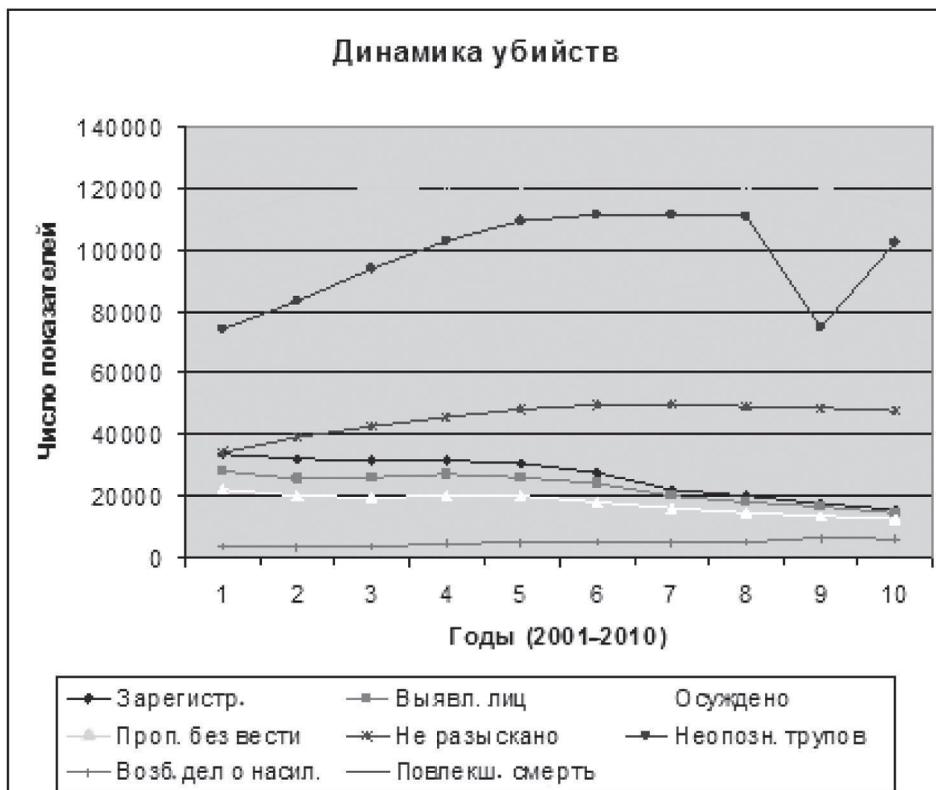

Рисунок 1. Динамика убийств

¹⁴ Ревич Ю. «Откаты» в секторе информационных технологий в 2011 году составили около 60 %. URL: <http://www.novayagazeta.ru/economy/49937.html> (дата обращения: 17.08.2012).

¹⁵ Российская газета. — 2012. — 14 мая.

также убийств, которые квалифицируются по другим статьям УК РФ, и реальных убийств, осуществлённых под естественную смерть, несчастный случай и т. д. и т. п. Это бы ещё более увеличило число безнаказанных убийц. Есть основания полагать, что в нашей стране ходят на воле тысячи убийц и миллионы других преступников, избежавших уголовной ответственности. А безнаказанность в условиях «свободы дикой природы» несёт в себе сложнейшую проблему общественной безопасности. Невольно вспоминается рефрен-афоризм:

Есть смысл считать почти доказанным,
Что скоро кровь опять прольётся,
Когда убийца безнаказанным
На воле долго остаётся.

По неполным данным ООН в России убийств больше, чем в США, которая всегда была склонна к насильственным методам решения проблем». ¹⁶

Все эти данные публикуются не впервые. Они объективны и никто их не оспаривает. Можно было бы привести огромное число других статистически обобщающих и частных свидетельств. Все они приводят нас к серьёзным вопросам: о свободном правовом государстве, о свободе дикой природы, о высшей степени верности или неверности идеи «противопоставления свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости». Какие же меры предпринимают власти, чтобы не скатываться дальше к свободе-вольнице? Великий русский баснописец И.А. Крылов полагал:

Как не приманчива свобода,
Но для народа не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

Приведу только несколько высказываний, распоряжений и фактов.

1. У нас мошеннически самый низкий уровень официально учтённой преступности. Реальный — в 5–8 раз выше. Со времён Возрождения известно, что уровень преступности можно снизить двумя путями: путем минимизации причин криминального поведения (криминологический либеральный подход) и путём

ужесточения уголовной ответственности (карательно-возмездный подход).

Криминологический либеральный подход у нас дважды выдвигался властями (после революции в 20-е годы XX века и в процессе хрущёвской «оттепели» в 60–70-е годы того же века). Оба раза криминологический подход, будучи по сути перспективным и демократичным, не давал скорых и устойчивых результатов. Он требовал соотвествующей организации, системного и непрерывного изучения причинности противоправного поведения, подготовленных специалистов и больших сил и средств. Поэтому его громогласно (Н.С. Хрущёв даже публично обещал пожать руку последнему преступнику) открывали, а затем тихо закрывали.

Криминология нашей власти и ныне не нужна. Слишком накладно, хлопотно и неосвязаемо. Её использование предлагалось ещё в царской России. В 18-м веке наш соотечественник А.Н. Радищев, намного раньше известнейшего Адольфа Кетле, в работе «О законоположении» (1802) пришёл в этом плане к исключительно важным выводам о роли уголовной статистики и социологии в разработке уголовного законодательства. Он констатировал печальные тенденции преступности в России и предложил основные направления использования реальных статистических и социологических данных и закономерностей в правотворческой работе. В своей работе «О законоположении» он писал, что *для разработки новых законов необходимо полноценный статистический материал, правдиво освещающий преступность, её причины, деятельность правосудия и другие правовые и экономические вопросы, что только на основании таких данных «можно почерпнуть мысли для будущего законоположения».* *Имея перед собой судопроисшествия разных годов и разных областей обширной России, ясно видно будет: какие причины и побуждения к содеянному преступлению. Только видя источники преступления, можно найти будет ему необходимую преграду.*¹⁷ Мы практичес-

¹⁶Почему американцы убивают? URL: http://News.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1388000/388711.stm (дата обращения: 17.08.2012).

¹⁷ *Радищев А.Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. — М., 1952. — С. 460.

ки не освоили мудрость великого предка. Правда, по этой проблеме написано много книг, в том числе и автором.¹⁸ Но системных перманентных исследований в законодотворческих целях нет. А должны быть настоящие профессиональные мозговые аналитические и прогностические центры. Их не могут заменить публикации в интернете и другие публичные обсуждения. Они могут быть использованы лишь на этапе выдвижения тех или иных гипотез и при экспертизе разработанных законопроектов. И эти замечания могут быть вновь подвергнуты анализу и прогнозу в научных центрах.

В УК РФ 1996 г., например, на догматической основе был разработан красивый перечень из 13 видов наказания. Но применялись только лишение свободы и штраф, плюс вырвало условное осуждение. Остальные виды бездействовали, так как не было условий для их исполнения. А ведь это мог при разработке УК предвидеть даже ученик 5-го класса. Но увлечённым законописателям анализ реалий и прогноз их развития были не нужны. Уголовно-правовая борьба с преступностью была в эти годы серьёзно подорвана. Суды, как правило, осуждали виновных к лишению свободы, а при получении хорошего «куша» — к лишению свободы условно. Норма фактически была коррупциогенной. Правоприменительная практика уголовных судов за последние 15 лет была законоразрушительной. И это было предопределено порочным законодотворчеством.

Второй вид контроля — *уголовно-правовой*. Он, на первый взгляд, намного дешевле и более очевиден. Поймали человека, посадили в места лишения свободы и все относительно довольны (зло наказано). Всё зримо и понятно. От этого вида контроля человечество пока отказаться не может. Но надо осознавать, что эта мера ещё менее эффективна, чем профилактика. И она не перевоспитывает осуждённого, а при нашем огромном социальном правовом неравенстве и социальной несправедливости только озлобляет и формирует из него неисправимого рецидивиста. Уго-

ловно-правовой подход прост, понятен и устрашим. А перевоспитывать каждую «абсолютно свободную тварь» в условиях изощрённых примеров массового грабежа России, за совершение которого до сих пор никто не понёс уголовной ответственности, очень трудно, даже непосильно.¹⁹ А осуждённые к лишению свободы всё больше становятся огромным экономическим, организационным и моральным грузом. На Западе преступность больше, но «сидельцев» — меньше. У нас замечен такой психологический парадокс: народ возмущается после выявления какого-то опасного преступления. Проходит время, тяжесть преступления забывается. Преступника судят, хорошо оплачиваемые адвокаты принимают неимоверные усилия к его оправданию или смягчению его участи. Через СМИ они обращаются к народу и многие люди готовы к смягчению судьбы беспощадного преступника. Психология отходчивости глубоко живёт в нашем народе. Некоторые мудрецы полагают, что излишняя снисходительность к преступнику указывает на предрасположенность быть им. Эту характеристику точно выразила М. Цветаева: «Если я вижу насилие — я за жертву, если насильник убегает — я дам ему убежище».

В последние годы нового века встал вопрос: «Как сократить число сидельцев, но не путём снижения криминогенности в стране, не путём эффективной праввоспитательной профилактической работы (всё это очень трудно), а пойти хорошо проторенной дорогой с помощью мошеннической уголовной статистики»? И чтоб

¹⁸ См., например: *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии. 2 тома. — М., 2011.

¹⁹ Был такой исторический эксперимент. Президент Клинтон в 1994 г. подписал Закон США «О контроле над насильственной преступностью и правоприменительными органами». Он выделил на эти цели 30,2 млрд. долларов, запретил продажу и хранение 19 видов наступательного огнестрельного оружия, распространил смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений. При его подписании президент США сказал криминологически значимые слова: «*Законопослушные граждане заставили услышать их голос. Никогда впредь Вашингтон не поставит интересы политики и партий над порядком*» (Российская газета. — 1995. — 28 марта.). У нас таких забот не проявляется. В последние годы об этом никто из властителей даже не заикается. Их, видимо, удовлетворяет мошенническая статистика учёта преступности.

делу дать законный вид и толк, было придумано под лозунгом «свобода лучше, чем несвобода», множество решений:

- 1) декриминализировать некоторые преступления;
- 2) перевести уголовные преступления в административные правонарушения;
- 3) заменить предпринимателям арест как меру пресечения на крупный денежный залог;
- 4) снизить меры уголовного наказания в виде лишения свободы до минимума;
- 5) заменить лишение свободы штрафом и откупом;
- 6) внедрить исторически выстраданные направления осуждённых в организующие центры (которых пока нет) для работы, как в былые времена на «химию или лесоповал»;
- 7) внедрить домашний арест с браслетным контролем;
- 8) переименовать милицию в более эффективную и достойную полицию;
- 9) ликвидировать главное управление по борьбе с организованной преступностью, поскольку оно могло «копать» в непопулярном месте;
- 10) было внесено даже такое революционное предложение — заменить лишение свободы пожизненным штрафом, который может выплачиваться не только самим субъектом преступления, но, если он умрёт, то и его детьми, внуками, а может быть и правнуками (автор Н. Фёдоров, сенатор и руководитель исследовательского центра). И это далеко не всё.

После принятия в 1996 г. УК РФ в него было внесено более чем сотней федеральных законов свыше 3000 изменений и дополнений (далеко не всегда научно и практически обоснованных). Некоторые предложения приемлемы, но в научно-практическом плане, аналитически и прогностически они не изучались. При этом нельзя было исключать экспериментальных испытаний в одном-двух регионах. При таком легковесном подходе легко ухватиться, например, за страну Транай, описанную американским фантастом Р. Шекли, в которой доминировало сплошное беззаконие, но осуждённых преступников не было. Так что далеко не всё ещё освоено.

В структуре различных новелл особое направление реализуется в более гуманном отношении власти к предпринимателям, хотя экономическая предпринимательская преступность у нас огромна. Она причиняет самый большой ущерб нашей экономике. Под ширмой демократизации из УК РФ была исключена известная с древнегреческих времён и действующая во всех странах мира и международных документах эффективная мера для жулья — конфискация имущества, которую после многочисленных обсуждений ввели, но уже в порочном виде. За совершение бытовых деяний конфискация возможна, а за совершение экономических преступлений и преступлений против собственности, которые причиняют самый огромный материальный ущерб, нет.

Как много было обещаний властей народу, после первых известных событий на Болотной площади, о необходимости криминализации незаконного обогащения. Эта норма очень эффективна и рекомендована международной Конвенцией, которая была Россией подписана и ратифицирована. Но власти так и не решились на этот героический поступок. Боязно! Опасно! Для кого? Ответ очевиден.²⁰

Более того, высокими властями был брошен клич: «Не надо кошмарить предпринимателей». Предприниматели в экономическом и даже в политическом отношении, особенно перед выборами, слой важный. Но кошмарить вообще никого не следует, если мы демократическая страна, в которой существует правовое равенство.

²⁰ В 2002 г. в Палермо (Италия) состоялся семинар «Использование конфискованного имущества мафиозных организаций для социальных целей». В нашей группе, кроме меня, были депутат Госдумы РФ Ю.П. Щекочихин, обозреватель газеты «Совершенно секретно» Л.Ю. Кислинская, профессор Санкт-Петербургского университета Б.В. Волженкин и проф. из США Луиза Шелли. Семинар был недельный. Он проходил в форме встреч и бесед с руководителями префектуры и мэрии Палермо с организаторами ассоциации «Либер», которая изучает вопросы конфискации имущества у мафии и пути его дальнейшего использования. Мы также встречались с руководством прокуратур и судов, а также с представителями властей, с руководителями предприятий и ассоциаций, которые практически используют конфискованное недвижимое имущество в социальных целях.

В последнее время слова «не кошмарить» заменены «комфортом для предпринимателей». Но почему власти озабочены только предпринимателями? Ныне у них есть возможность даже откупиться от уголовной ответственности. А где же равноправие и «свобода лучше, чем несвобода»? Ответа нет. Более того, действия властей противоречивы. Например, Минэкономразвития хочет ужесточить контроль над банковской отраслью и ввести уголовную ответственность для банкиров, в том числе занимающих руководящие должности, которые всего лишь фальсифицируют отчетность, указывающую на приближение банкротства. Да и в других странах их по головке не гладят. В США, например, много арестов за совершение экономических преступлений. Меры наказания до 200 лет. Тогда как в нашей стране власти проявляют к ним особое человеколюбие. И даже советуют их не арестовывать до суда и ограничиваться залогом. Хотя очевидно, что оставшись на свободе, экономический преступник имеет особые возможности по уничтожению документальных доказательств, уводу активов, подкупу свидетелей и потерпевших и, в конечном итоге, выезду из страны. Сколько серьёзных экономических преступников сейчас находится за рубежом? Тысячи!

Криминогенная обстановка в экономической предпринимательской сфере во многих странах мира, в том числе и в России во время глобализации, остаётся сложной. В последнее время крупнейшие предприниматели-воротилы обсуждают вопрос *о нерентабельности существования значительной части человечества*. Ими рассматривается предельно бесчеловечный выход из этой ситуации. *Если целью существования человечества остаётся получение прибыли* (то есть оно продолжает существовать в рамках рыночной парадигмы), то *главная задача, которая объективно стоит перед ним, заключается в физическом истреблении собственной нерентабельной части*.²¹ Именно в истреблении, так как

²¹ В процессе глобализации первое место занимает проблема занятости населения. Глобалисты-прагматики оценивают её с помощью пары цифр 20:80 и концепции титттейнмента (от tits — сиськи и entertainment — развлечение) — термин З. Бже-

поддержание любого, сколь угодно ничтожного существования миллиардов людей, не имеющих возможности приносить прибыль глобальным корпорациям, означает для последних непроизводительную трату ресурсов. И это тоже на нашем языке является преступным замыслом, который давно реализуется. Я уже не говорю о преступных способах захвата собственности, используемых с ельцинских времен и до наших дней.

В России практически не устоялись официальный учёт и обнародование экономических преступлений. В официальных обобщающих статистических сборниках экономические преступления вообще не представлены. Все учёты ограничиваются, если можно так сказать, «мелочью». Общеизвестно: «Закон — это паутина, через которую легко пролетают крупные мухи, и застревает мелюзга». Крупнейшие многомиллионные и даже многомиллиардные бизнес-преступления вообще отсутствуют в учёте. Тем не менее, при любом уголовно-правовом и статистическом подходе *экономическая преступность в России по сути своей была и останется ядром огромной корыстной преступности*. Если бы удалось зарегистрировать хотя бы четверть реальной экономической преступности, она могла бы превзойти число самых распространённых деяний. Латентность преступности экономической направленности самая высокая. Именно экономические преступления подрывают экономику страны и её социальные программы.

В ситуации безнаказанного разграбления государственной собственности в «лихие 90-е» льготные условия для предпринимателей не объяснимы. Деклариро-

зинского. При глобализации мира, которая использует все достижения научно-технического прогресса, будет достаточно 20 % образованного населения. Остальные 80 % останутся без работы и достаточных средств существования. Они должны будут довольствоваться титттейнментом. Содержать и удерживать в рамках права до 4 млрд. «лишнего» населения титттейнментом вряд ли возможно (Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. — М., 2007. — С. 23–24). Дилемма будет состоять в том, как выразился один из участников дискуссии в «Фермонт-отеле» (Сан-Франциско, 1995 г.), что «либо ты ешь ленч, либо на ленч едят тебя» (Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация. Пер. с нем. — М., 2001. — С. 21).

вание свободы и равенства всех граждан при одновременных сословных привилегиях и покровительстве, распространяющемся только на предпринимателей, понять трудно.

И в этих условиях идея сословного покровительства развивается дальше: «не надо арестовывать до суда предпринимателей, надо отпускать их под залог», «не надо лишать свободы предпринимателей, а надо штрафовать их на большие суммы» и укладывается в многовековую пословицу: «Если ты украл булку хлеба — пойдешь в тюрьму, а если железную дорогу — будешь сенатором».

Эта пословица многократно реализовывалась в нашей стране. Может быть, в этом причины некоторых радикальных лозунгов, прозвучавших на Болотной площади? К организаторам опасных народных волнений власти относились гуманно. Но радикализация некоторых слоёв общества будет продолжаться. Поэтому есть пред-

ложения иного порядка. И как быть с лозунгом «Свобода лучше, чем несвобода»? Ведь, исходя из провозглашённого лозунга, более жёсткие правовые меры к не беспричинно бесчинствующим радикалам нельзя назвать «свободой». И вообще обоснованное противодействие преступности с применением имеющихся у государства законных сил и средств, с насильственным задержанием активистов и их арестом не укладывается в провозглашённое государственным лицом в формально либертарно-юридическое понимание «свобода лучше, чем несвобода».

Есть три взаимосвязанных латинских пословицы, которые помогают понять слагаемые законности: *Ubi periculum, ibi lex* (где опасность, там и законы), *Ubi jus, ibi remedium* (где право, там и защита), *Ubi lex, ibi poena* (где законы, там и наказание). Древние эти взаимосвязи знали, а современные властители пользуются этими слагаемыми выборочно.

2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Материалы круглого стола «Воспроизводство преступности.
Причины преступного вмешательства в политику суверенного государства»
от 2 марта 2012 года

УДК 343.9
ББК 67.51

Й. Арнольд*

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ, ПЕРЕХОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА¹

Аннотация: Необходимо использовать все возможности для того, чтобы были привлечены к ответственности не только все нарушители прав человека повергнутой политической системы, но также и те, кто со своей стороны совершили тяжкие нарушения прав человека, чтобы попытаться с помощью военного насилия извне достичь смены политической системы.

Ключевые слова: политическая система; агрессия; международное уголовное право.

J. Arnold

CHANGE OF POLITICAL SYSTEM, TRANSITION CRIMINAL LAW AND SO-CALLED HUMANITARIAN INTERVENTION

Summary: It is necessary to use all the possibilities to take criminal proceedings against not only all the violators of the human rights of the collapsed political system but those who committed these violations to achieve the change of a political system through external military violence.

Key words: political system; aggression; international criminal law.

Изменения политического режима и переходное уголовное право

Близится к завершению многолетний научно-исследовательский проект Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка на тему «Уголовное право в ответ на системную противоправность: сравнительное обозрение переходного процесса». Центральный вопрос этого проекта был направлен на то, чтобы исследовать роль национальных уголовных законодательств по отноше-

нию к системной государственной противоправности после обрушения политических систем.

К настоящему времени опубликовано 13 томов с результатами исследований, проведённых в 22 странах. Заключительный том почти готов для сдачи в печать. В нём сравнены и обобщены итоги предшествующих томов, главным образом, в отношении следующих стран: Германия, Польша, Венгрия, Россия, Эстония, Литва, Грузия, Беларусь, Болгария, Испания, Португалия, Греция, Аргентина, Чили, Бразилия, Уругвай, Гватемала, Южная Африка, Мали, Гана, Китай, Южная Корея. Решение задач исследования стало возможно благодаря ряду немецких и зарубежных учёных, представивших отчёты по отдельным странам. Результаты по России представлены к.ю.н Людмилой Борисовной Обидиной (Нижегородский

* Йорг Арнольд — доктор права, профессор, руководитель исследовательской группы Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка (Фрайбург, Германия). E-mail: j.arnold@mpicc.de

© Й. Арнольд, 2012

¹ Перевод: А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия), О.Ю. Ильченко (Владивосток, Россия).

государственный университет им. Н.И. Лобачевского).

Заглавие заключительного тома «Переходное уголовное право и политика в отношении прошлого» с помощью ключевых слов выражает полученный итог проекта: Национальное уголовное право перехода общественных систем предстаёт в связи с его обращением к системной противоправности старой системы как некое *переходное уголовное право*. Это переходное уголовное право — его проявления, пути и грани — зависимы от той политики перехода, в которой отражается прошлое, которая прошлому противостоит или соответствует (*политика в отношении прошлого*).

Образованные социальным и политическим научным исследованием междисциплинарные теоретические рамки проекта необходимо было вместе с тем связать с уголовно-правовой постановкой вопроса. Рассмотрение политических системных изменений и, соответственно, крушений систем привело к тому, что понятие *переходного уголовного права* стало центральным пунктом проекта. Для работы с переходным уголовным правом в качестве самостоятельного понятия и предмета исследования мы обратились к исследованиям «правосудия переходного периода», в частности, к работам Джона Эльстера², в соответствии с которыми юстиция переходного периода складывается из нескольких процессов: судебных процессов, чисток и возмещений ущерба. Причём, понятие «юстиция» здесь трактуется

широко, охватывая законодателя, суды и административные учреждения. Хотя уголовное право в исследованиях «переходной юстиции» Эльстера и др. играет некоторую роль, в дополнение к этому в результате наших исследований особого уголовного права появляется: переходное уголовное право и переход в его специфических проявлениях как составная часть, элемент этой переходной юстиции. При рассмотрении переходного процесса проясняется протекание политического перехода в отдельных странах, которое может быть обозначено в зависимости от конкретного протекания либо как изменение, либо как смена системы. Понятие «смена системы» сильнее подчёркивает разлом между старой и новой политической системой, в то время как термин «изменение системы» описывает протекание скорее как постепенный, последовательный переход.

В качестве понятий более высокого уровня употребляются «разрушение системы» или «изменение системы». Эти понятия позволяют вести дальнейшее подразделение стран, которые не вполне могут быть охвачены понятиями «смена системы» или «изменение системы». Применительно к таким странам как Китайская Народная Республика — в отличие от «смены системы» или «изменения системы» — можно говорить об изменении направления развития.

В частности, в отношении охваченных проектом стран разработаны следующие обзоры:

Таблица 1. Изменение системы путём смены системы

	Страна	Смена системы
Восточная Европа	ГДР СССР Чехословакия	Присоединение к другому государству Распад государства Взрыв и распад на отдельные государства
Южная Европа	Греция Португалия	Взрыв военного режима Революция (военный переворот)
Латинская Америка	Аргентина	Взрыв военного режима
Африка	Мали	Военный переворот

² Сравнить: *Elster, J. Closing the Books: Transitional Justice in Historical Perspective.* — Cambridge, 2004.

Таблица 2. Изменение системы через преобразование системы

	Страна	Преобразование системы
Восточная Европа	Польша Венгрия Болгария	Договорное Договорное Сверху
Южная Европа	Испания	Сверху
Латинская Америка	Бразилия Чили Гватемала Уругвай	Договорное Договорное Договорное* Договорное
Африка	Гана ЮАР	Сверху Договорное*
Азия	Корея	Договорное

* Прекращение гражданской войны

Таблица 3. Изменение системы через изменение направления развития

	Страна	Изменение направления развития
Азия	КНР	Договорное

Применительно к переходному уголовному праву заметны три крупных пути, на которые страны ступили каждая по-своему: пути уголовного преследования, безнаказанности и отказа от наказания. Вместе с тем проявляется дифференциация этих категорий. На *пути уголовного преследования* следует различать полное и ограниченное уголовное преследование, на *пути безнаказанности* — относительную и полную безнаказанность.

Как полное обозначается *уголовное преследование*, которое осуществляется в определённых значительных масштабах, как *ограниченное*, — если оно количественно сравнительно меньше и если с самого начала ограничение преследования отмечено с помощью определённых критериев (таких как составы преступления, давность, личность, исторические отрезки времени). Во многих случаях границы между ограниченным уголовным преследованием и относительной безнаказанностью подвижны.

Что касается безнаказанности, то ей присущ атрибут отсутствия судебного преследования. Как относительная предстаёт безнаказанность, когда всё же установлены хотя и немногие случаи уголовного

преследования. Одновременно понятие безнаказанности описывает генеральный феномен, состоящий в том, что изменение системы в основе своей происходит без уголовно-правовой реакции на системную противоправность прежней государственной системы.

Особая проблема имеется с определением освобождения от уголовной ответственности. Хотя на первый взгляд различия между уголовной безнаказанностью и отказом от применения наказания почти не существует, тем не менее, различие выявляется. Прежде всего, оно заметно в отчёте по Южной Африке. В этой стране понятием «отказ от наказания» охватывается реальность, в которой речь идёт не о безнаказанности в чистом виде, но об осознанном отказе от наказания при совершенно определённых условиях: виновные открыто признают содеянные ими системные правонарушения и таким образом активно содействуют установлению истины.

На основании отчётов по странам три пути для переходного уголовного права, которые смогли быть познаны и изучены — уголовное преследование, безнаказанность и отказ от применения наказания — типичны для переходного уголовно-

го права, причём неприменение наказания представляет собой основной путь.

По результатам проекта представления об «уголовном преследовании», «безнаказанности» и «отказе от наказания» выявляются как отличительные черты и как возможности переходного уголовного права. Здесь речь не идёт о модели уголовно-правовой реакции на системную противоправность, во всяком случае, из этих констатаций не вытекает образец для других стран. Пожалуй, о модели переходного уголовного права можно говорить лишь, если ею должны быть обозначены только определённые типизации.

Как следующая характерная черта переходного уголовного права выявилось связанное с потерпевшими переходное уголовное право, причём речь идёт о мероприятиях восстановления положения жертвы таких, как реабилитация, возмещение вреда, с одной стороны, и об особенных институтах установления истины (в т.ч. комиссиями истины), с другой стороны.

В целом эта картина показывает, что из найденных моделей обращения с системной противоправностью не выводится определённая руководящая линия для национального уголовного права, защищающего права человека, для *определённой* переходной модели уголовно-правовой политики в отношении прошлого. Несмотря на определённую типизацию разрушений прежней государственной системы и путей обращения с системной противоправностью, каждая страна представляет собой отдельный конкретный случай. Важная причина того, почему задерживается развитие модели политики, связанной с уголовным правом, разрушающей прошлое, состоит в том, что переходное уголовное право находится в непосредственной зависимости от переходной политики и политики прошлого и эта переходная политика со своей стороны определяется множеством факторов влияния и проводится с различными целевыми установками. Однако извне поступают данные о том, что наиболее часто распространены *комбинации* путей *безнаказанности, восстановления положения, равно как установления истины.*

Международное право

До сих пор мы вели речь о национальном переходном уголовном праве. Было уделено также внимание нашим исследованиям в рамках проекта Института им. М. Планка. Вместе с тем нельзя не видеть, особенно в последние двадцать лет, рост международной судебной уголовной наказуемости; назовём *ad-hoc-суды*³ по Югославии и Руанде, постоянный Международный уголовный суд или так называемые интернационализованные суды, а также «гибридные суды» в Ираке, Камбодже, Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, Боснии и Герцеговине. Не в последнюю очередь эти интернациональные и интернационализованные суды могут быть рассмотрены как попытка перейти границы национального переходного права или ступить на параллельные пути уголовно-правовой защиты прав человека. Эти пути вполне могут быть охарактеризованы также как международные юридические вмешательства, чью легитимность здесь должно поставить под сомнение, не оставляя без внимания самые различные политические интересы, которые оказывают немалое влияние как на учреждение упомянутых судов, так и на их деятельность. Принципиальное значение имеет сосуществование национального переходного уголовного права на одной стороне и международного уголовного права на другой стороне правовых средств и путей, которые стоят в непосредственной взаимосвязи с такими описанными выше переходами как смена и изменение государственной системы. Международное уголовное право сверх этого распространяется ещё на защиту прав человека якобы независимо от конкретного переходного процесса (это хотят воспринимать всерьёз) с тем, чтобы преследовались также тяжкие нарушения прав человека, которые были совершены в политических системах, считающих и называющих себя демократическими, и посредством этих систем. На самом деле вместо этого заметно, что в международной практике всё больше прибегают к методу, который именуется «гуманитарной интервенцией».

³ Суды, учреждённые *ad-hoc* — для конкретного случая (лат.) — примечание переводчика.

Таблица 4. Общая картина переходного уголовного права

	В отношении правонарушителей				В отношении жертв			
	Уголовное преследование		Безнаказанность		Отказ от наказания	Возмещение		Учреждения установления истины
	полное	ограниченное	относительная	полная		Реабилитация	Компенсация	
Восточная Европа	Германия	Польша Чехия Болгария Венгрия	Литва Эстония	Россия Беларусь Грузия		Польша Россия Германия Беларусь Грузия Литва Эстония Чехия Болгария Венгрия	Польша	
Южная Европа		Португалия Греция		Испания		Греция		
Латинская Америка		Чили Аргентина	Гватемала Чили Аргентина Уругвай	Гватемала Бразилия			Чили	
Африка		Мали ЮАР	Гана	ЮАР	Мали	ЮАР		
Азия		ЮАР КНР			КНР			

«Гуманитарная интервенция» и изменение политической системы

Война НАТО против Ливии слывёт в западном мире в высокой степени удачным примером успешной «гуманитарной интервенции». Существует мнение, что воздушные нападения на Ливию и военная поддержка повстанцев служила не только защите гражданского населения Ливии на фоне упорно декларируемого, но трудно-обозреваемого фактического положения с серьёзными нарушениями прав человека главой государства М. Каддафи и его окружением, но одновременно были направлены на то, чтобы можно было политическую систему М. Каддафи привести к обрушению. В том же ключе уже публично обсуждается вопрос об использовании — ещё сильнее прежнего — «гуманитарной интервенции» для достижения в определённых странах смены политических систем. Эти рассуждения в итоге ведут к тому, что демократическое развитие должно экспортироваться в известной степени путём военного насилия извне. Таким образом мир мог бы получить в подарок новый «экспортный боевик»: «военно-гуманитарную интервенционную демократию», которая при внимательном рассмотрении оказывается не гуманитарной, не демократической, но в первую очередь «военно-империалистической». Теперь я бы хотел подойти к этому вопросу ещё ближе.

Наиболее распространённое определение так называемой «гуманитарной интервенции» описывается следующим образом:

В качестве гуманитарной интервенции рассматривается военное вторжение на суверенную территорию другого государства (как правило, против его воли), которое имеет целью защиту людей в бедственных гуманитарных ситуациях, поскольку пострадавшее государство не может или не желает обеспечить защиту этих людей⁴.

Тем не менее, не существует никакого обязывающего нормативного определения «гуманитарной интервенции» ни в международном праве, ни в международ-

но-правовой литературе. Однако и в международной, и в немецкой науке проходит достаточно широкая дискуссия по поводу законности и легитимности «гуманитарной интервенции». Научные дисциплины, занятые этими вопросами, близки юридическим отраслям, прежде всего наукам международного и уголовного права. Прежде всего — это философия, особенно этика, а также политология и история. Нередко ведутся дискуссии — не в последнюю очередь также в самом Совете Безопасности ООН — с ключевыми словами «ответственность за защиту» и «Responsibility to Protect». Так созывается международная комиссия Организации Объединённых Наций, например, по событиям в Руанде, Сребренице и Косово, чтобы, исходя из моральной аргументации, обосновать ответственность и, соответственно, обязанность вмешательства, в экстремальном случае также с применением военных средств. Для таких вмешательств от комиссии требуется предоставление «законного повода» (just cause), формулировки, которая протащит-таки с заднего хода запрещённую Уставом ООН «справедливую войну» (bellum justum). Комиссия, а также Совет Безопасности могут быть обойдены в экстремальном случае, если они окажутся не способными действовать, по велению «высшей морали».⁵ На аналогичных аргументационных позициях уже много лет прежде находился американский философ Майкл Вальзер с его теорией справедливой войны⁶. Правильно было бы критически обратиться к тому, что формула «Responsibility to Protect» как замена понятия «гуманитарная интервенция» воскрешает «все необходимые меры», под которыми в действительности подразумеваются односторонние действия самозванных членов «коалиции послушных», «что не только мало-помалу подтачивает основное положение коллективной безопасности, но на службе остающимся невыясненными империалистическим задачам извращает это

⁴ Сравнить: [http://wikipedia.org/wiki/Humanitäre Intervention](http://wikipedia.org/wiki/Humanitäre_Intervention) Nohlen (Hrsg.). Kleines Lexikon der Politik. — München 2002. — S. 193.

⁵ URL: <http://www.ag-friedensforschungpa.de/themen/Interventionen/respons> (дата обращения: 29.08.2012).

⁶ Walzer. Gibt es den gerechten Krieg? — Stuttgart, 1982.

положение до противоположности.⁷ Иначе выражаясь, международное право войны и мира тем самым развивается к новому типу господствующего права, которое посредством Совета Безопасности отстаивает собственные интересы, не подпадающие под какой-либо правовой принцип.⁸

Историками отмечено, что явление «гуманитарной интервенции» не ново.⁹ Например, вмешательство Вильгельма Оранского в Англию, которое вошло в историю как «славная революция», или также вмешательство Густава Адольфа из Швеции в Германию во время Тридцатилетней войны. Во всех этих случаях, однако, уже тогда в действительности дело шло преимущественно о проведении политики власти и интересов и меньше о защите человечности, хотя были также примеры определённых успехов «гуманитарных интервенций», например, когда уже упомянутый Вильгельм Оранский в Англии в «Билле о правах» установил права парламента и в последующих войнах парламент как институт власти усилился. В связи с этим, конечно, могли бы «гуманитарные интервенции» Вильгельма Оранского оцениваться как далёкая историческая ретроспектива осуществлённой смены политической системы. Но вместе с тем для ирландских подданных английской короны «славная революция» имела разрушительные последствия, так что на первый взгляд кажущиеся успехи в то же время при рассмотрении в целом могут предстать тяжёлой неудачей. Применительно ко времени конца 19-го века оцениваются как «гуманитарные интервенции» вторжения Франции, Великобритании, Австрии, Пруссии и России в Сирию (1860) после того как более 6000 христиан-маронитов были зарезаны мусульманскими друзьями, равно как вмешательство европейских держав на Балканах, в Боснии (1875), Болгарии (1877) и Македонии (1877) из-за ре-

лигиозных и политических преследований со стороны турок.¹⁰

Примерами современных «гуманитарных интервенций» с принудительной сменой политической системы являются помимо прочего вторжения в Югославию, Афганистан, Ирак и недавно в Ливию. Причём интересно, что смена политического режима как цель для «гуманитарной интервенции» первоначально была провозглашена не для Афганистана, Ирака и Ливии, как можно было бы предположить, но эта цель уже в войне против Югославии играла роль. Хотя она при политическом обосновании нападений НАТО не каждый раз ставилась на передний план, но тем не менее в литературе можно найти и такое:

«Вмешательство НАТО должно было оказать одновременно положительное воздействие на правовую государственность и демократию в Югославии и окружающих её странах тем, что происки режима Милошевича будут остановлены. Это должно было привести одновременно к изменению общественного мнения, а также к реформированию политической системы Югославии. Интервенцию НАТО в Косово следует понимать как предостережение деспотов в других регионах мира о том, что мировая общественность больше не потерпит их режимов».¹¹

Уместно будет разъяснить, что война против Югославии проведена даже без мандата Совета Безопасности ООН и для Федеративной Республики Германии означала, что впервые с 1945 года опять исходит война с немецкой земли, факт, который в виду преступной Второй мировой войны Германии и конституционного запрета на наступательные войны (ст. 26 Основного Закона Федеративной Республики Германия) до последнего времени казался невообразимым.

В то время как для войн НАТО против Афганистана и Ирака, в дополнение к защите прав человека и изменению политической системы, добавились цели «гуманитарного вмешательства», борьбы против международного терроризма, а также цели воспрепятствования обороту и

⁷ URL: <http://www.okv-ev.de/Dokumente/bei%20anderen%20gelesen/110326-Koehler-IPO-Humanitaere%20Intervention-Kolonialkrieg> (дата обращения: 29.08.2012).

⁸ *Merkel*. URL: <http://www.zeit.de/2011/37/Libyen> (дата обращения: 29.08.2012).

⁹ Например, Кампан в рамках исследовательского проекта Марбургского университета.

¹⁰ *Birchler*. IMI-Magazin, Dezember 2007. — S. 20.

¹¹ Там же. — S. 22.

уничтожения уже существующих средств массового поражения, в войне против Ливии (не так, как при военной интервенции против Югославии) стоят цели защиты прав человека и замены политической системы почти на одной ступени. Проводящая войну сторона, очевидно, благодаря Резолюции Совета Безопасности ООН 1973 от 17.03.2011 года чувствует себя мотивированной провозгласить «гуманитарную интервенцию» не только во всеулышание для защиты прав человека, но также декларировать её в качестве легитимного мероприятия по смене политической системы; всё это происходило под открытый аккомпанемент: «Бомбить Каддафи!», — особенно назойливо звучащий в западных средствах массовой информации. С международным правом всё это, однако, несовместимо.

Рассмотрим резолюцию Совета Безопасности 1973 от 17 марта 2011 года с точки зрения законности военного вмешательства, принимая во внимание уничтожение ливийских ВВС и ПВО «с целью защиты гражданского населения». Законность¹², по крайней мере легитимность оспариваются. Как показывает до сих пор для меня необъяснимое воздержание России и Китая от голосования в СБ ООН вместо употребления ими права вето для предотвращения злоупотребления со стороны Совета Безопасности, вытекающее из резолюции проведение военного завоевания незаконно.

Правда, некоторые весомые голоса из немецкой науки международного права утверждают то, что будто полномочия Совета Безопасности на защиту гражданского населения от нападения собственного правительства в соответствии со статьей 42 Устава ООН по праву названы полномочием на «гуманитарную интервенцию» и Совет Безопасности является единственным уполномоченным органом, который может вмешиваться во внутреннее насильственное противостояние пов-

станцев и правительства, хотели бы его назвать гражданской войной или нет. Но поскольку военные действия не выходят за территориальные границы страны, все соседние государства обязаны поддерживать строгий нейтралитет. Совет Безопасности может прибегнуть к военным средствам в соответствии со статьей 42 Устава ООН, но только, если — так сформулировано в заглавии главы VII Устава ООН — имеются «угроза международному миру, нарушение мира или акты агрессии». Эта формулировка согласуется с классическим образом войны между государствами и не относится к внутренним бунтам, восстаниям и переворотам, которые разрешаются силами государства без нарушения его суверенитета, территориальной целостности, без вмешательства со стороны иных государств. Нормы международного гуманитарного права, установленные Женевской конвенцией и дополнительными протоколами к ней, также не допускают «гуманитарного вмешательства» во внутреннегосударственное противоборство.

Вступление с применением силы в гражданскую войну запрещено, тем более, если как в случае Ливии при этом действуют также тамошние повстанцы, которые уже в Афганской войне Советского Союза были террористами Аль-Каиды и которые в разных частях света воевали с Соединёнными Штатами.¹³ Односторонняя заинтересованность политики «гуманитарного вмешательства» очевидна. Что может быть очевиднее? Ещё Иммануил Кант в своем трактате «К вечному миру» (1795) указал, что вмешательство внешних сил в неоконченную гражданскую войну было бы «нарушением прав борющегося только с его внутренней болезнью, не от какого другого независимого народа», «скандалом», который сделал бы «ненадёжной автономию всех государств».¹⁴ Трактат о мире, написанный Кантом, содержит также важные принципы миротворчества.

Такого мира для Ливии, очевидно, с самого начала не желали. Выдвинутые со

¹² URL: www.ag-friedensforschung.de/regionen/Libyen/schirmer.html (дата обращения: 29.08.2012); Merkel, FAZ vom 22.3.2011. — S. 31; Presseerklärung der deutschen IALANA, IALANA-Rundbrief vom 8.4.2011. — S. 4. Anders Tomuschat. In: IALANA-Rundbrief vom 8.4.2011. — S. 11.

¹³ URL: www.ag-friedensforschung.de/regionen/Libyen/paech.htm (дата обращения: 29.08.2012); Merkel, FAZ vom 22.3.2011. — S. 31, 33.

¹⁴ Цитируется по: Merkel. Указ. соч. — S. 33.

стороны Каддафи предложения о перемирии были отклонены, также как те, которые исходили от государств Латинской Америки (от Боливарианского альянса народов Америки — АЛБА). НАТО было бы обязано пойти на это перемирие и посредничество.

Отметим ещё один аспект, который замалчивается в политических дебатах и, к сожалению, в научной дискуссии он также очень часто остаётся без внимания. Преподающий в Уганде и в США профессор социологии Махмут Мамдани отметил, что экономические мероприятия по установлению эмбарго были нацелены на ливийские денежные вложения, которые находятся главным образом в США и Европе с тем, чтобы обратить их в добычу, в беспроцентные кредиты для казны США и банков этой страны. Сама война послужила усовершенствованию Соединёнными Штатами и НАТО нового поколения оружия, приспособлению его для ведения войны в городах с тем, чтобы минимизировать общие убытки.¹⁵ В Ливии были введены в действие так называемые беспилотники. Эта война оказалась устремленным к прибыли предприятием, помимо того, что, как установлено Международной Амнистией, не только боевые подразделения Каддафи, но также те повстанцы, которые поддерживались военными действиями НАТО, совершали тяжкие нарушения прав человека и, возможно, военные преступления.¹⁶

Заключение

Случай Ливии является примером того, что смена политической власти, вынужденная военным вмешательством извне, не допускается международным правом, она является правонарушающей. Только тогда, когда геноцид или систематические преступления против человечности не могут быть остановлены ничем иным как военным вмешательством международного сообщества государств против государства, которое совершает преступление, и это вмешательство осуществляется в рамках ст. 42 Устава

ООН, осуществлённая таким образом смена системы законна и легитимна. Эта установленная позитивным уголовным правом граница не может быть нарушена *ius cogens* обычным правом, хотя в международно-правовой литературе это и оспаривается. Итак, смена политической системы, когда ликвидируется режим, которому приписываются тяжкие нарушения прав человека, может быть легализована и обрести легитимность только вышеописанным образом как внутреннее дело национального государства. В рамках переходных процессов решающая роль отводится соответствующему национальному праву, правовой государственности, конституционному праву как в действиях против произвола прежней системы, так и при консолидации новой обязывающей к соблюдению прав человека системы. Извне произведённое военное вмешательство, направленное на принуждение к смене политической системы, к чему относится также односторонняя поддержка противоборствующей силы в гражданской войне, является нарушающим международное право и относится к «кулачному праву».¹⁷ Активисты «кулачного права» стоят на одной ступени с теми, с кем они должны бороться из-за нарушений прав человека. Эта констатация относится, впрочем, также ко всё больше распространяющемуся методу нацеленных государством убийств.¹⁸ Так недавно был убит гражданин США, проповедник радикального ислама Анвар аль-Аулаки в Емене. Адвокат из США Глен Грюнвальд пишет, ликвидация Аулаки была «совсем запросто определена президентом, который был при этом одновременно судьёй, присяжным и палачом».¹⁹ Как установил австрийский профессор международного права Кёхлер, президент «Международной прогрессивной организации» с резиденцией в Вене, «карманная» международная юстиция и гуманитарное

¹⁷ Lutz/Gießmann (Hrsg.). Die Stärke des Rechts gegen das Recht des Stärkeren. — Baden-Baden, 2003.

¹⁸ О политических убийствах см.: Данилов А.П. Латентность политических убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — 1 (16). — С. 152.

¹⁹ Der Sonntag vom 2.10.2011. — S. 12; Arnold. Zur Rechtswidrigkeit von Tötungen im staatlichen Auftrag. In: Lutz/Gießmann. Цит. соч. — S. 326.

¹⁵ URL: <http://english.aljazeera.net/indepth/opinion/2011/03/201133111277476962.html> (дата обращения: 29.08.2012).

¹⁶ URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/2.220/menschenrechtsverletzung> (дата обращения: 29.08.2012).

беззаконие являются элементами анархии и относятся к архаичной системе империалистических властей, пренебрегающей соблюдением права в военной области (*ius ad bellum*).²⁰

Наша тема через проблематику смены политических систем переходного права и так называемых «гуманитарных интервенций» простирается далеко в действительность и понимается как защитительная речь о том, чтобы политика не снижаемо удерживалась в праве и чтобы в международных отношениях право не приносилось в жертву политическим, экономическим и односторонне национальным интересам великих держав. Ещё раз напомним, как мнящие себя демократическими государства в прошлом также вновь и вновь прямо поддерживали нарушающие права человека политические системы с тем, чтобы эти системы направить против прогрессивных левых и социально ориентированных систем. Примером тому служат почти все военные путчи семидесятых годов XX века в Латинской Америке (Чили, Аргентина и Уругвай), поддерживаемые со стороны США в соответствии с планом операции «Кондор». Если правовая действительность говорит совсем не правовым языком, то каждый раз требуется настоятельный голос критической правовой науки о том, что борьба за право, специальная юридическая борьба за права человека не должны капитулировать. Конкретно это означает необходимость использования всех возможностей для того, чтобы были привлечены к ответственности не только все нарушители прав человека повергнутой политической системы, но также и те, кто со своей стороны совершили тяжкие нарушения прав человека, чтобы попытаться с помощью военного насилия извне достичь смены политической системы. Только таким образом можно было бы средствами универсальной юстиции содействовать прорыву принципов равенства и справедливости также в международных отношениях.²¹ Только через предотвра-

щение войн и сохранение мира, включая цивилизованную превенцию, может усилиться право.²² Это предполагает, однако, политику государств, которые осознают свою ответственность и которые готовы дистанцироваться от «борьбы против террора», от трудно определяемого понятия войны, которое в кулуарах интерпретируется в военно-политических интересах и развивается в сторону «войны за мировой порядок».

Разумеется, осознание сегодняшними великими державами своей ответственности — утопия, далёкая от реальности, что становится очевидным при взгляде на § 6 Резолюции 1970 (2011 г.), которой Совет Безопасности ООН направил вопрос о рассмотрении положения в Ливии на рассмотрение Международного Уголовного Суда. В данном параграфе всем представителям и гражданам стран, которые осуществляют интервенцию в Ливии, предоставляется своего рода вид «упреждающей уголовной ненаказуемости», согласно которой они, вопреки ст. 13 «b» Римского Статута, не подлежат юрисдикции Международного Уголовного Суда. Этот опережающий развитие событий ход фактически изменяет Римский Статут о Международном Уголовном Суде, на что Совет Безопасности не имеет полномочий. Сейчас очевидно решающее значение политических выступлений против такого рода «правосудия» в защиту прав человека.²³ В этой связи уместно вспомнить упомянутый проект Института им. Макса Планка. Он показал, что в ряде стран потребовался длительный отрезок времени и длительная консолидация новых систем прежде, чем безнаказанность, право на которую для бывших держателей власти при протекании переходных процессов, прежде всего, в латиноамериканских странах признавалось, объявлена недействительной. В Чили, Аргентине и Уругвае это привело к тому, что несколько лет назад были проведены участвова-

¹⁹ URL: <http://www.okv-ev.de/Dokumente/bei%20anderen%20gelesen/110326-Koehler-IPO-Humanaere%20Intervention-Kolonialkrieg-dt> (дата обращения: 29.08.2012).

²⁰ ECCHR. Menschenrechte mit juristischen Mitteln durchsetzen. Jahresbericht 2009/2010.

²¹ *Deiseroth*, in: Lutz/Gießmann. Цит. соч. — S. 251. *Albrecht*, in: Lutz/Gießmann. Цит. соч. — S. 320.

²² URL: <http://www.okv-ev.de/Dokumente/bei%20anderen%20gelesen/110326-Koehler-IPO-Humanaere%20Intervention-Kolonialkrieg-dt> (дата обращения: 29.08.2012).

еся уголовные процессы против прежних властителей военных хунт и их сподвижников. Из такого развития событий можно было бы хотя бы почерпнуть надежду на то, что также в международной плоскости последнее слово о ненаказуемости «гуманитарных интервенций» ещё не сказано. Возможно, борьбе за право не суждено в этом отношении достигнуть успеха. Все прежние заявления президента США Обамы о принятии юридических мер против пыток, осуществляемых государством в антитеррористической борьбе, равно

как тщетные многочисленные внутригосударственные и международные усилия привлечь к суду поджигателей прежних войн Дональда Рамсфелда или Дика Чейни оказались безрезультативны. Тем не менее, эта борьба должна проводиться непрерывно. Помимо прочего она имеет символическое значение. Как сформулировал очень популярный в Германии певец-пацифист и автор песен Константин Векер о повседневной борьбе за лучший мир: «Речь идёт о том, чтобы действовать, а не о том, чтобы побеждать».

КОММЕНТАРИЙ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Известно, что для обсуждения злободневных вопросов в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе в качестве докладчиков обычно приглашаются учёные с несовпадающими, порой противоположными позициями. Поэтому многими участниками «круглого стола»: «Агрессия против суверенной Ливии в контексте организации “цветных революций”, уголовно-правовая и криминологическая оценка», состоявшегося 14 октября 2011 года, от прибывшего к нам из Федеративной Республики Германия признанного специалиста в области уголовного права профессора Йорга Арнольда ожидалась аргументация ответственности руководства государств-изгоев (Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и др.), а также оправдание агрессии против этих государств.

Профессор в клубе поделился результатами проведённого под его руководством в Институте международного и зарубежного уголовного права им. М. Планка (Фрайбург) представительного исследования роли национальных уголовных законодательств по отношению к системной государственной противоправности после обрушения политических систем. Результаты изучения, проведённого в 22 странах, составили ни много ни мало 14 томов, включая заключительный том, готовящийся в настоящее время к печати. Выводы, сделанные на основе объективного исследования, за «круглым столом» из уст «западного профессора» прозвучали

для некоторых присутствующих неожиданно и произвели, как и доклад в целом, впечатление:

«Смена политической системы, когда ликвидируется режим, которому приписываются тяжкие нарушения прав человека, может быть легализована и обрести легитимность только ... как внутреннее дело национального государства. В рамках переходных процессов решающая роль отводится соответствующему национальному праву, правовой государственности, конституционному праву как в действиях против произвола прежней системы, так и при консолидации новой, обязывающей к соблюдению прав человека... Извне произведённое военное вмешательство, направленное на принуждение к смене политической системы, к чему относится также односторонняя поддержка противоборствующей силы в гражданской войне, является нарушением международного права... Последнее слово о ненаказуемости «гуманитарных интервенций» ещё не сказано... Нужно использование всех возможностей для того, чтобы были привлечены к ответственности не только все нарушители прав человека повергнутой политической системы, но также и те, кто со своей стороны совершили тяжкие нарушения прав человека, чтобы попытаться с помощью военного насилия извне достичь смены политической системы».

Нельзя не отметить наряду с высоким профессионализмом также личное мужество профессора Арнольда. Мы знаем, что

в условиях провозглашённой «свободы слова» происходит зачастую с авторитетными людьми, обоснованно выступившими по ключевым вопросам «против течения», против навязываемой обществу известными надгосударственными силами политики. Этим независимо мыслящим людей, по удачному выражению А. Матвеевой, вытесняют из информационного пространства,²⁴ что делается по-разному. Выдавливание может быть жёстким, как в случае с петербургским профессором В.А. Дрожжиным,²⁵ который в связи с произведённым им глубоким анализом *преступного законотворчества*, юридически

обеспечившего крушение СССР, лишился работы. А может быть оно произведено относительно мягко, «незримо», например, путём создания некомфортных условий по месту работы, подталкивающих «критика» к увольнению. Мы знаем, что такое происходит и в России, и на Западе, в том числе в Германии.

Хочется поблагодарить профессора Арнольда за непредвзятое исследование столь насущного круга вопросов, а также предоставить возможность широкому кругу читателей, проявляющих интерес к политической криминологии, познакомиться с его докладом, сделанным в клубе.

Д. Шестаков

²⁴ Сайт crimpravo.ru. Обсуждение статьи «Pussy Riot — пятая колонна, уничтожающая российскую государственность». URL: <http://crimpravo.ru/blog/1934.html> (дата обращения: 29.08.2012).

²⁵ Дрожжин В.А. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (1985 — 1991 годы). — СПб., 2006. — С. 44.

УДК 343.9
ББК 67.51

А.Д. Сухенко,* А.П. Данилов**

НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация: Противодействие терроризму должно основываться на идеологическом воздействии на сознание и мировоззрение субъектов терроризма. Проведение государством в жизнь родолюбивой идеологии позволит уничтожить корни этого преступления.

Ключевые слова: родолюбие; сознание; идеология; терроризм.

A.D. Sukhenko, A.P. Danilov

NEW IDEOLOGY AS A BASIS OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM

Summary: Fight against terrorism is to be based on ideological influence on the conscience and world view of the subjects of terrorism. Carrying out the patriotic ideology by the government will allow to destroy the roots of this crime.

Key words: patriotism; conscience; ideology; terrorism.

Разграничение понятий

Как наука, так и международное законодательство не имеют универсального единого определения «терроризм», которое, кроме всего прочего, следует отличать от понятия «террор». Оба слова происходят от латинского *terro* (страх, ужас) и означают, в современном понимании, применение насилия в политических целях. В сложившемся словоупотреблении под *террором* чаще понимают устрашающие, агрессивные (связанные с лишением жизни, свободы, причинением вреда здоровью) действия законных властей по отношению к населению собственной страны либо связанные с их вмешательством в другие страны (международный террор). терро-

ризм же трактуется в качестве подобных действий, совершаемых в тех же целях, но не государством, а нелегитимными группами или отдельными людьми.¹

Известный российский специалист в области политической криминологии и, в частности, в вопросах терроризма С.У. Дикаев справедливо считает, что *классификация видов терроризма на основе конечных целей* субъектов преступления является единственно возможной и продуктивной. Целей субъектов терроризма (конечные или стратегические цели организаторов, а не промежуточные, которые достигаются исполнителями) при такой классификации оказывается ограниченное количество, что позволяет свести к минимуму число разновидностей терроризма, которых, в подобном случае, насчитывается всего три: *политический, религиозный, корыстный* (в литературе именуемый криминальным).²

* Андрей Дмитриевич Сухенко — кандидат исторических наук, выпускник федеральной программы «Федеральный, региональный и локальный уровни управления антитеррористической деятельностью» (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: suhenko.a@mail.ru

** Андрей Петрович Данилов — кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: danilov-a1@mail.ru

© А.Д. Сухенко, 2012

© А.П. Данилов, 2012

¹ См.: Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — СПб., 2006. — С. 386.

² Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. — СПб., 2006. — С. 77–78.

Видный представитель невско-волжской криминологической школы, специалист сферы политической преступности П.А. Кабанов даёт следующее определение политического терроризма. *Политический терроризм* — это совокупность насильственных уголовно-правовых деяний, совершаемых субъектами политики в целях изменения, прекращения деятельности конституционных органов государственной власти, высших должностных лиц либо видных политических деятелей (лидеров политических, религиозных, общественных объединений или международных организаций) либо в целях изменения границ государства.³ В развитие данного понятия С.У. Дикаев предлагает следующие виды политического терроризма: идеологический, классовый, сепаратистский, этнический, субверсионный, экологический.⁴

Подчёркивая, что понятие «*религиозный терроризм*» имеет достаточно условный характер, поскольку основные религии мира в их традиционном каноническом содержании не призывают к терроризму, провозглашая, наоборот, целый ряд высоко нравственных постулатов, Д. Назиров определяет его как одно из наиболее ранних в человеческой истории направлений терроризма, которое уже на протяжении весьма длительного времени используется в противоборстве различных по характеру и организации социально-политических сил, в том числе религиозно-фанатических группировок разного масштаба и направленности, клерикальных кругов и организаций, политических и этнических элит, общественно-политических объединений, отдельных государств.⁵ Подвидами религиозного терроризма выступают межрелигиозный, межконфессиональный, внутриконфессиональный, сектантский.

Корыстным (криминальным) терроризмом К.Н. Салимов обозначает вид тер-

роризма, являющийся высшей формой проявления организованной преступной деятельности, который может проявляться как крайняя форма преступных разборок и не является лишь сопутствующим элементом корыстно-насильственных преступлений.⁶ Подвидами корыстного (криминального) терроризма являются корыстный (общеуголовный), политический, религиозный.⁷

В настоящее время на Северном Кавказе, а также в Сирии, Ливии, некоторых африканских странах, где идёт гражданская война, организованная странами западной «демократии», цинично названная СМИ «арабская весна», *очень тесно переплетены все три вида терроризма*, и распознать конкретный вид представляется возможным только по конечным целям, преследуемым заказчиками данных преступлений. А таковыми, как мы это наблюдаем на практике, являются разрушение суверенных государств, установление подконтрольных властей и полное подчинение государственных механизмов Западу.⁸ Таким образом, выявленные цели позволяют говорить об осуществлении политического терроризма. Его организаторами выступают США и ключевые страны НАТО.

Воздействие на корни терроризма — его идеологию.

Вне зависимости от вида терроризма противодействие ему, кроме уголовно-правовых средств, должно включать, в первую очередь, воздействие идеологическое. Солитарны с И.А. Петиним в том, что именно информация (идеология) является тем связующим элементом, который соединяет внешний и внутренний мир человека, формирует мировоззрение и жизненные ценности, определяет его отношение к окружающей действительности, регулирует энергетический потенциал индивида и направляет поведение (в том числе преступ-

³ Кабанов П.А. Политический терроризм. Криминологическая характеристика и меры сдерживания. — Нижнекамск, 1998. — С. 29.

⁴ Дикаев С.У. Указ. соч. — С. 97.

⁵ Назиров Д. Современный терроризм религиозных экстремистов и проблемы противодействия. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/3607/> (дата обращения: 28.08.2012).

⁶ Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма: Автореф. дис. докт. юрид. наук. — М., 1999. — С. 15.

⁷ Дикаев С.У. Указ. соч. — С. 97.

⁸ См.: Д.А. Шестаков. Агрессия против суверенной Ливии, набросок формул обвинения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 4 (23). — С. 10–15.

ное).⁹ «Ответственное управление страной, по мнению А.И. Бойко, предполагает умение ставить стратегические цели общественного развития и достигать их, а равно способность правильно расставлять приоритеты».¹⁰

Вспоминая совет Козьмы Пруtkова «смотри в корень», следует признать, что терроризм сам по себе существовать не может: у него есть свои адепты, сочувствующие, которые и осуществляют преступную деятельность. В основе терроризма лежит сознание (самостоятельное или контролируемое, независимое или манипулируемое) конкретного субъекта такой деятельности и, конечно же, его мировоззрение.

Эта логика размышлений позволяет предположить, что главным вопросом, который предстоит решить в ходе воздействия на корни терроризма, является *вопрос идеологический, связанный с сознанием и мировоззрением* субъектов террористической деятельности. Все, кто говорит, что проблему терроризма можно решить без опоры на определённую идеологию, лицемерят.

В любом обществе и государстве обязательно должно быть представление об основных ценностях, их ранжировании и общей стратегии развития. Идеология может быть официальной или неофициальной, но она должна быть! Идеология превалирования частных интересов (идеология наживы любой ценой) над общими интересами (общественными, государственными) существует в России на протяжении 20 лет и уже показала своё истинное лицо, она продолжает разрушать нашу страну...

Поэтому важнейшей задачей гражданского общества и правящей элиты должна стать разработка новой идеологии, которая будет формировать мировоззрение и сознание как отдельно взятого человека, так и общества в целом, в котором она будет главным жизнеутверждающим столпом. Благодаря этому терроризм более не найдёт почвы для всхода и произрастания,

⁹ Петин И.А. Влияние причинно-следственной связи преступления на формирование системности уголовного права: монография. — М., 2012. — С. 283.

¹⁰ Бойко А.И. Государственное реагирование на преступность // Российский юридический журнал. — 2008. — № 3. — С. 70.

ведь именно *государственная идеология, воспринятая большинством граждан, способна выбить землю из-под ног лидеров любых форм экстремизма*.

Однако для формирования новой идеологии необходимо на сто восемьдесят градусов перенаправить вектор развития культурной, образовательной и просветительской политики государства, что незамедлительно повлечёт долгожданное улучшение положения в данных сферах, которые по своему значению и влиянию на мировоззрение и сознание человека занимают бесспорное первое место. Все остальные направления должны безальтернативно подчиняться и подстраиваться под них, ведь *духовная безопасность — главная (определяющая) среди всех остальных*. И это признают как религиозные, так и светские общественные деятели.

Духовная безопасность предполагает, прежде всего, знание основ своей традиционной культуры, своих духовных ценностей, их защиту.¹¹ А это есть иммунная система любого народа. Как пишет Д.А. Шестаков, духовно-нравственная сфера может противостоять преступности, если она имеет сплывающую население *национальную идею*, включающую в себя осознание прошлых достижений и общей грядущей цели, связанной с обретением достойного места в мировом пространстве. Для становления данной идеи требуется осознание давних корней, ощущение связи с прошлым, которое обычно возникает у людей, знающих многие поколения своих предков.¹²

Принимая этот тезис, необходимо пересмотреть своё отношение к краеугольным понятиям современной «идеологической» системы российского государства, в первую очередь, к таким, как «демократия» и «рыночная экономика».

¹¹ См. подробнее: Противодействие экстремизму в молодёжной среде. Обеспечение духовной безопасности молодёжи: материалы научно-практической конференции. — Белгород, 2006; Духовное здоровье молодёжи российских регионов в контексте обеспечения её духовной безопасности: документы и материалы научно-практической конференции. — Белгород, Старый Оскол, Воронеж, 2008.

¹² Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — С. 209.

О демократии и рыночной экономике

Понятие «демократия» в 80–90-е годы XX — начале XXI вв. получило в СССР—России незаслуженно идеалистическое толкование. Его стали воспринимать как «священную корову», само появление которой способно автоматически разрешить всё и вся. Особенно рьяно «разрешением» проблем с помощью «демократии» занимался М.С. Горбачёв, чьи действия и криминогенная демагогия которого стали одной из основных причин разрушения СССР, по его же собственным словам сделавшего всё возможное для этого.¹³ Основываясь на «демократических» принципах М.С. Горбачёв развивал «гласность» в СССР, результатом чего, помимо прочего, стала передача на Запад сфальсифицированных материалов по «Катынскому делу» из Государственного архива.

Для политической криминологии важна оценка подобных действий (преступные?) представителей государственной власти (А. Яковлев и др.), в том числе главы государства (М.С. Горбачёв), направленных на:

1. Дискредитацию русского (советского) народа и порождение к нему ненависти со стороны поляков и других народов на основании ложной информации об обстоятельствах катынской трагедии;
2. Дискредитацию страны в глазах международного сообщества;
3. Угнетение национального самосознания наших граждан и возвращение в них ненависти к своей родной стране и великому прошлому.

Как мы сегодня это можем наблюдать, данная преступная ложь, растиражированная мировыми СМИ, признанная действующей российской властью официальной версией произошедшего (26 ноября 2010 года Государственная Дума РФ приняла заявление «О Катынской трагедии и её жертвах»¹⁴), кроме всего вышеперечисленного, может породить обязательство

¹³ См., например, В.А. Дрожжин. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1985–1991. — СПб., 2006.

¹⁴ Сайт Государственной Думы РФ. Госдума приняла заявление «О Катынской трагедии и её жертвах». URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/60481/?sphrase_id=523227 (дата обращения: 28.08.2012).

по многомиллиардной материальной компенсации.¹⁵

Политики, обладающие трезвым умом, занимающие государственническую позицию, отказались принимать подобное унижающее, основанное на лжи, антироссийское заявление. Среди таковых был и В.И. Илюхин, заявивший от лица КПРФ аргументированный протест против данного документа. Никто не прислушался. А уже через три месяца В.И. Илюхина не стало (20.03.2011). *Скоропостижная смерть*. По официальной версии от острой сердечной недостаточности. Скорая помощь даже не успела доехать. Учитывая некоторые факты: хорошую физическую форму В.И. Илюхина, оглашённые им планы продолжать деятельность Общественного офицерского трибунала по делу Путина, разоблачение фальсификаций по Катынскому делу и ситуации вокруг пакта Молотова-Риббентропа, а также применяя методику выявления латентности политических убийств, данный случай можно отнести именно к таковому.¹⁶

Идеалистичным было и в значительной степени остаётся восприятие нами рыночной экономики. Её монетаристская идеализация привела к катастрофическим последствиям уже в первой половине 90-х годов ушедшего века. В настоящее время упорно говорится о необходимости априорного соблюдения принципов демократии с доминированием устоев рыночной экономики. При этом забывается, что демократия как таковая — это не панацея, а всего лишь инструмент для достижения определённых целей. Демократия существует не ради себя, а ради людей. Иной подход (демократия ради демократии) может оказаться смертельным для общества и го-

¹⁵ См.: Программа А. Караулова «Момент истины». Вся правда о Катыни. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=riAt07da9Y4> (дата обращения: 26.08.2012); Сайт Европейского суда по правам человека. Дело Янович и другие против России. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?%22dmdocnumber%22:%2222906163%22,%22itemid%22:%222001-110513%22%22> (дата обращения: 28.08.2012).

¹⁶ См.: Данилов А.П. Латентность политических убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — 1 (16). — С. 152.

сударства. В политике наблюдается явное манипулирование этим понятием, паразитирование на нём большого числа партийных и государственных лидеров. А это приводит только к одному: в демократию перестают верить граждане государства!

О манипулировании понятиями «демократия» и «рыночная экономика» говорят и некоторые относительно объективные американские и английские учёные. Известный профессор Ноэм Хомский, беспощадно критикуя американскую корпоративную систему экономики и политики, полагает, что *США под флагом глобализации развязали сегодня классовую войну против народов мира*. Являясь ведущим критиком гимна о конкурентоспособности и справедливости американской рыночной экономики, исследователь считает, что конкуренция встречается на американских рынках довольно редко, а их большая часть контролируется господствующими на них корпорациями. Эти *транснациональные корпорации являются тоталитарными организациями* и действуют не по демократическим правилам. Ноэм Хомский убедительно доказал, что США стали внедрять неолиберализм в экономике только после того, как собственные компании с помощью государственной поддержки достигли высокой конкурентоспособности и были готовы задавить любого, тогда как другим странам они этого не позволяют.¹⁷ По его мнению, такие неолиберальные порядки (где прибыль ценится выше людей) и породили политические и экономические кризисы на территории от Восточной

Азии до Восточной Европы и Латинской Америки.¹⁸

Аналогичные взгляды высказывает лауреат Нобелевской премии Джозеф Юджин Стиглиц, который полагает, что рынки не способны сами решить все проблемы. Неравенство, безработица — это проблемы, в решении которых государству принадлежит важное место. Он убеждён, что государство должно играть существенную роль, корректируя провалы рынка и обеспечивая социальную справедливость. Стихийный рыночный механизм оставляет большому числу людей слишком мало ресурсов для выживания.¹⁹ Массовые выступления простых американцев в сентябре-октябре 2011 года ярко подтверждают эти высказывания.

В.В. Лунеев справедливо признаёт, что российский либерализм себя дискредитировал.²⁰ Некоторые аналитики полагают, что либерализм в России оказался столь же бессмысленным и беспощадным, как и русский бунт. Наши социально-экономические несправедливости общеизвестны.²¹ Вывод прост: нынешнее положение неприемлемо, нужен переход к более справедливому состоянию дел в России и мире, о чём говорят и специалисты по *экономической криминологии*.²² Справедливость в общественном и государственном развитии разрешит многие криминогенные противоречия и поспособствует ликвидации идеологических основ терроризма.

Всё зависит от того, какое общество должно сформироваться в итоге. Необходимо выработать некие его характери-

¹⁷ Примером тому служит *дело Apple против Samsung*. Федеральный суд штата Калифорния (США) 25.08.2012 года постановил, что южнокорейская компания Samsung нарушила ряд патентов компании Apple и обязал её выплатить американскому конкуренту 1,05 млрд долл. компенсации. Одновременно вины Apple в нарушении патентов Samsung суд не нашёл. Сразу после вынесения вердикта суда представители компании Apple заявили, что готовят новое дело против южнокорейской компании с целью добиться запрета продажи устройств Samsung на рынке США. Ранее (24.08.2012 г.) суд в Южной Корее признал *обе (!!!)* компании виновными в нарушении патентов, запретив продавать ряд устройств *обеим* компаниям. А суд в Германии вообще *отказался* рассматривать данное дело. URL: <http://top.rbc.ru/economics/27/08/2012/666550.shtml> (дата обращения: 29.08.2012).

¹⁸ Цит. по: *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. — М., 2005. — С. 659.

¹⁹ Там же. — С. 659.

²⁰ Там же. — С. 660.

²¹ См.: *Российское общество и радикальные реформы* / Под ред. В.К. Левашова. — М., 2001; Россия. Планетарные процессы / Под ред. В.Ю. Большакова. — М., 2002; *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. — М., 2001; *Хинштейн А.Е.* Какого цвета страх. — М., 2002; *Болдырев Ю.* Русское чудо. Секреты экономической отсталости. В 2 кн. — М., 2003 и др.

²² См.: *Колесников В.В.* Криминогенность современных моделей экономики — ключевой фактор детерминации мирового финансово-экономического кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2010. — 1 (18). — С. 163–191.

ки, а потом уже смотреть, насколько инструментарий демократии может помочь в реальном формировании такого общества. Рассматривая механизм идеологического воздействия на корни терроризма, можно констатировать, что приверженность прежним принципам не позволит разрешить проблему терроризма, а переведёт её лишь в вялотекущий во времени вариант развития событий со значительными затратами при минимальных тактических успехах. Это приведёт к ещё большему углублению и обострению имеющихся в России проблем и, как следствие, к социальному взрыву, последствия которого будут катастрофичны: утрата государственности, общего культурного, правового, экономического пространства, локализация и обособление отдельных территорий по этнорегиональному или конфессиональному признаку.

Следование прежним «рыночным, демократичным» принципам в нашем многонациональном, многоконфессиональном государстве без учёта исторического опыта не приведёт к решению ни одного из имеющихся криминогенных противоречий.²³ Социальная напряжённость будет нарастать по векторам: социальные верхи и низы; государствообразующая нация и «иностранцы»; коренное население и мигранты; приверженцы традиционных религий и представители наиболее радикальных учений; центр и периферия; приверженцы культуры и образования и «новые варвары» и др. Итогом такого противостояния может стать война всех против всех.

Недопустимо и кощунственно беспредельно эксплуатировать славянскую терпимость к национальному ущемлению, поскольку она всё же не абсолютна. По мнению В.В. Лунеева, нельзя надеяться и на традиционно низкий коэффициент национальной солидарности русских и других славянских народов в созданных ситуациях запредельного национального

²³ О криминогенных противоречиях см.: Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противостояние преступности в изменяющемся мире. — С. 193–200.

унижения.²⁴ Опыт выборов в Государственную Думу РФ 1993 и 1995 годов, современные «Русские марши» предостерегают от недооценки этих факторов. По сути, это приведёт к переходу от перманентного гражданского противостояния к гражданской войне.

Другим важным моментом, подтверждающим вышеприведённые тезисы, является то, что в действующей социальной модели не работает институт мотивации населения. Главный вопрос: «Зачем?». Современное общество не может дать на него чёткого ответа. Именно отсюда «растут корни» многих проблем государства, в том числе и терроризма. Нет мотивов для того, чтобы быть здоровее, умнее, начитаннее, образованнее, просто трудиться, быть хорошим, добропорядочным и законопослушным человеком. Ведь практически отсутствуют законные способы, позволяющие изменить свой социальный статус (отдельные примеры не в счёт, поскольку они являются не правилом, а исключением из него), быть востребованным и успешным в той сфере, в которой есть потребность реализовываться. Чтобы понять это, достаточно проанализировать мотивацию поступления абитуриентов в учреждения профессионального образования.

Развивающую общество мотивацию может дать только идеология, подкреплённая реальной политикой. Допустимо предположить, что для государства, в котором не будет места для появления ростков терроризма, потребуется разумное сочетание частного и общественного интереса, но при неизменном первенстве последнего, так как частный интерес, в своей сути, эгоистичен, узколоб и корыстен. Он неспособен к масштабным проектам, неспособен «заглянуть за горизонт». Гедонистическому служению себе необходимо противопоставить служение обществу, интересам нации, а значит, и себе самому. Но, так как все люди разные, то здесь и потребуется разумное сочетание первого и последнего.

Новая идеология

По мнению академика А. Фурсова, для того, чтобы государство стало сильным, необходимо недеморализованное население

²⁴ Лунеев В.В. Указ. соч. — С. 741.

ние, способное не просто выживать, а постоянно, целеустремлённо развиваться.²⁵ Необходима *новая идеология*. Подобной идеологией может стать родолюбие — *осознание принадлежности к своему народу, его культуре, земле и основанное на нём глубокое уважение и почитание родителей, народа, Родины, принятие на себя ответственности за её настоящее и будущее*. Родолюбие по своей духовной, моральной, нравственной, социальной сущности является антикриминогенным фактором.²⁶ Не это ли идеология прорыва в Будущее, идеология Развития, идеология веры в Человека? Эта идеология должна быть понятна любому гражданину страны, вне зависимости от его национальности, так как родолюбие присуще всем. Она легко воспринимается, её основные положения доступны, просты и по существу принимаемы большинством граждан.

Определим, на что должна опираться

данная идеологии. Россия — уникальная страна, и наш многовековой опыт подсказывает, что успешное продвижение вперёд возможно при наличии Общего дела, Большого проекта в единстве, казалось бы, необъединимых исходных элементов. Тех, которые ранее находились в антагонистических отношениях. Везде, но... не у нас. Наша история даёт иные примеры.²⁷

Одна из ключевых идей родолюбия — это *единство*. В единстве — сила. Единство во многих лицах. Перед теми вызовами, что преподносит жизнь, все граждане, все народы должны сплотиться во имя возрождения Отчизны, своего общего Дома, Отечества. Государственный Дом большой, и в нём хватит места всем тем, кто его считает своим. Дом не разоряют, его оберегают, его украшают, в нём наводят порядок, о нём заботятся. Только обладание подобной родолюбивой идеологией позволит уничтожить корни терроризма.

²⁵ Фурсов А. Русский ковчег. Известный историк — о будущем России // Завтра. — 2007. — № 5. — С. 1.

²⁶ См.: Данилов А.П. Родолюбие и мы // Крымские юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. / Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. На украинском и русском языках. — С. 28–33.

²⁷ Альманах по истории России — СССР. От феодализма к ... глобализму? / Сост.: А.Д. Сухенко, Б.Н. Макаров. — Старый Оскол, 2010. — С. 55.

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

УДК 343.9
ББК 67.51

*И.А. Петин**

ВЛИЯНИЕ ОСОЗНАНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: Восприятие в преступном поведении наличия причинно-следственной связи и влияния неосознанного на поведение приводит к выводу о необходимости внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: концепция адекватного вменения преступного вреда; неосознанное; ответственность.

I.A. Petin

THE INFLUENCE OF THE ACKNOWLEDGEMENT OF CRIME CAUSATION ON THE FORMATION OF THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL BEHAVIOR PREVENTION

Summary: The acknowledgment of causation in criminal behavior and the influence of subconscious lead to the conclusion that appropriate amendments to the criminal law are necessary.

Key words: the concept of adequate imputation of criminal damage; subconscious; responsibility.

Уголовно-правовая сфера представляет собой социальный регулятор общественных отношений в государстве, который обладает высоким потенциалом для воздействия на индивида, что вытекает из предусмотренных законом видов наказания. Однако в настоящее время меры уголовно-правового воздействия нередко используются в качестве мер уголовных репрессий. Декаданс уголовного права наглядно возрастает. Это является неизбежным следствием отражения такого расширяющегося в обществе и государстве явления как фетишизация права, что создаёт условия для перерождения уголовного закона в криминогенный, преступный закон.¹

* **Игорь Анатольевич Петин** — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО ОГАУ, член РАЮН (Оренбург, Россия). E-mail: crimlaw-petin@rambler.ru

© И.А. Петин, 2012

¹ О криминогенном и преступном законе см.: Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. — СПб., 2011. — 75 с.

Для того, чтобы что-то изменить, надо что-то менять. Но для этого надо сначала осознать, что надо менять. Прежде всего, следует изменить отношение к преступлению и преступнику. Со времён классической школы в основу уголовного законодательства была заложена идея свободы воли и поведения индивида, что именно позволяло признавать его виновным при совершении предусмотренного законом деяния. Однако юридическая фикция свободы воли и поведения не соответствует действительности. У любой жизненной ситуации, в том числе преступления, есть свои причины и условия. Идея свободы позволяет дистанцироваться от них, и видеть источник зла в самом преступнике. Такой подход ведёт к неуправляемости явления и порождению различных уродливых проявлений преступного поведения в виде терроризма, экстремизма, хулиганства и т.д.

Однако преступление не есть некое мифическое «зло», аморфное, неуловимое,

субъективно воспринимаемое, без конструктивного критерия и границ, также как и «добро». А равно преступник не есть источник некоего «зла». Всё это есть следствие разделения единого и взаимосвязанного через причинно-следственные связи на физическом и нефизическом уровнях на две противоположности, сформированные в древности сначала от невежественности, а затем в целях управления на основе принципа «разделяй и властвуй». Для придания насилию законной формы были сформулированы призрачные понятия морали и нравственности, которые целиком опираются на веру, но не на знания, не на закономерности внешнего и внутреннего мира индивида или те же причинно-следственные связи. Поэтому следование по пути морали и нравственности отрывает человека, право и закон от реальности и может ввергнуть любого индивида, а также его родных и близких, детей и внуков, целое общество, государство или человечество в целом в пучину самой разнообразной виртуальности, характеризующей, с одной стороны надежды, мечты и пожелания о наилучшей жизни, а с другой стороны — сопровождаемые отделением себя от других, от общества и природы, разделением себя на внутренние желания и необходимость их подавления согласно кем-то установленным нормам. Но это есть разрушение внутреннее (ведущее к шизофрении или иной болезни), которое способно дойти и до внешнего разрушения (преступление). Поэтому следует принять и понять, что преступное поведение есть не зло, а в первую очередь информация о причинах, которые привели субъекта к преступлению, и об условиях, которые способствовали его развитию.

Существующее в теории уголовного права понятие вины усматривает упречность поведения индивидуума, оставляя без внимания системную среду, в которой происходит процесс формирования и развития преступного поведения. Провозглашённый в теории и законодательстве принцип субъективного вменения преступного вреда в реальности не может быть реализован, так как не учитываются различные формы взаимодействия индивида с окружающей его действительностью на

осознанном и неосознанном планах бытия. При таком подходе представляются тщетными усилия по достижению целей уголовного наказания и задач всего уголовного законодательства в целом, поскольку действующий системный фактор (влияние неосознанного) фактически замалчивается. При этом осознать неосознанное без раскрывающей закономерности внешнего и внутреннего мира информации невозможно. Поэтому именно информационная форма взаимодействия человека, общества и государства должна образовывать основу информационного механизма управления индивидом и служить в первую очередь точкой приложения всех форм и средств уголовно-правового реагирования. Ведь характер понимания жизненной ситуации субъектом определяет его внешнее поведение, а изменение субъективного отношения посредством восприятия иной по сути информации ведёт к изменению поведения субъекта.

Принятие вышесказанного приводит нас к пониманию необходимости скорейшего перехода от морализаторства и обвинений в безнравственности преступника к выявлению причин и условий преступления с последующим их изменением или устранением как единственным основанием, способным повлиять на преступление как следствие существующих причин и условий. Игнорирование мотивов и целей поведения при квалификации вины препятствует выявлению причин и условий преступления, а, следовательно, воздействию на них в целях предупреждения новых преступлений.

Управление обществом необходимо, как и воздействие на деструктивное поведение. Однако данное управление должно отвечать объективно существующим закономерностям, а не быть основанным на чрезмерно абстрактных и оторванных от реальности юридических фикциях вроде действующих признаков вины, не отражающих неосознанное, но при этом утверждающих об осознании, предвидении, желании или допущении в неуловимых никем степенях и границах и т.д. Требования системного подхода обязывают нас учитывать, что уголовная ответственность является ограниченным видом

ответственности индивида за своё поведение. Существующая у человека система самонаказания, работающая на подсознательной информации, или известный в теории синдром Авеля, характеризует ответственность субъекта в широком смысле, под которой следует понимать разнообразные индивидуальные формы последствий миропонимания и обоснованного этим внешнего поведения. В частности, к таким явлениям можно отнести возникновение болезней как признак рассогласованности организма человека со средой и её пониманием, несчастные «случаи» как следствие субъективного искажения диалектики явлений и событий, трагедии, основанные на законе перехода количества совершённых внутренних и внешних движений индивида (причины) в качество (следствие) и т.д.

Предвосхищая упреки в необоснованном расширении понятия ответственности субъекта за внешнее проявление его поведения в различных формах, следует обратить внимание на тот факт, что даже действующее уголовное законодательство содержит институт, учитывающий ответственность человека в широком смысле этого слова. Речь идёт об институте давности, предусматривающем императивное освобождение от уголовной ответственности и наказания, если не было уклонения от суда и следствия (ст. 78, 83 УК РФ). Немало авторов в прежнее время, в частности, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, рассматривали вопросы взаимосвязи длительности страданий от жизненных ситуаций и возможности наказания за совершённое ранее преступление, напоминая недопустимость последнего в силу общеизвестного принципа, запрещающего накладывать дважды наказание за одно преступление. В настоящее время к таким работам можно отнести исследования, посвящённые изучению синдрома Авеля, или проявления системы самонаказания человека.

Наличие внутренних и внешних факторов преступного поведения, в которых проявляются закономерности мироустройства, приводит нас к выводу о необходимости адекватного вменения преступного вреда. Адекватный в переводе с латинского *adaequatus* означает равный,

тождественный.² В словаре С.И. Ожегова данное слово воспринимается как вполне соответствующий, совпадающий.³

Сущность предлагаемой концепции состоит в том, что субъект отвечает за причинённый осознанно и неосознанно в совокупности преступный вред. Особенности концепции адекватного вменения преступного вреда состоят в том, что она снимает необоснованные ограничения с исследования механизма преступного поведения и использования современных научных достижений на уровне макро- и микромира при квалификации преступления.

Предлагаемая концепция вменения преступного вреда обладает достоинствами предшествующих до неё концепций объективного и субъективного вменения при одновременном устранении их недостатков. Если первая, признавая отсутствие свободы воли и поведения, позволяет учитывать глубинную сложную роль неосознанного в поведении человека (внешний, доступный для восприятия, и неосознанный уровни его взаимодействия с окружающей действительностью), то вторая даёт возможность учитывать осознанный внутренний мир субъекта в форме его намерений (мотивов) и результата (целей) при одновременном преодолении фактора субъективного усмотрения правоприменителя.

Вопросы определения осознанного и неосознанного в преступном поведении на самом деле вполне решаемы. Ведь о неосознанном в уголовно-правовом смысле всё равно придётся вести речь в ситуации его материализации в той или иной форме, при которой вопрос отграничения его от осознанного поведения допустимо решать при помощи индуктивного метода остатков. Его сущность заключается в установлении причины, вызывающей определённую часть сложного действия, если другие причины, вызывающие другие части это действия, уже выявлены.⁴

² Музрукова Т.Г., Нечаева И.В. Краткий словарь иностранных слов. Ок. 5000 слов. М.: Рус. язык, 1995. — С. 31.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Ок. 57 000 слов. Екатеринбург, 1994. — С. 20.

⁴ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов. — М.: Юрист, 2001. — С. 179.

Нам известны последствия преступного поведения, которое является совокупным результатом взаимодействия осознанного и неосознанного. Поскольку в процессе расследования нам станет известно то, что субъект осознавал, то остальная часть будет приходиться на влияние неосознанного, пока не будет выявлено иное. Одновременно в структуре психики субъекта обнаруживается внутренний регулятор, определяющий его конкретное поведение. Как отмечает И.И. Кондрашин, за психикой человека признаётся способность центральной нервной системы осуществлять взаимодействие с окружающей его средой как биосферы, так и инфосферы в форме именно адекватного реагирования на происходящие вокруг явления и события.⁵

Умысел и неосторожность как формы вины вне действительного мотива и цели как результатов взаимодействия осознанного и неосознанного, утрачивают свой смысл и назначение, в связи с чем статьи 24–26 УК РФ должны быть из него исключены.

На основании сделанных выводов и предложений предлагается трансформировать теоретическое понятие вины на законодательное понятие ответственности, для чего следует дополнить УК РФ ст. 24 в следующей редакции: «Статья 24. Уголовная ответственность лица. Уголовная ответственность лица наступает за совершение деяния, которое причинило преступный вред либо было совершено по мотивам или в целях причинения такого вреда».

Концепция адекватного вменения преступного вреда в полной мере реализует важнейший для достижения целей наказания принцип уголовного права, а именно, принцип неотвратимости, на что обращал внимание ещё Ч. Беккариа.⁶ Предлагаемая концепция органически может и даже требует включать в себя различные мировоззренческие взгляды на мир, человека, смысл его жизни, иных состояний или происходящих с ним событий, в том числе

⁵ Кондрашин И.И. Истины бытия в зеркале сознания. — М., 2001. — С. 89.

⁶ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // Сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2004. — С. 124.

и смерти, а также психологические закономерности поведения субъекта. Поэтому адекватное вменение преступного вреда отвечает принципу системности поведения человека, что представляется плодотворным в ходе формирования основанных на нём институтов уголовного права. Данные функции изначально присущи адекватному вменению, которое учитывает различные взаимосвязи и взаимодействия индивида и окружающего мира на подсознательном уровне, рассматривая и характеризуя поведение человека как системное, закономерное. Тем самым во многом устраняется почва для различных злоупотреблений в уголовно-правовой сфере, что приведёт к нормализации политической, экономической, идеологической, социальной и психологической ситуации в обществе и возрождению человека и общества на основах истины и мудрости.

Последовательное использование диалектического подхода и переход от изменчивых «закономерностей» общественного развития к постоянно существующим закономерностям мироустройства позволили мне подойти к исследованию преступного поведения как целостного явления в окружающей реальности, подчинённого определённым закономерностям. В соответствии с этим основная идея уголовного законодательства должна измениться с законодательного определения меры свободы и ответственности на идею отражения в нём закономерностей поведения индивида и вытекающей отсюда неотвратимости ответственности в силу действия всеобщей причинно-следственной связи. Для понимания последнего необходимо отказаться от идеи случайности. Тогда становится понятной диалектика зарождения, формирования и реализации преступного поведения, а равно направление законодателя, правоприменителя, индивида и общества на его предупреждение. В результате становится возможным системное исследование внешнего и внутреннего мира человека, осознанного поведения и влияния на него неосознанного.

Одновременно начинают применяться иные закономерности, ранее существовавшие в теориях без определённой пользы для практики либо даже вопреки ей, в час-

тности, широко известный в теории диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Российские классики теории построения нового общества в основном пытались реализовать (и достигли своего печального результата) только часть провозглашённого закона, а именно, борьбу противоположностей. Причём в теории преобладает мнение, что интересы отдельной личности (или социальной группы) и всего общества являются «непримиримыми».⁷ Но часть никогда не составляла и не составляет целостную систему. Кроме того, при решении вопросов уголовно-правового характера и назначении наказания недопустимым является игнорирование другой части рассматриваемого диалектического закона, а именно: неучёт единства противоположностей. Данный элемент представляется не только первостепенным, но и интегрирующим началом на всех уровнях бытия, в изучающих его теориях, в законодательстве и правоприменительной деятельности. Встречающиеся в теории попытки считать «единством» противоположностей уголовно-правовые нарушения и соответствующие им запреты⁸ вызывают сомнения. Там, где происходит борьба «противоположностей», единства быть не может, равно, как и наоборот. Значимость единства и целостности противоположностей ведёт к необходимости внесения корректив в эту закономерность, которая в целях отражения системности бытия должна делать упор не на «борьбу», а на взаимодействие составляющих систему элементов.

Теоретический закон, используемый для оправдания конфликтов, вражды и войн различного содержания, превращается в элемент самоорганизации, причём в направлении гармонизации и учёта интересов всех составляющих частей целостной системы. С учётом сказанного, редакция диалектического закона предлагается в следующем виде: единство и взаимодействие сторон системы. Данная редакция включает в себя совокупность всех

форм взаимодействия субъекта с внешним миром, включая неосознанный. Такое изменение качественно меняет отношение к причинам и условиям, способствующим совершению преступления, к факту преступного деяния, к преступнику и потерпевшему, снимая противопоставление между ними, к назначению наказания, а также его исполнению и отбыванию.

В связи с вышеизложенным основная цель наказания должна измениться с исправления на осознание им закономерностей внешнего и внутреннего мира, в том числе, неотвратимости ответственности как подлинного основания изменения поведения осуждённого и предупреждения совершения новых преступлений.

Соответственно подлежат корректировке начала назначения наказания и иные нормы и статьи уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В целях отражения в законе ранее высказанных теоретических положений и учёта современных научных достижений в сфере психологии преступного поведения п. 2 ст. 1 УК РФ «Уголовное законодательство Российской Федерации» целесообразно изложить в следующей редакции: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, ориентируясь при этом на известные закономерности мироустройства и поведения человека». Статья 43 УК РФ принимает следующую редакцию: «1. Наказание есть мера государственного воздействия, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, причинившему преступный вред, и заключается в наложении предусмотренных настоящим Кодексом обязательств, а при необходимости, в лишении или ограничении прав и законных интересов такого лица». 2. Наказание применяется в целях осознания осуждённым закономерностей мироустройства, общества и поведения индивида, в том числе, неотвратимости ответственности как основания изменения его поведения и предупреждения совершения новых преступлений».

Восприятие в преступном поведении наличия причинно-следственной связи и влияния неосознанного на поведение при-

⁷ Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... докт. юрид. наук. — Омск, Омская академия МВД РФ, 2003. — С. 275.

⁸ Векленко С.В. Указ. соч. — С. 275.

водит к выводу о необходимости внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовное законодательство. Так, ст. 5 УК РФ «Принцип вины» принимает следующую редакцию: «Статья 5. Принцип ответственности. Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие), которые привели к преступному вреду или могли привести к нему». Соответственно в статье 14 УК РФ «Понятие преступления» слово «виновно» следует исключить, а его содержание принимает следующую редакцию: «1. Преступлением признаётся причинение предусмотренного настоящим Кодексом преступного вреда или создавшее реальную угрозу причинения такого вреда». В п. 2 ст. 14 УК РФ слова «не представляющее общественной опасности» заменяются на слова «не являющегося преступным вредом или не создавшее реальной угрозы причинения преступного вреда». В п. 1 ст. 60 «Общие начала назначения наказания» слова «признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое» заменить на слова «причастному к совершению преступления, назначается адекватное».

В связи с необходимым информационно ориентированным уголовно-правовым

воздействием на субъекта преступления предлагается расширить содержание принципа гуманизма и придать целевую направленность его действия на субъекта и общество в целом при помощи следующих изменений и дополнений. Пункт 1 ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма» дополнить следующими словами: «и благоприятные условия для осознания преступником закономерностей мира и своего поведения». Пункт 2 данной статьи изложить в следующей редакции: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны иметь преимущественно информационный характер, раскрывающий взаимосвязанность, обусловленность окружающего мира и вытекающую отсюда неотвратимость его ответственности». Дополнить ст. 7 УК РФ п. 3 следующего содержания: «Уголовно-правовые средства воздействия могут иметь ограниченное воздействие на социальный уровень организации жизни преступника, но не должны затрагивать биологический и энергетический уровни гармоничного взаимодействия индивида с окружающей действительностью, а равно иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

КРИМИНОЛОГИЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

УДК 343.9
ББК 67.51

*А.Н. Игнатов**

ОБ УРОВНЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (часть 1)

Аннотация: Необходимо осуществлять анализ уровня зарегистрированной преступности с целью установления объективности регистрации преступлений правоохранными органами.

Ключевые слова: уровень преступности; преступность; убийство.

A.N. Ignatov

ON CRIME RATE AND THE ACTIVITY IF LAW-ENFORCEMENT BODIES (part I)

Summary: It is necessary to carry out the study of registered crime rate to establish the level of objectivity in the registration of crimes by law enforcement bodies.

Key words: crime rate; criminality; murder.

Как известно, для эффективного противодействия негативным социальным явлениям, в том числе преступности, необходимы соответствующие достоверные данные о них, что предусматривает, в первую очередь, установление их реальных масштабов и состояния. Соответственно, во избежание ошибок в сфере реализации криминологической политики необходимо иметь (и своевременно информировать общество) максимально полную и достоверную информацию об уровне и состоянии преступности в стране. Сказанное, прежде всего, касается насильственной преступности как наиболее общественно опасного (как по степени, так и по уровню) вида преступности.

Одним из самых весомых криминологических показателей является уровень

* **Александр Николаевич Игнатов** — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, заведующий кафедрой трудового права, права социального обеспечения и уголовного права Института экономики и права (филиал) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе (Севастополь, Украина). E-mail: aleksandrignatov@mail.ru

© А.Н. Игнатов, 2012

убийств (для которых, кстати, по единогласному мнению большинства учёных характерна минимальная латентность) в стране, поскольку он является тем показателем, который в целом характеризует уровень насилия в обществе, а, в конечном счёте, и уровень преступности. Как указывает С.Н. Абельцев, положение дел касательно убийств является обобщающей, интегративной характеристикой всей криминогенной обстановки, и более того, индикатором всей социально-правовой ситуации в стране.¹ Убийства укрепляют позиции криминального насилия в стране в целом, а растущее их количество становится качественным показателем всей современной преступности и условием последующего роста диктата принуждения, насилия, то есть несвободы во всех сферах.² В свою очередь изменения показателей относительно уровня и состояния

¹ *Абельцев С.Н.* Преступления против личности и проблема криминального насилия // Закон и право. — 1998. — № 8. — С. 14.

² *Насимов Г.А.* Причины и меры предупреждения убийств : дис. ... канд. юрид. наук — М., 2004. — С. 201.

убийств и насильственной преступности в целом свидетельствуют об эффективности или неэффективности криминологической политики государства и удачном или неудачном распределении сил и применении средств противодействия преступности и, соответственно, позволяют принимать последующие решения относительно направления последних.

Как отмечает Д.А. Шестаков, официальная статистика далеко не полно отражает подлинную распространённость преступлений, значительная их часть остаётся официально не учтённой (латентной). При этом следует различать неучтённость: 1) преступной государственной политики; 2) вновь возникающих видов преступлений, которые или прямо не предусмотрены уголовным законом, или, если и предусмотрены, то в практике применяющих закон органов не признаются в качестве таковых; 3) преступлений, не учтённых в силу невыполнения чиновниками обязанности регистрировать соответствующие заявления; 4) преступлений, о которых не заявлено потерпевшими и свидетелями; 5) скрытых преступлений, известных только самим преступникам.³

Существование латентной (скрытой) преступности искажает представление общества о фактическом её уровне и действительной структуре, размере материальных и нематериальных убытков, причиняемых обществу; осложняет выявление основных тенденций развития преступности, факторов, её обуславливающих, что в свою очередь лишает возможности составлять обоснованные криминологические прогнозы и программы противодействия преступности.⁴ Латентные преступления требуют адекватного количества необходимых сил и средств.⁵

³ Шестаков Д.А. Латентность преступности, вопросы теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — № 1 (16). — С. 131–134.

⁴ Криминологія: Загальна та Особлива частини: [підруч. для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл.] / І.М.Даньшин, В.В. Голіна, О.Г. Кальман, О.В.Лисодед; За ред. проф. І.М. Даньшина. — Харків: Право, 2003. — С. 47-48.

⁵ Остроумов С.С. Советская судебная статистика. (Часть общая и специальная). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 46.

Проблемы противодействия преступности в целом и насильственной в частности исследовали многие отечественные и зарубежные учёные. Однако, несмотря на достаточную разработанность данной темы, в науке существует ряд проблемных вопросов, связанных как со сложностью исследуемого феномена, динамичностью развития социума и преступности, как его составляющей, так и с отсутствием современных объективных данных о состоянии преступности и отдельных её видов.

На примере насильственной преступности, применяя критический анализ, мной осуществлена попытка установить, объективна ли регистрация правоохранительными органами преступных проявлений.

Рассматривая преступность в той или иной стране с количественной стороны, в первую очередь следует установить её уровень — показатель, который наиболее ярко определяет её размер.

Как свидетельствуют статистические данные,⁶ уровень общего количества зарегистрированных в Украине преступлений начиная с 1995 г. *постепенно*, но стабильно уменьшается (рис. 1). Исключение составляет «скачок» уровня преступлений в 2003 г., когда абсолютное количество зарегистрированных преступлений достигло 556 351, что на 15,8 % больше чем в 1992 г. и на 23 % больше относительно предыдущего 2002 г. Начиная с 2004 г. этот показатель *продолжает интенсивно* снижаться (среднегодовой темп снижения относительно каждого предыдущего года составил 8 %), достигнув в 2008 г. в абсолютных цифрах 384 424 преступлений, что в 5 раз (на 20 %) меньше чем в 1992 г. Однако с 2009 г. общее количество зарегистрированных в стране преступлений снова начинает постепенно расти, достигнув в 2010 г. отметки 500 902 преступления, что на 4,2 % больше чем в 1992 г. и на 15,2 % больше относительно предыдущего 2009 г. В 2011 г. этот показатель составил 515 833 преступления, что на 3 % больше относительно предыдущего 2010 г. и на 7,3 % больше, чем в 1992 г.

⁶ Звіт МВС України про злочинність (форма № 1) за 2004–2011 роки.

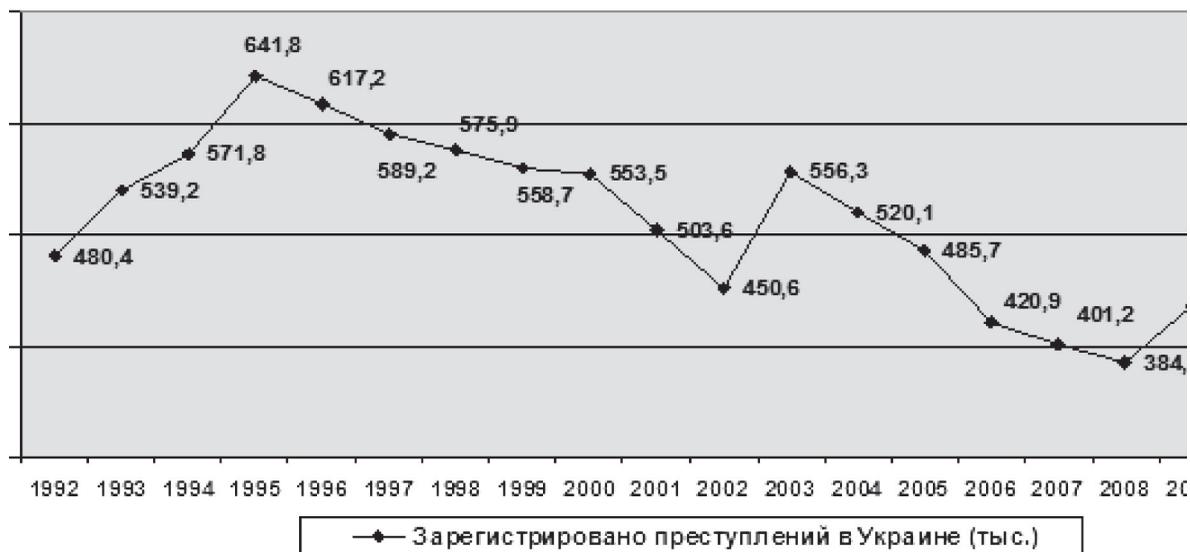

Рисунок 1. Уровень зарегистрированной преступности в Украине в 1992–2011 гг.

Таким образом, можно отметить существенные колебания уровня преступности в Украине в течение анализируемого периода, которые, в то же время, отвечают традиционным 5–7-летним циклам изменений уровня преступности, а также приходится на периоды существенных потрясений в жизни общества (2003–2004 гг. и 2009–2010 гг.).

Однако в целом следует учитывать и обусловленность соответствующих изменений состояния преступности, а точнее состояния её статистического отображения в ведомственных отчётах, радикальным изменением подхода к регистрации преступности в стране. Так, если в течение всего советского периода уровень преступности в стране рос (это отвечало как объективному положению вещей, так и идеологии работы правоохранительных органов: каждый год растёт уровень регистрации и раскрытия, значит, растёт качество работы, т.е. обосновывалась потребность развития правоохранительной системы), то с приобретением Украиной независимости, уровень преступности постепенно снижается, что может отвечать лишь изменению идеологии работы правоохранительных органов: каждый год уровень преступности снижается из-за того, что повышается эффективность работы этих органов.

В свою очередь, учитывая состояние отечественных правоохранительных органов, можно утверждать о правильности замечания А.Ф. Зелинского, что сравнительно низкий коэффициент преступнос-

ти в Украине — это результат в первую очередь исключительно высокой латентности (скрытости) преступлений и плохо поставленного учёта.⁷ Однако, если принимать во внимание зависимость оценки результатов деятельности правоохранительных органов от уровня регистрируемой преступности в стране, то следует говорить уже не о «плохо поставленном учёте», а о «красивом» укрывательстве преступлений от учёта, о чём будет сказано ниже.

Изучение отдельных видов преступлений также указывает на «искусственность» тенденций изменения их уровня и состояния. Так, проведённое нами исследование⁸ показало, что стремительное снижение (особенно, начиная с 2001 г.) количества регистрируемых в Украине убийств не отвечает изменению уровня преступности в стране в целом (рис. 2).

Так, начиная с 2001 г., количество зарегистрированных в Украине умышленных убийств (и покушений) стабильно снижается. Миновал в 2005 г. (3315 преступлений) барьер 1992 г. (3679 преступлений), показатель количества зарегистрированных убийств (и покушений) снизился в 2010 г. по отношению к базисному 1992 г.

⁷ Зелінський А.Ф. Кримінологія. — Х.: Рубікон, 2000. — С. 111.

⁸ Ігнатів О.М. Кримінологічний аналіз рівня та динаміки вбивств в Україні // Форум права. — 2011. — № 4. — С. 314–326. Ігнатів О.М. Кримінологічний аналіз структури вбивств в Україні // Форум права. — 2012. — № 1. — С. 375–386.

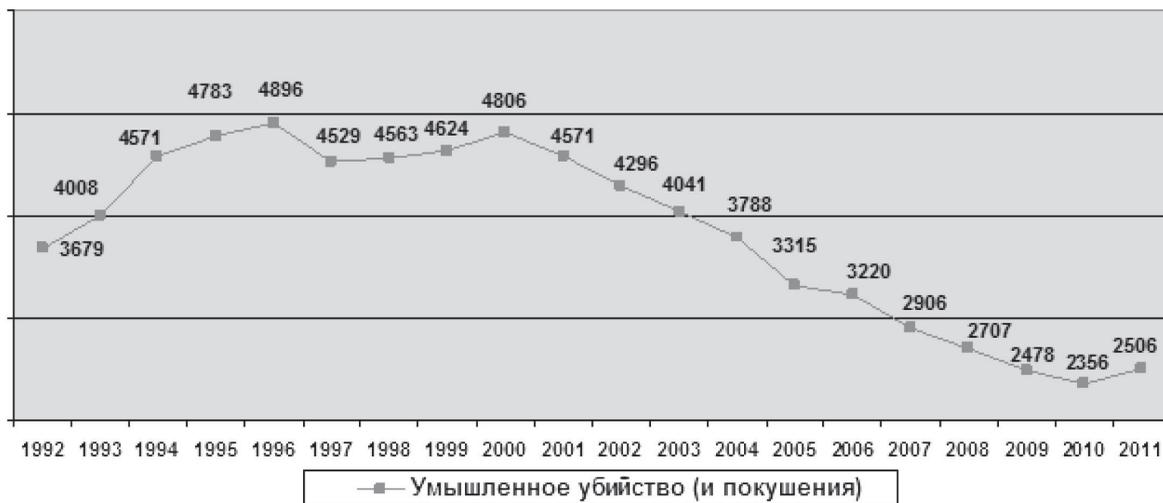

Рисунок 2. Уровень зарегистрированных умышленных убийств (и покушений) в Украине в 1992–2011 гг.

на 36 % (2356 преступлений). Среднегодовой темп снижения относительно каждого предыдущего года составил 6,8 %. В 2011 г. наблюдается снижение количества убийств к 1992 г. на 32 %, однако при увеличении их абсолютного количества (2506 преступлений) относительно предыдущего 2010 г. на 6,3 %. Но свидетельствует ли этот факт об окончании фазы снижения уровня убийств в стране или лишь указывает на ситуативную смену ведомственной «ориентации» руководства МВД покажут только последующее наблюдение и анализ изменений.

Изменения уровня и динамики умышленных убийств в Украине в последнее

десятилетие преимущественно обусловлены изменениями относительно «простых» и «квалифицированных» умышленных убийств (т.е. предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 115 УК Украины). В то же время на протяжении 2002–2011 гг. можно наблюдать достаточно замедленное, в сравнении с убийствами без отягчающих обстоятельств (среднегодовой темп снижения на протяжении 2002–2010 гг. составил 8,4 % (6,9 % с учётом 2011 г.), снижение количества умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, среднегодовой темп снижения которых составил 4,3 % (3,2 % с учётом 2011 г.) (рис. 3).

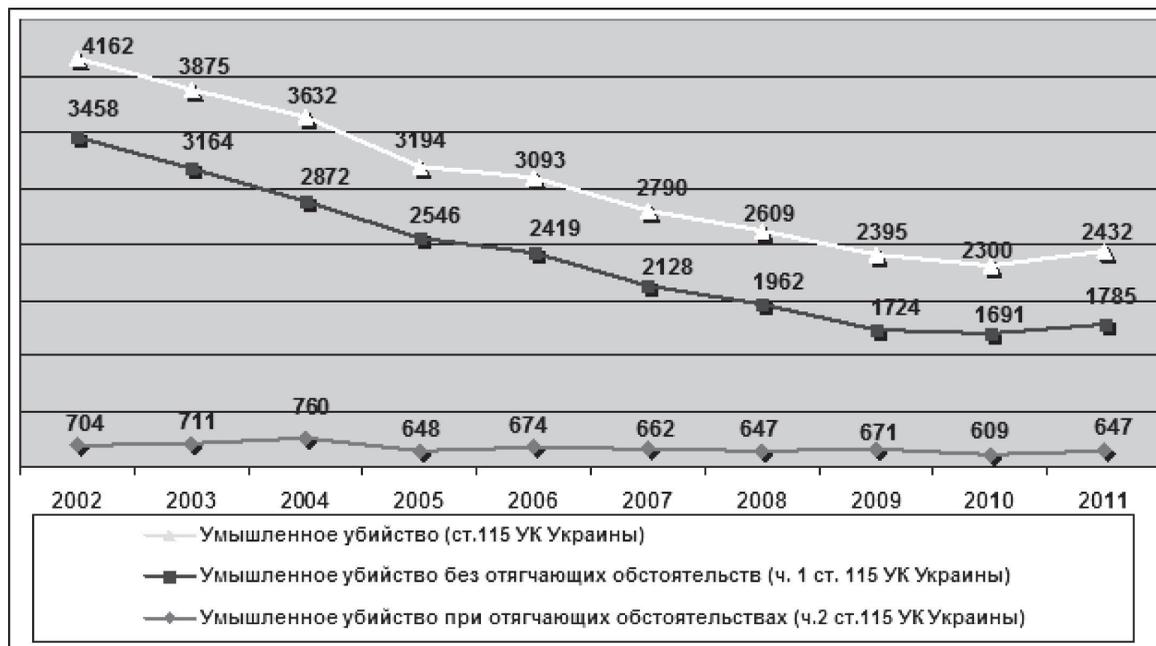

Рисунок 3. Уровень умышленных убийств в целом, умышленных убийств без отягчающих обстоятельств и умышленных убийств с отягчающими обстоятельствами на Украине за 2002–2011 гг.

При этом если доля простых убийств в общем количестве зарегистрированных преступлений уменьшилась (при стабильности этого процесса в течение всего анализируемого периода) почти втрое с 0,8 % в 2002 г. до 0,3 % в 2011 г., то доля квалифицированных убийств по этому показателю колебалась на протяжении всего периода от 0,1 до 0,2 %.

Что касается так называемых привилегированных видов убийств, то в целом можно наблюдать тенденцию стабильного уменьшения их уровня по абсолютным

показателям вдвое (с 134 в 2002 г. до 74 в 2011 г.) и в доле от общего количества зарегистрированных в стране преступлений – втрое (с 0,03 в 2002 г. до 0,01 в 2011 г.). Среднегодовой темп снижения всех зарегистрированных в стране привилегированных убийств относительно каждого предыдущего года составляет 3,8 %. При этом, как можно это наглядно увидеть на рис. 4, тенденция стабильного уменьшения уровня таких убийств прослеживается относительно разных их видов достаточно неоднозначно.

Рисунок 4. Уровень привилегированных умышленных убийств в Украине за 2002–2011 гг.

Наиболее яркое проявление отмеченной тенденции можно наблюдать на примере умышленных убийств при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника (уменьшение их абсолютных показателей с 79 в 2002 г. до 36 в 2011 г. и уменьшение их доли в общем количестве зарегистрированных в Украине преступлений с 0,01 % в 2002 г. до 0,006 % в 2011 г.). Более стабильная ситуация относительно изменений уровня умышленных убийств, совершённых в состоянии сильного душевного волнения и, особенно, умышленных убийств матерью своего новорождённого ребенка отвечает,

на наш взгляд, именно их специфическим особенностям, связанным, в первую очередь, с природой их совершения и незначительной по сравнению с другими видами убийств ролью социальных факторов в их детерминации.

Особенное место в тенденции изменения уровня убийств в Украине принадлежит убийствам по неосторожности, динамика которых не характеризуется чёткой тенденцией стремительного снижения (рис. 5). Так, несмотря на снижение в последние годы абсолютного количества убийств по неосторожности, среднегодовая тенденция изменения динамики данного показателя в течение анализируемо-

Рисунок 5. Уровень убийств по неосторожности в Украине за 2002–2011 гг.

го периода равняется 0,8 % увеличению (при среднегодовом темпе уменьшения на: 6,6 % – убийств в целом; 6,9 % – простых убийств; 3,2 % – квалифицированных убийств; 3,8 % – привилегированных убийств).

Это, на мой взгляд, является не совсем естественным, учитывая характер данного преступления и сходство специфики этой разновидности убийства с привилегированными убийствами (убийство, совершённое в состоянии сильного душевного волнения и убийство матерью своего новорождённого ребенка) в части более малой в сравнении с другими видами убийств обусловленности социальными факторами. Следовательно, можно сделать предположение, что снижение уровня убийств по неосторожности на протяжении 2009–2011 гг. не корреспондирует с тенденцией увеличения их уровня на протяжении предыдущего периода (2002–2008 гг., несмотря на эпизодическое снижение в 2006 г.) и не отвечает действительности, либо увеличение их уровня в 2007–2008 гг. носило искусственный характер.

Таким образом, анализ уровня и динамики умышленных убийств свидетельствует о том, что стабильное и стремительное снижение с 2001 г. количества зарегистрированных в Украине убийств (и покушений) происходило преимущественно за счёт неквалифицированных убийств с одновременным сохранением уровня (а в течение 2006–2009 годов – увеличением доли) квалифицированных убийств.

Следовательно, можно констатировать, что позитивные изменения в структуре преступности, обусловленные умень-

шением доли регистрируемых в Украине убийств (преимущественно неквалифицированных) происходят за счёт её негативных качественных изменений, причём, не только за счёт увеличения доли квалифицированных убийств как в структуре убийств, так и преступности в целом, но и за счёт крайне негативных изменений в самой структуре квалифицированных убийств.

Так, можно наблюдать не только увеличение удельного веса квалифицированных убийств в структуре преступности в целом, но и рост уровня отдельных таких наиболее тяжких и общественно опасных видов квалифицированных убийств как убийство по предварительному сговору группой лиц и убийство, совершённое лицом, ранее совершившим умышленное убийство, а также убийство малолетнего ребёнка или беременной женщины и убийство с особенной жестокостью. При уменьшении доли наиболее распространённых преступлений данного вида: убийство из корыстных побуждений; убийство двух или более лиц и др.

Следовательно, сегодня можно говорить о следующих негативных изменениях «качества» убийств: увеличение рецидива и совершение их в соучастии, вооружённость и усложнение способа совершения, цинизм и жестокость их совершения, что свидетельствует об имеющихся реальных тенденциях изменений относительно состояния убийств и насильственной преступности в Украине в целом.

Подытожив вышеизложенное, учитывая социальные предпосылки, специфику исследуемого вида преступности, а также

определённые характерные динамические изменения состояния убийств (интенсивное уменьшение количества регистрируемых убийств отдельных видов, стабильное сохранение доли некоторых других видов убийств среди всей массы регистрируемых в стране преступлений и т.п.), можно сделать предположение о существовании некоторого запрограммированного «баланса» регистрации отдельных видов преступлений в Украине и искусственности определённых изменений в уровне и динамике, связанной, прежде всего, с манипулированием статистическими данными.

Для того, чтобы иметь более полное представление об уровне преступности, наряду с традиционными криминологическими показателями следует использовать показатель объёма причинения вреда — цену преступности, которая даёт представление об объёме и характере прямого и непрямого вреда, причиняемого преступностью обществу. В зависимости от содержания преступный вред может быть материальным, психическим (причинение вреда психическому здоровью), соматическим (причинение вреда физическому здоровью), в конце концов, лишением жизни.⁹ Составной частью цены преступности являются расходы на функционирование правоохранительных органов и иные средства противодействия преступным явлениям.

Как ни странно, даже рассчитать количество жертв убийств не совсем легко из-за определённых «чудес» ведомственной статистики. Так, в контексте исследуемой проблемы привлекают внимание данные относительно количества зарегистрированных преступлений, которые «предупреждены на стадии приготовления, покушения» (форма № 1-А (451), утверждённая Приказом МВД Украины от 16.01.2008 г. № 16 по согласованию с Госкомстатом Украины. Раздел 2 «Сведения о преступлениях общеуголовной направленности») и данные относительно количества потерпевших от убийств и количества лиц, погибших от убийств (форма № 1-А (451), утверждённая Приказом

МВД Украины от 16.01.2008 г. № 16 по согласованию с Госкомстатом Украины. Раздел 14 «Сведения о лицах, которые пострадали от преступлений» и форма № 1 (месячная), утверждённая Приказом МВД Украины от 27.07.2010 г. № 332 по согласованию с Госкомстатом Украины. Раздел 22 «Сведения о лицах, которые пострадали от преступлений»).

Проблема в том, что указанные данные не совсем корреспондируют между собой. Например, в 2009 г. зарегистрированы предупреждённые на стадии приготовления, покушения 238 из 2478 умышленных убийств, то есть 9,6 % (в 2010 г. этот показатель равняется уже 17 %, а в 2011 — 20 %). Пострадало в этом году от умышленных убийств и покушений 2650 лиц, а погибло — 2194 лица (в 2010 г. эти показатели равняются 2517 и 1988 лиц соответственно, в 2011 — 2642 и 1989). Следовательно, при 9,6 % «предупреждённых» на стадии приготовления, покушения убийств гибели удаётся «избежать» 17 % потерпевших от умышленных убийств и покушений (в 2010 г. это соотношение составляет 17 % и 21 %, в 2011 — 20 % и 24,7 %).

Ещё более странно выглядит картина с убийством двух или более лиц. Так, в 2009 г. зарегистрировано 106 умышленных убийств (и покушений) двух или более лиц (в 2010 г. — 107, в 2011 — 111). При этом пострадало от них 223 лица (в 2010 г. — 198 лиц, в 2011 — 215 лиц), а погибло — 148 лиц (в 2010 г. — 121 лицо, в 2011 — 128 лиц). То есть при совершении такого преступления, как умышленное убийство двух или более лиц, когда умысел виновного направлен именно на лишение жизни двух или более лиц, «избежать» гибели удалось от 33,6 % (2009 год), 39 % (2010 год) до 40,5 % (2011 год) потерпевших.

Рассмотренная (одна из многих) «проблема» ведомственной статистики свидетельствует об определённых существенных недостатках ведомственной системы учёта преступности, прежде всего, органов внутренних дел, которые в значительной мере обусловлены несовершенством самих форм статистической отчётности и методики учёта преступности в Украине. Соответствующие недостатки не позволяют надлежащим образом вести учёт тех или

⁹ Антопян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. — М.: Логос, 2004. — С. 135–138.

иных проявлений преступности в стране, анализировать криминологическую информацию и отображать адекватную криминогенную «картину». Это указывает на необходимость кардинального изменения как самого подхода относительно учёта преступности в стране, так и разработки принципиально нового инструментария его осуществления и анализа соответствующей информации.

Как справедливо отмечал А.А. Герцензон, ни один из показателей статистики преступности в полной мере не характеризует действительное состояние, уровень и динамику преступности, в силу чего при анализе уголовно-статистических данных необходимо использовать по возможности более широкий круг показателей.¹⁰ Именно поэтому, одним из способов приблизительного установления степени латентности того или иного вида преступлений является контроль данных правоохранительных органов путём их сопоставления с медицинской и другой статистикой относительно причинения вреда здоровью, количества насильственных смертей и смертей по неустановленной причине, исчезновение без вести людей и т.д.¹¹

Обратимся к анализу некоторых соответствующих статистических данных,

которые, на наш взгляд, позволят более объективно оценить реальный уровень убийств и преступности в Украине в целом.

Одним из показателей уровня латентности преступности может служить уровень корреляции между уровнем преступности в стране и количеством населения. Как указывают специалисты, зависимость динамики уровня преступности от численности населения достаточно сильная, плотность корреляции между этими показателями в целом составляет 0,7-0,8.¹²

Сравнительный анализ уровня умышленных убийств (и покушений) в соответствии с динамикой изменений количества регистрируемых преступлений данного вида и количества населения Украины (рис. 6), также свидетельствует о значительной их латентности.

Так, уменьшение численности населения Украины с 2002 г. по 2011 г. на 5,5 %, а количества зарегистрированных умышленных убийств (и покушений) за этот период на 41,6 %, то есть с разницей практически в 8 раз, явно указывает на несоответствие такого положения вещей отмеченной выше плотности корреляции. Это, учитывая традиционную относительную стабильность доли убийств (особенно при

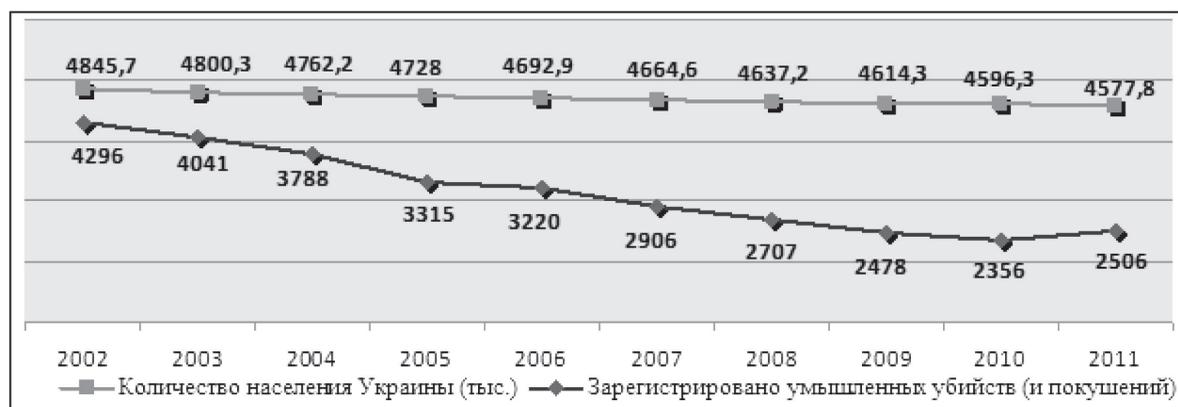

Рисунок 6. Динамика количества зарегистрированных умышленных убийств (и покушений) и численности населения в Украине за 2002–2011 гг.

¹⁰ Герцензон А.А. Основные положения и задачи советской науки уголовной статистики // Проблемы искоренения преступности. — М.: Юрид. лит., 1965. — С. 51.

¹¹ Шляпочников А.С., Забрянский Г.И. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. — 1971. — № 5. — С. 98–103.

¹² Исмаилов И.А. Состояние и тенденции преступности. — Баку: Науч.-метод. совет при ПА ССР, 1989. — С. 49.

отягчающих обстоятельствах) в структуре преступности, обусловленную глубиной детерминации и сложностью мотивации, может свидетельствовать об имеющихся искусственных процессах в изменении уровня убийств в Украине. Кстати, общее количество зарегистрированных в стране преступлений за указанный период сократилось на 14,4 %.

Анализ ведомственных статистических данных за 2002–2011 годы относительно количества без вести пропавших в Украине лиц¹³ показал, что ежегодно в стране разыскивается (в соответствии с имеющимися в ОВД оперативно-розыскными (ОРД) и розыскными (РД) делами) в среднем 9,5 тысяч человек. При этом каждый год остаётся в среднем 7 тысяч (учитывая лиц, ОРД/РД относительно которых прекращено по решению суда) без вести пропавших лиц, разыскать которых не удалось. Динамика количества лиц, оставшихся не разысканными в течение отмеченного периода, отличается стремительным ростом данного показателя с 3726 лиц в 2002 г. до 10 035 лиц в 2011 г. Соответственно, начиная с 2002 г. наглядно можно проследить корреляционную зависимость между снижением количества умышленных убийств (и покушений), которые регистрируются в Украине, и увеличением остатка не разысканных без вести пропавших лиц (рис. 4).

Следовательно, если допустить, что не разысканные без вести пропавшие лица являются жертвами убийств, то количество убийств, которые фактически имеют место в Украине, каждый год пропорционально растёт. Безусловно, возможны справедливые возражения, что нельзя считать всех не разысканных без вести пропавших лиц жертвами убийств (есть среди них лица, выехавшие за границу, потерявшие память и т.д.). Однако с учётом существующей в установленных случаях практики преждевременного и необоснованного принятия решений об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам исчезновения

¹³ Відомості про результати роботи ОВС України по розшуку безвісно зниклих / Звітність про результати розшуку громадян, які переховуються від органів влади, безвісно зниклих та встановлення особи громадян за невпізнаними трупами (форма № 3, додаток 4) за 2004-2011 роки.

без вести граждан,¹⁴ а также того, что статистические данные отображают далеко не всё абсолютное количество лиц данной категории (исчезнувшие лица, которые ранее не имели или утратили социальные связи и т.д.), высказанное предположение, на мой взгляд, является полностью логичным и объективным. Кроме того, следует учитывать долю лиц из числа граждан, скрывающихся от органов власти, которые также остаются не разысканными, и т.д.

Более того, анализ статистических данных свидетельствует, что в Украине можно наблюдать следующую тенденцию: в регионах (областях), где стремительно уменьшается количество регистрируемых умышленных убийств (и покушений), фиксируется пропорциональное увеличение остатка неразысканных без вести исчезнувших лиц. Следовательно, можно сделать вывод, что на сегодня география и уровень исчезновения людей (с последующим оставлением их в числе неразысканных) в Украине в большей степени отвечает криминальной активности и соблюдению регистрационной дисциплины (относительно заявлений и сообщений о преступлениях) правоохранными органами в том или ином регионе, чем социально-экономическому положению (особенностям) соответствующих регионов, обуславливающему естественную миграцию населения и её соответствующие вероятные последствия (выезд на постоянное проживание или работу и невозвращение и т.д.).

Говоря про уровень преступности в Украине, в частности убийств, нельзя игнорировать и такой фактор, как большое количество неопознанных трупов. С учётом этого показателя криминологическая картина уровня криминального насилия и преступности в целом в государстве выглядит значительно хуже (рис. 7).

¹⁴ Следует отметить, что практические подразделения ОВД сегодня пытаются выполнять «указание» руководства относительно возбуждения уголовного дела как можно скорее после регистрации заявления об исчезновении человека. Однако вызывает большое сомнение реальность и рациональность выполнения такого «указания», учитывая объём времени, сил и средств, которые тратят стражи порядка, разыскивая мужчин, задержавшихся «у подружки», или несовершеннолетних, «гулявших» у друзей и т.д.

Рисунок 7. Уровень зарегистрированных умышленных убийств, фактического остатка исчезнувших без вести лиц и остатка в ОВД дел по неопознанным трупам в Украине за 2002–2011 гг.

В среднем на 3 тысячи зарегистрированных умышленных убийств в Украине и 7 тысяч без вести исчезнувших лиц, разыскать которых не удалось, ежегодно в среднем приходится 16,5 тысяч неопознанных трупов.¹⁵

Количество дел по неопознанным трупам на учёте ОВД в целом (несмотря на незначительное сокращение, начиная с 2009 г.) ежегодно в течение анализируемого периода росло, причём, при стабильном ежегодном сокращении количества таких дел, поступающих на учёт (с 5789 в 2002 г. до 1061 в 2011 г.) и стремительное увеличение (в десять раз) количества дел, закрытых в связи с окончанием срока давности (с 108 в 2002 г. до 1137 в 2011 г.). При этом при уменьшении более чем вдвое количества закрытых на конец года дел по неопознанным трупам (с 4965 в 2002 г. до 2177 в 2011 г.) можно наблюдать уменьшение почти в пять раз количества дел, закрытых в связи с установлением личности неопознанных

трупов (с 4852 в 2002 г. до 1026 в 2011 г.). Все это свидетельствует о снижении эффективности и качества работы ОВД Украины относительно установления личности граждан по неопознанным трупам.

При этом официальная статистика свидетельствует, что каждый год в среднем приблизительно лишь 500 лиц из числа неопознанных трупов являются жертвами преступления. Однако на каждую жертву преступления этой категории в среднем приходится 1,5 случаев самоубийства и почти 15 несчастных случаев с летальным исходом, не говоря уже о 7 смертях из-за болезни.

Следовательно, даже за исключением количества жертв преступления среди неопознанных трупов (по которым, допустим, количество совершённых убийств уже учтено в официальной статистике), расчёт общего количества потенциальных жертв убийств (с учётом данных официальной статистики относительно количества зарегистрированных умышленных убийств (и покушений), количества неразысканных без вести пропавших лиц и количества трупов, по которым личность установить не удалось) указывает на то, что каждый год ими становятся в среднем 53 человека в расчете на 100 000 населения. То есть

¹⁵ Відомості про результати роботи ОВС України щодо встановлення особи громадян по невідомим трупах / Звітність про результати розшуку громадян, які переховуються від органів влади, безвісно зниклих та встановлення особи громадян за невідомими трупами (форма № 3, додаток 4) за 2004–2011 роки.

уровень латентности убийств может равняться пропорции 1:7.

Безусловно, возможны справедливые возражения, что нельзя считать все случаи, когда по неопознанному трупу не удалось установить личность, убийством. Тем более что официальная статистика приводит конкретные данные относительно причины смерти этих лиц. Однако, на наш взгляд, здесь следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, статистические данные отображают далеко не всё абсолютное количество неопознанных трупов. О достаточно большой доле из них никому и никогда не становится известно. Во-вторых, нередко, когда находят труп неизвестного лица престарелого возраста без явных признаков насильственной смерти, вскрытие трупа (да даже его дактилоскопирование) не проводится, а причина смерти констатируется как болезнь. Кстати, и по трупам, личность которых устанавливается не нужно, при определённых обстоятельствах (когда родственники или иные заинтересованные лица на установлении причин смерти не настаивают, или такие лица вообще отсутствуют) часто имеет место подобная ситуация. В-третьих, как известно немало самоубийств могут быть следствием инсценировки, а установить такой факт относительно лица, которое невозможно опознать (установить), можно лишь при очень тщательном расследовании и большой заинтересованности работников правоохранительных органов. Не говоря уже, сколько случаев доведения до самоубийства остаются латентными. В-четвёртых, трудностям доказывания факта противоправного причинения смерти лицу в случае выявления неопознанного трупа с соответствующими травмами можно противопоставить «легкость» констатации факта несчастного случая (упасть с крыши, замерзнуть нетрезвому в лесу или сгореть в доме от непотушенного окурка безусловно «легче» самому) и т.д. В-пятых, следует учитывать случаи, когда похоронить умершего человека кому-то выгодно именно как неопознанный труп (причина смерти, как правило, — несчастный случай). Это несложно сделать когда, например, в результате определённых событий внешне опознать человека невозможно или очень

сложно, а лица, которые имеют сведения относительно личности умершего, в этом не заинтересованы.

Следует отметить, что указанные обстоятельства касаются не только вопроса выявления жертв латентных убийств среди неопознанных трупов, но и тесно переплетаются с проблемой маскировки убийств под разного рода несчастные случаи и т.п. Типичным примером может служить смерть человека в результате ДТП (или инсценировки ДТП). Лишь в 2006 г. по результатам проверки органами прокуратуры ГАИ МВД Украины было обнаружено 40 тысяч неучтённых потерпевших и более 700 неучтённых погибших в ДТП. В целом же от 5 до 10 % погибших в ДТП и умерших в больницах не учитываются в официальной статистике.¹⁶ В свою очередь именно с помощью инсценировки гибели человека в автокатастрофе достаточно часто совершаются скрытые (латентные) политические убийства, что можно объяснить простотой организации дорожно-транспортного происшествия в силу практически постоянного использования автотранспорта всеми лицами в своих личных целях, удобства сокрытия улик.¹⁷

Как отмечают эксперты, опрошенные российскими исследователями, 30 % неопознанных трупов — латентные жертвы убийств, а среди без вести пропавших лиц их доля составляет 35 %. Опрос знакомых и родственников без вести пропавших лиц показал, что 46 % опрошенных считают их погибшими, при этом 27 % уверены, что они убиты, а 19 % не исключают возможности их гибели в результате несчастного случая или иных обстоятельств.¹⁸

С учётом экспертной оценки и приведённых выше расчетов, на протяжении

¹⁶ Вавренюк О.С. Деякі питання виміру показників злочинності в Україні / О.С. Вавренюк // Держава та регіони. Серія право. — 2009. — № 2. — С. 52—56; Вєдєрнікова І. Государство — убийца / И. Вєдєрнікова // Зеркало недели от 17 ноября 2007 г.

¹⁷ Данилов А.П. Латентность политических убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — 1 (16). — С. 157.

¹⁸ Корсантия А.А. Латентность убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 1 (20). — СПб., 2011. — С. 83—85.

анализируемого периода на 1 зарегистрированное убийство в Украине приходится почти 2 латентные жертвы убийств среди неопознанных трупов и 1 латентная жертва убийства из числа без вести пропавших лиц. То есть латентность убийств равняется минимум 1:2,5.

Сюда также следует добавить: латентных жертв убийств из числа лиц, находящихся в розыске (по мнению экспертов ежегодно 20 % из них исчезают, но о них не заявляют как о без вести пропавших, а 60 % из них, в свою очередь, становятся жертвами убийства); официально зарегистрированных самоубийц — 5 % из которых — жертвы убийств; лиц, причина смерти которых официально зарегистрирована как результат некриминальной травмы — от 3 до 20 % которых являются жертвами убийств; лиц, причина смерти которых официально зарегистрирована как естественная (ненасильственная) — не менее 0,5 % из которых — жертвы убийств. Также следует учитывать латентных жертв убийств из числа лиц, утративших социальные связи, каковыми становятся: 1 % лиц, занимающихся проституцией; 0,09 % нелегальных мигрантов; 0,08 % лиц без определённого местожительства; 0,05 % безнадзорных детей.¹⁹

Как отмечал более 120 лет тому назад Габриэль де Тард, «... но зато сколько не обнаруженных убийств среди смертей, признанных случайными, цифра кото-

рых более чем утроилась ..., и среди самоубийств, цифра которых поднялась ... Если мы предположим, что в течение этого полувека пропорция ошибок в определении причин смерти осталась одна и та же и что лишь одно убийство на 1000 (а это очень мало) ошибочно включалось в число тысячи случайных смертей и самоубийств, то тогда цифра убийств очень заметно повысится. Но я думаю, что таких убийств гораздо больше».²⁰

Таким образом, можно констатировать, что уровень насильственной преступности и преступности в целом значительно превышает показатели регистрации правоохранительными органами Украины совершённых преступлений. Так, уровень латентности умышленного убийства (традиционно менее латентного деяния) в стране колеблется в пределах от 1:2 до 1:7. Анализ же изменений уровня преступности в Украине позволяет сделать предположение о сокрытии преступлений от учёта на массовом, системном уровне путём манипулирования со стороны правоохранительных органов соответствующими статистическими данными.

Искажение реальной картины относительно поражённости нашего общества преступностью лишь углубляет его кризисное состояние, а невозможность получения достоверной криминологической информации сводит на нет меры противодействия преступности.

Окончание читайте в следующем номере журнала

¹⁹ Корсантия А.А. Указ. соч. — С. 85–86.

²⁰ Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2009. — С. 135–136.

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ (КРИМИНОФАМИЛИСТИКА)

УДК 343.9
ББК 67.51

*В.С. Харламов**

СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ И ВНУТРИСЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В МЕГАПОЛИСЕ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Аннотация: Для криминального насилия в семье характерно превышение количества жертв пожилого возраста над числом преступников пожилого возраста.

Ключевые слова: семейная криминология; лица пожилого возраста; насилие в семье.

V.S. Kharlamov

THE OLDER GENERATION AND FAMILY VIOLENCE IN THE MEGALOPOLIS (ST.PETERSBURG AS AN EXAMPLE)

Summary: The excess of the number of the middle-aged victims over middle-aged criminals is typical for domestic violence.

Key words: family criminology; middle-aged people; domestic violence.

Крайне быстро идёт процесс демографического старения россиян. По оценкам экспертов, в предстоящее десятилетие число пенсионеров, как в России, так и в Санкт-Петербурге будет расти.¹ Неуклонно возрастает доля представителей старшего поколения в общей массе населения. К возможным последствиям данного демографического процесса следует отнести повышение конфликтности, связанной с лицами пожилого возраста. Неизбежно возрастание их виктимности и криминогенности. С учётом указанной негативной тенденции возникает потребность коррекции семейной политики и правоприменительной стратегии в отношении старшего поколения.

* **Валентин Станиславович Харламов** – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному федеральному округу, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: valentinx55@mail.ru

© В.С. Харламов, 2012

¹ См.: Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета по социальной политике в отношении граждан пожилого возраста и повышении качества их жизни 25 октября 2010 года. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9332> (дата обращения: 22.06.2012); Семейная политика в Санкт-Петербурге. Демографическая политика: итоги первого этапа. URL: http://www.spb-family.ru/year/year_852.html (дата обращения: 22.06.2012).

К гражданам пожилого возраста по российскому законодательству относятся женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет (пенсионный возраст в России).² Социальный статус людей этой возрастной категории в России ограничен доступным набором коммуникативных ролей и формами активности. После выхода человека на пенсию диапазон устойчивых социальных связей сужается до членов его семьи. У большинства российских пенсионеров материальное положение далеко от благополучного, актуальны проблемы со здоровьем. В этот возрастной период наиболее значимыми для пожилых граждан оказываются внутрисемейные отношения. Изучением противоправного поведения домочадцев в семье занимается семейная криминология или криминофамилистика.³ Рассматриваемой тематике посвящали свои работы наряду с отечественными исследователями: Ю.М. Антоняном, О.В. Барсуковой, Н.Ю. Василенко, Д.Г. Владимировым,

² В соответствии со ст. 5 Федерального закона «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 02.08.1995 № 122 ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3198.

³ Сами термины «семейная криминология» и «криминофамилистика» введены в научный оборот основателем этой отрасли криминологии Д.А. Шестаковым. См.: Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980.

Т.Н. Волковой, Р.И. Михеевым, Д.А. Шестаковым и зарубежные учёные: Д. Бромлей, Г. Крайг, Д. Левинсон, Э. Эрикссон и др.

Учёные и практические работники правоохранительных структур констатируют, что в криминологических разработках внутрисемейным правонарушениям в отношении людей старшего поколения уделено недостаточно внимания,⁴ чему способствуют отсутствие соответствующей официальной уголовной статистики о насилии в отношении пожилых людей в семье и недостатки отечественного законодательства. Так, российское законодательство не имеет понятия «жестокое обращение с пожилыми людьми», хотя данная дефиниция закреплена в документах Организации Объединённых Наций.⁵ В то же время в нормативно-правовых актах РФ применяются почти идентичные дефиниции: «бесчеловечное обращение» и «жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение»,⁶ но без конкретизации возрастной категории пострадавших.

Для выявления наиболее распространённых форм жесткого обращения с пожилыми людьми проведено анкетирование граждан о внутрисемейных конфликтах.⁷ Таковыми явились: отсутствие внимания (изоляция, забвение) – 45 % респондентов, унижение человеческого достоинства – 22 %, ненадлежащая материальная поддержка – 13 %, физическое

насилие – 10 %. Результаты проведённого мониторинга свидетельствуют, что по отношению к себе пожилые люди различают три вида возрастной дискриминации:

– отсутствие внимания со стороны родных и близких: изоляция, забвение, отчуждение;

– утрата статуса, финансовой независимости, уважения, игнорирование волеизъявления при принятии решения;

– нарушения в сфере социального обеспечения, медицины, иных прав и интересов пожилого человека.

В ходе данного исследования также проведено репрезентативное (выборочное) изучение уголовных дел о внутрисемейных преступлениях, совершённых в Санкт-Петербурге в период 2000–2010 годов. В соответствии с результатами анализа в указанное время ежегодно от 200 до 500 пожилых петербуржцев становились жертвами преступного насилия в семье.⁸ По сведениям Информационного центра ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в мегаполисе в рассматриваемый период от 10 % до 16 % пострадавших от общего числа всех потерпевших от преступлений в бытовой сфере (которая охватывает помимо семейных отношений также досуговые, производственно-бытовые, соседские) представляли категорию лиц пожилого возраста. Однако непосредственно в семье удельный вес потерпевших петербуржцев пожилого возраста из-за внутрисемейного криминального насилия от общего числа всех потерпевших от преступлений повышается до 20 %. Динамика убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, зарегистрированных в Санкт-Петербурге, совершённых в семьях с участием пожилых граждан, отражена в таблицах 1 и 2.

⁴ Шестаков Д.А. Насилие пожилых и против пожилых членов семьи в свете тенденций криминологии // Старшее поколение в современной семье / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2009. – С. 92–98; Харламов В.С. Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям милициейскими подразделениями (на материалах Санкт-Петербурга): Монография. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2007. – С. 44.

⁵ См.: Доклад второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения, Мадрид, 12 апреля 2002 года. – Нью-Йорк: Издание Организации Объединённых Наций A/CONF. 197/9, 2002.

⁶ См.: ст. 21 Конституции РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

⁷ Экспресс-анкетирование граждан о внутрисемейных преступлениях проводилось филиалом ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному федеральному округу в период с 2006 по 2011 год.

⁸ Источники: Ежегодники за период 2000–2010 годов: «Преступность и правонарушения» (М.: МВД России, МЮ России) и «Состояние преступности в Северо-Западном федеральном округе» (М.: ГИАЦ МВД РФ); Справки о результатах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел СЗФО, подготовленные ГУ МВД России по СЗФО; Сводки и справки о результатах оперативно-служебной деятельности, подготовленные ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; Сведения ИЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Таблица 1. Динамика убийств, зарегистрированных в Санкт-Петербурге, совершённых в семьях с участием пожилых граждан

№ п/п	Год	Всего раскрыто преступлений по ст. 105 УК РФ	В том числе в семейной сфере	Число жертв пожилого возраста из-за внутрисемейных убийств	Число преступников пожилого возраста, совершивших внутрисемейные убийства
1	2000	640	98	16	5
2	2001	664	87	14	4
3	2002	528	82	13	4
4	2003	547	76	10	3
5	2004	630	89	12	5
6	2005	722	98	15	6
7	2006	647	69	12	6
8	2007	572	64	19	6
9	2008	521	63	16	6
10	2009	416	60	12	3
11	2010	366	65	13	11

Таблица 2. Динамика посягательств в виде умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, зарегистрированных в Санкт-Петербурге и совершённых в семьях с участием пожилых граждан

№ п/п	Год	Всего раскрыто преступлений по ст. 111 УК РФ	В том числе в семейной сфере	Число жертв пожилого возраста из-за посягательства по ст. 111 УК РФ в семье	Число преступников пожилого возраста, совершивших деяние по ст. 111 УК РФ в семье
1	2000	577	68	19	7
2	2001	486	66	18	6
3	2002	482	65	11	4
4	2003	544	64	10	2
5	2004	451	63	11	3
6	2005	408	62	10	3
7	2006	340	69	12	2
8	2007	341	64	10	5
9	2008	328	63	13	4
10	2009	328	60	9	6
11	2010	379	38	7	2

Преступления, предусмотренные ст. 105 УК РФ «Убийство» и ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», относятся к крайним формам насилия в отношении лиц старшего поколения. В представленных таблицах отражено, что доля внутрисемейных преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ и ст. 111

УК РФ, колеблется в пределах 10–20% от общего числа раскрытых преступлений рассматриваемых категорий. В массиве внутрисемейных преступлений, совершённых с участием пожилых граждан в Петербурге в указанный период, каждое четвёртое было внутрисемейное убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Для криминального насилия в семье характерно превышение количества жертв пожилого возраста над числом преступников пожилого возраста. В результате внутрисемейных убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью жертвами чаще всего становились бабушки, матери, иные лица женского пола старшего поколения (тёща, свекровь, золовка и др.). В то же время при совершении рассматриваемых видов тяжких и особо тяжких преступлений среди пожилых внутрисемейных преступников отсутствует гендерное преобладание, то есть среди последних соотношение мужчин и женщин одинаково.

Анализ виктимности пожилых петербуржцев, ставших жертвами внутрисемейного криминального насилия (не только вышеуказанных тяжких и особо тяжких преступлений, но всего спектра насильственных посягательств) в период 2000–2010 годов, свидетельствует о том, что из-за семейных ссор ежегодно максимальное количество потерпевших пожилого возраста является результатом умышленного причинения им легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и побоев (ст. 116 УК РФ). Их насчитывается около 50 % от общей массы пожилых жертв от всех видов криминального насилия. До 21 % потерпевших пожилого возраста в семейных конфликтах являются потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». До 16 % лиц рассматриваемой категории пострадали от умышленного причинения среднего и тяжкого вреда здоровью. Около 8 % потерпевших пожилого возраста в семейных конфликтах приходится на внутрисемейные убийства. Оставшиеся 5 % лиц пострадали от истязания (ст. 117 УК РФ) и других видов криминальных конфликтов в семье.

По сравнению с домочадцами других возрастных категорий в отношении пожилых родственников чаще совершаются внутрисемейные преступления против собственности: разбой, грабежи, кражи.

Эффективность действий органов власти по профилактике жестокого обращения с пожилыми гражданами находится в прямой зависимости от результатов реализации социальной политики государ-

ства, заметных изменений в уровне жизнеобеспечения семей, в создании условий поддержки людей старшего поколения. Повышение продолжительности жизни является одной из приоритетных задач демографической политики. Руководством страны поставлена задача повысить качество жизни пожилых людей. «...Забота о людях старшего поколения – это безусловный государственный приоритет», – заявил на заседании президиума Государственного совета по социальной политике в отношении граждан пожилого возраста и повышении качества их жизни 25 октября 2010 года Президент Российской Федерации Д.А. Медведев.⁹ Государственные органы нацелены сделать старость как неминуемый период жизни россиянина активным и творческим.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ виктимности пожилых петербуржцев, ставших жертвами внутрисемейного криминального насилия в период 2000–2010 годов, свидетельствует о том, что из-за семейных ссор ежегодно максимальное количество потерпевших пожилого возраста приходится на умышленное причинение им легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и побоев (ст. 116 УК РФ). Их насчитывается около 50 % от общей массы пожилых жертв от всех видов криминального насилия.

2. В массиве внутрисемейных преступлений, совершённых с участием пожилых граждан в Санкт-Петербурге в период 2000–2010 годов, каждое четвёртое было внутрисемейное убийство.

3. Для криминального насилия в семье характерно превышение количества жертв пожилого возраста над числом преступников пожилого возраста. В результате внутрисемейных убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью жертвами чаще всего становились бабушки, матери, иные лица женского пола старшего поколения (тёща, свекровь, золовка и др.).

⁹ Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета по социальной политике в отношении граждан пожилого возраста и повышении качества их жизни 25 октября 2010 года. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9332> (дата обращения: 12.04.2012).

КРИМИНОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков*

ТЕНЬ И СВЕТ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Аннотация: Правовая журналистика в широком смысле слова представляет собой журналистику в правовом поле — не нарушающая норм права и не способствующая их нарушению.

Ключевые слова: правовая журналистика; преступность СМИ; массовая дезинформация.

D.A. Shestakov

THE SHADOW AND LIGHT OF LEGAL JOURNALISM

Summary: Legal journalism is to wide extent the journalism in the legal environment - not violating the rules of the law and not favouring their violation.

Key words: legal journalism; mass media crime; mass misinformation.

Правовая журналистика и криминология массовой коммуникации

Правовая журналистика. Что стоит за этим термином? В узком понимании это, конечно, работа журналиста по юридической тематике. Но в широком смысле слова имеется в виду журналистика в правовом поле — не нарушающая норм права и не способствующая их нарушению. В реальной практике это не всегда бывает так.

Криминология массовой коммуникации изучает закономерности, в силу которых распространяемый поток сведений и мнений, в частности через СМИ, способствует преступлениям. Исследует она также возможности массовой коммуникации оказывать противодействие преступности. Эта отрасль криминологического знания сформирована в конце XX века, прежде всего, благодаря усилиям профессора Геннадия Николаевича Горшенкова, обладающего широким философско-криминологическим мышлением, писателем, поэтом.¹

* Дмитрий Анатольевич Шестаков — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shestadi@mail.ru.

© Д.А. Шестаков, 2012

¹ См., например, Горшенков Г.Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию. — Сыктывкар, 1997; *его*: Криминология

Криминогенные недуги СМИ

Известно, что массовая информация может как укреплять правопорядок, так и, увы, наносить ему вред. Отмечу несколько «криминологических заболеваний», присущих СМИ на всей планете.

1. *Бездуховность и меркантильность.* Эти два криминогенных фактора, различные сегодняшней массовой коммуникацией, особо вредоносны. К бездуховности не в последнюю очередь отношу я отрыв от национальных корней, антипатриотизм. По мнению И.А. Носковой, в политике некоторых российских СМИ имеет место криминологически значимое предательство, состоящее в навязывании стереотипа морально разложившегося российского общества, отказавшегося от традиционных норм и ценностей.²

2. *Чрезвычайная насыщенность массовой информации насилем.* Мы без конца и меры видим по телевидению, слышим по

массовых коммуникаций. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2003; *его*: Криминологический словарь. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. — С. 90.

² Носкова И.А. Средства массовой информации о предательстве // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 2 (15). — С. 210–211; *её*: Латентность преступности средств массовой информации в Санкт-Петербурге // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 1 (16). — С. 166–171.

радио, читаем о том, что кого-то в очередной раз убили, изнасиловали, покалечили и т.п. Это ведёт к тому, что люди привыкают к жестокости. У людей, в частности, у детей и подростков, — а это особенно опасно, — складывается впечатление, будто бы применение силы (вплоть до убийства!) не представляет собой ничего из ряда вон выходящего. Такое искажённое представление о мире может при стечении определённых обстоятельств способствовать преступлению. Известный исследователь проблем политической криминологии С.У. Дикаев приходит к заключению о том, что СМИ способствуют привыканию общества к преступности как его неотъемлемому свойству, в частности к терроризму, и тем самым, видимо, вызывают обостряющуюся время от времени потребность в этих явлениях.³

Правда, есть ещё теория катарсиса. Согласно этой теории у агрессивного человека, сопереживающего изображение сцены насилия, имеет место *катарсис*, происходит «очищение». Вследствие психической разрядки агрессивность якобы идёт на убыль. Однако миф о широком распространении эффекта катарсиса развеян многими представительными исследованиями.⁴ Отдельные редкие случаи этого явления никак не могут служить оправданием для той бездны сцен агрессии, в которую погружают человека современные массмедиа. Изучение Г.Н. Горшенковым общественного мнения о фильмах, афиширующих насилие, показало: первую и главную опасность в этих фильмах люди видят в том, что они повышают агрессивность.⁵

3. *Страх преступности.* В СМИ человек сталкивается с преступлениями гораздо чаще, чем в реальной жизни. В результате в общественном мнении разрастается представление, будто мы окружены плот-

ным кольцом угрожающих нас преступников. Становится страшно. Как отмечается в мировой криминологии из этого страха рождается *карательный азарт* общества.⁶ Пережиток идеи возмездия препятствует протеканию последовательного смягчения наказания — этой естественной исторической тенденции (примером может служить положение дел с объявленным в Казахстане Президентом страны мораторием на смертную казнь. В настоящий момент этот безусловно разумный, прогрессивный шаг вновь ставится под сомнение). С.У. Дикаев высказывается за цензуру деятельности СМИ, обеспечивающую использование СМИ не для устрашения населения, а для его воспитания.⁷

4. *Манипуляции общественным мнением.* В ряде случаев СМИ служат средством для проведения не самой лучшей уголовной политики. С помощью управляемого потока мнений и сведений легко переключить внимание публики с острейших проблем преступности на второстепенные или даже в значительной степени надуманные проблемки. Так в странах Запада пошла мода на нескончаемое клеймение педофилии — явления в большей мере психиатрическое, нежели уголовно-правовое — в ущерб, скажем, обстоятельному анализу планетарных злодеяний олигархов: организации агрессивных войн и финансово-банковских кризисов, эксплуатации стран «третьего мира» и т.д.

Докатилась эта мода и до российских массмедиа, которые поспособствовали в стране в общем нелепому ужесточению и без того сурового наказания за половые преступления. Теперь *ненасильственные* действия сексуального характера с лицом, находящемся в возрасте «нимфетки» — от 12 до 14 лет (феномен Гумберта Гумберта), — в случае, отягощённом наличием судимости за ранее совершённое преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, наказывают-

³ См.: Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование: монография. — Санкт-Петербург: Издательство Юридический центр «Пресс». — 2006. — С. 339.

⁴ См., например: Kunczik M., Zipfel A. Gewalt und Medien. Ein Studienhandbuch. — Köln: Böhlau, 2006.

⁵ Горшенков Г.Н. Криминология массовых коммуникаций. — С. 133.

⁶ Sessar K. Kriminalitätseinstellungen und sozialer Wandel — Gleichzeitig eine Auseinandersetzung mit Forschungen zur Verbrechensfurcht und Punitivität // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. — 2010. — № 5.

⁷ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. — С. 290.

сы суровее, чем убийство при отягчающих обстоятельствах!

Не может быть? Может!! Часть 6 статьи 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста) предусматривает лишение свободы от 15 до 20 лет либо пожизненно. А по части 2 статьи 105 того же Кодекса (убийство при отягчающих обстоятельствах) положено лишение свободы всего от 8 до 20 лет либо пожизненно. Согласитесь, что даже при самом болезненно-пристрастном отношении к половым преступлениям (сдвиг феминизма) нельзя сопоставить зло, причиняемое лишением человека жизни, и зло, исходящее из раннего полового общения.

Да и всегда ли это зло? Вспомним артиста Александра Пороховщикова и его жену Ирину. Он был старше её на тридцать лет. И они сошлись, когда Ире исполнилось только 13. Прожили наполненную страстной любовью жизнь. Узнав же о смертельном диагнозе, поставленном врачами Александру, Ирина не справилась с чувствами и покончила с собой.⁸ Эта и многие подобные жизненные истории охватываются статьёй 134 УК РФ, сформулированной неумным законодателем. Воистину мы живём в сумасшедшем мире. И безумие его нагнетается СМИ.

СМИ под контролем олигархии?

Методы информационной лжи

Провозглашённая в период перестройки независимость СМИ отнюдь не стала свободой слова. Подлинной свободой слова нет нигде, где властвует олигархия. После распада СССР она властвует и в России. Богатеи контролируют информацию. Преступность СМИ при активном участии медиаманата Владимира Александровича Гусинского достигла в России своего пика во время президентства Ельцина. Например, с экранов телевизоров были вытеснены объективные, критические, но вместе с тем конструктивно *родолюбные*⁹ передачи

⁸ Плевакова А. Ирина Пороховщикова боялась, что без мужа потеряет «радость и смысл всей жизни» // Комсомольская правда. — 2012. — 12 марта. — С. 8.

⁹ Термин «родолюбие» введён А.П. Даниловым. См.: Данилов А.П. Родолюбие и мы // Крымские юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. /

с ведущим Виктором Правдюком, на передний план тогда влиятельным покровителем выдвинута откровенно антироссийская и одновременно проамериканская передача «Времена», представляемая Владимиром Познером. Теперь же в период президентства Путина и Медведева СМИ, прежде всего, обслуживают интересы правящей партии «Единая Россия». Но всё же после высвобождения их из-под Гусинского и К° они стали несколько свободнее постольку, поскольку очистились от криминально-идеологической обработки со стороны финансово-олигархических сил. Познер вслед за Правдюком переместился на задворки телевизионных каналов. В отличие от случая с Правдюком, удаление Познера на задний план всё же способствовало некоторому очищению телевидения.

Разберём методы преступной обработки общественного мнения, применяемые СМИ.

1. *Прямая фальсификация фактов.* Известно, что преступления агрессии, многократно в 2000-е годы развязанные западными государствами, помимо прочего зла создают угрозу расширения театра войны. Опасность возникает для России и других способных к самодостаточности государств. Западные же СМИ стремятся всячески оправдать деяния агрессора, представив их борьбой за демократию и т.п. Так, при показе обстрелов силами НАТО и мятежной оппозиции мирных кварталов в Ливии (февральская революция 2011 года) диктор представляет дело прямо противоположным образом. Он говорит, будто стреляют не повстанцы, а правительственные войска.

А.П. Данилов констатирует, что правомерные действия легитимного ливийского руководства были представлены почти всеми мировыми СМИ как преступления тоталитарного режима полковника Каддафи, совершённые против собственного народа. Западные и многие подконтрольные им африканские СМИ, подтасовывая факты, очернили государственную власть

Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: КРП «Издательство «Крымчупедгиз», 2012. На украинском и русском языках. — С. 28–33.

Ливии, приписав ей сотни преступлений против мирного населения. Искажённое до противоположности видение ливийских событий было навязано миллионам жителей всех континентов.¹⁰

И.А. Носкова приводит целый ряд подобных фактов. Вот один из них. Во время вооружённого конфликта между Грузией и Южной Осетией (август 2008 года), о котором у нас уже шла речь выше, одна из жительниц Цхинвала заявила, что CNN и ВВС передают кадры из находящегося под грузинским обстрелом Цхинвала, но говорят, что материал снят в Гори (Грузия), который якобы обстреливается Российской Армией, поддерживающей абхазов. «Я своими собственными глазами видела фальшивку, — сказала она. — В одном из репортажей я узнала улицу моего родного города».¹¹ И таких фактов фальсификации информации множество.¹² Таким образом, СМИ маскируют криминальную угрозу нашей стране, пособничают её сохранению.

2. *Создание впечатления открытой дискуссии.* Использованием этого трюка, при котором возникает иллюзия торжества «гласа народа», отличился уже упомянутый телеведущий Познер. Например, на передачу им приглашается Наталья Алексеевна Нарочницкая — блистательный политолог, историк, защитница интересов русского народа и России. В противовес ей в студии находятся четыре «эксперта». Эксперты создают количественный перевес в пользу антироссийской, антирусской линии, проводимой ведущим. Аудитория состоит также из заранее подготовленных статистов, которые согласно сценарию голосованием, аплодисментами и т.д. поддерживают антироссийскую линию телеведущего и его экспертов. В итоге в эфире антинародный «глас народа» торжествует. Национальная идея, родолюбие — этот

¹⁰ Данилов А.П. Криминологический анализ агрессии против Ливии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 4 (23). — С. 17.

¹¹ Глобальные СМИ в информационной войне против России («Limes», Италия). URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080910/243918.html> (дата обращения: 25.08.2012).

¹² Носкова И.А. Средства массовой информации в освещении конфликта Грузии и Южной Осетии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — № 2 (17). — С. 109.

сильнейший антикриминогенный фактор блокируется.

Приведённые выше два криминогенных метода относятся к самым примитивным и вместе с тем вызывающе наглым, рассчитанным на не желающую или не умеющую самостоятельно думать публику.

3. *Дозирование информации.* Это более изощрённый метод. Согласно ему, вновостном потоке размещаются факты, работающие как в пользу политики мировой олигархии (наиболее преступная сила в сегодняшнем мире), так и против неё. Но значительно чаще можно видеть на экране телевизоров проолигархический материал, а не наоборот. Именно так сообщаются сведения о конфликте между сербами и хорватами — естественно, против потенциальных союзников России, сербов, в пользу хорватов. СМИ стремятся разрушить связь русских с родственным сербским народом и соответственно ослабить, виктимизировать тех и других.

Способны ли СМИ противодействовать преступности?

В руках СМИ имеются большие возможности для предупреждения преступлений. Речь идёт прежде всего о наиболее эффективной *ранней профилактике*. Очень важно да и, в общем, не невозможно сформировать у ребёнка, начиная с самого его детского возраста, основы неагрессивного и бескорыстного поведения. Те же мультипликационные фильмы могут убедить малыша в том, что *отдать* бывает радостней чем *взять*, они в силах научить тому, как можно уладить ссору не доводя её до драки. Ребёнку через понятные ему образы и происшествия нужно внушить страх (ужас!) перед наркотиками, сформировать у него стыд сребролюбия.

К ранее рекомендованному мной образу бабы Яги со шприцем¹³ сегодня добавлю несимпатичного, жадного банкира, задыхающегося под грудой засыпавших его пачек денег. К сожалению, в России детские телевизионные передачи переполнены чуждыми механизированными

¹³ Шестаков Д.А. Почему бы не ликвидировать наркобизнес? Теоретико-криминологический подход // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2010. — № 1. — С. 30–34.

героями-роботами: человек-паук, бенкен и пр., — постоянно бьющимися друг с другом. Такое телевидение не способствует развитию духовного мира — главной опоры нравственного и правопослушного поведения.

Криминологическое знание — журналистам

Отмеченные и другие криминологические недуги СМИ имеют свои причины. В одних случаях — это недостаток современных знаний о закономерностях преступности и противодействия ей (криминологический инфантилизм). Должен сказать, что сама криминология довольно быстро развивается. В ней появляется новое видение, новые теории. В других случаях, в качестве причины выступает пренебрежение такими знаниями (криминологический нигилизм). Нередко профессиональная страсть журналиста к тому, чтобы любой ценой заинтересовать публику, наносит обществу вред. Это случается, если статья, репортаж, теле- или радиопрограмма не профессионально информирует о преступлениях и тем более, если она невольно способствует нарушению уголовного закона.

Пороки продукции СМИ в той или иной мере могут быть предотвращены посредством образования. Хорошо, если обучение журналистике формирует неременное как у врача правило «не навреди».

Думаю, что журналистское образование должно включать в себя блок правовых предметов, в том числе не в последнюю очередь — криминологию массовой информации. В феврале 2012 года я получил опыт чтения такого курса лекций на факультете журналистики в Казахском

национальном университете им. аль-Фараби (Алматы). Декан факультета, профессор Есберген Оразович Алауханов, — сам интенсивно пишущий журналист, писатель. Кроме того, а скорее в первую очередь, он — криминолог, хорошо известный в СНГ.¹⁴ Е.О. Алауханов ввёл на факультете преподавание *правовой журналистики*. И как я успел почувствовать, руководство вуза поддерживает его.¹⁵ На журфаке развивается диалог между правоохранительными органами, судом и журналистами.

Так во время моего пребывания в университете там прошла встреча работников СМИ, преподавателей и студентов с председателем Верховного Суда Республики Казахстан — Бектасом Абдыхановичем Бекназаровым. Главный судья Казахстана — кандидат наук, диссертацию защитивший в Санкт-Петербурге, между прочим, по криминологии. Встречу провёл ректор, академик Галимкаир Мутанович Мутанов. Такое общение, безусловно, полезно для обеих сторон. Правоприменителю открывается то, как его деятельность видится со стороны, у журналиста складывается о представителе фемиды более живое, достоверное представление не как об условном «чиновнике», а как о реальном человеке, с которыми, оказывается, можно по-людски вести разговор на пользу обществу. Изучение правовых дисциплин, безусловно, полезно для обучающихся — будущих журналистов, а также для повышения квалификации уже работающих в области СМИ специалистов. Основанная на праве журналистика необходима для интенсивного правового развития общества в целом.

¹⁴ См., например: Алауханов Е.О. Криминология. Учебник: Общая и особенная части. — Алматы, 2008.

¹⁵ См.: Развитие правовой журналистики // Юридическая газета. Республиканская ежедневная газета Казахстана. — 2012. — 15 февраля. — С. 2.

3. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

УДК 343.9
ББК 67.51

*А.В. Комарницкий**

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: Исследование преступности несовершеннолетних в дореволюционной России имеет громадный теоретический и практический интерес. Этиология преступности сводится к вопросу о взаимоотношении факторов и их взаимосвязи, изучению преступности в её зародышевом состоянии, т.е. о необходимости изучения преступности несовершеннолетних на различных этапах развития российского общества.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; личность несовершеннолетнего правонарушителя; разложение семьи.

A. V. Komarnitskiy

JUVENILE CRIME IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: SOME CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Summary: The study of juvenile crime in pre-revolutionary Russia is of much theoretical and practical interest. The causation of crime comes down to the question of the combination of factors and their interrelation, the study of crime in its infant, that is of the necessity to study juvenile crime in various stages of the development of Russian society.

Key words: juvenile crime; the identity of juvenile offender; family decay.

Изучение прошлого может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основании этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс.

Б.М. Кедров.

Вопросы преступности несовершеннолетних уже давно привлекают к себе внимание учёных-криминологов. Изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя, социальных условий (причинного комплекса), мер предупреждения (противодействия) преступности — основные криминологические компоненты в исследованиях российских учёных в дореволюционной России.

* **Анатолий Васильевич Комарницкий** — кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: respect200@mail.ru

© А.В. Комарницкий, 2012

М.Н. Гернет по этому поводу писал: «Трудно найти о преступности малолетних такие труды, где не было бы уделено значительного или даже преимущественного внимания наблюдению над личностью малолетнего преступника, изображению яв той семейной обстановки и общественной среды, в которой он обыкновенно вырастает — то сирота, то заброшен родителями, предоставленный надзору улицы».¹ На наш взгляд исследование преступности несовершеннолетних имперского периода имеет громадный теоретический и практический интерес в современных условиях жизни рос-

¹ *Гернет М.Н.* Социальные факторы преступности. — М., 1905. — С. 13.

сийского общества. Этиология преступности сводится к вопросу о взаимоотношении факторов преступности и их взаимосвязи, изучению преступности в её зародышевом состоянии, т.е. к необходимости изучения преступности несовершеннолетних.

Актуальными являются мысли российского учёного-юриста А.Н. Трайнина о том, что: «Изучение преступности детей имеет цель — раскрыть генезис преступления и преступника. Анализируя детскую психику и присматриваясь к «обыкновенной истории» многих несовершеннолетних, мы получаем жизненно правдивую картину процесса, превращающего ребёнка в человека-преступника. В этом смысле преступность детей — живая этиология преступлений. В этом отношении изучение преступности детей может быть признано особым методом изучения общей преступности».²

Данные уголовной статистики в дореволюционной России свидетельствуют о повсеместном росте преступности несовершеннолетних. «Развитие детской преступности в XIX столетии, — пишет Я.П. Борткевич, — является вполне установленным фактом; она возросла и по отношению к самой себе и по сравнению с преступностью общей, которая в этом отношении является не столь угрожающей. Это явление общее для всех народов, несмотря на их политические и религиозные различия».³ При этом указывалось, что большинство детей-преступников встают на путь совершения правонарушений очень рано — в возрасте восьми, десяти, двенадцати лет.

Наибольшую остроту в России проблема преступности несовершеннолетних приобрела на рубеже XIX—XX вв. Это был переходный период в развитии российского государства и общества. Рост социальной напряжённости, углубление кризисных явлений в различных сферах общественной жизни, экономические трудности в первую очередь затронули судьбы детей и подростков.

Как и в большинстве европейских стран, в России вместе с общей преступностью росла и преступность несовершенно-

летних, превышая общую преступность по динамике, уровню и удельному весу.

Е.Н. Тарновский, проанализировав преступность несовершеннолетних в России и проследив её состояние на протяжении двенадцати лет (с 1884 по 1895 гг.), сделал вывод о том, что за указанный период она возросла вдвое по сравнению с преступностью взрослых. Так, число несовершеннолетних, осуждённых как общими, так и мировыми судами (по т.н. «тюремным делам», т.е. влекущим для взрослых заключение в тюрьме), увеличилось на 15 %, тогда как число взрослых, осуждённых за этот период, возросло лишь на 7 %. В общих судах несовершеннолетние до 17 лет (включительно) составляли 2,1 % от всех осуждённых, а в мировых — 5,5 % (1890—1895 гг.).⁴

Большинство исследователей преступности несовершеннолетних в дореволюционной России основную причину её возникновения видели в «трагизме» социального положения ребёнка: «в невыносимой семейной обстановке — ребёнка или выгоняют из дома, или же ему там так плохо, что он сам убегает из него, предпочитая полуголодное скитание по городским трущобам тому теплу и сытости, которые ему предоставляет семейный очаг. Разложение семьи, её моральный распад заходит уже так далеко, что семья не только не является охранителем детской психики от дурных внешних влияний, но и сама вносит в неё черты разложения; открывает ребёнок глаза и не видит вокруг себя ничего, кроме пьянства и откровенного разврата; прислушивается и не слышит ничего, кроме постоянной грубой ругани».⁵

В этой связи уместно вспомнить высказывания героя произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Р. Раскольникова: «Неужели не видала ты здесь детей, по углам, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор. А ведь дети — образ Христов: «Сих есть царствие

² Трайнин А.Н. Дети-преступники. Сборник статей. — М., 1912. — С. 544.

³ Борткевич Я.П. Детская преступность. — М., 1905. — С. 132.

⁴ Тарновский Е.Н. Преступность несовершеннолетних в России. — М., 1899. — С. 37.

⁵ Зак А.И. Характеристика детской преступности // Дети-преступники. Под ред. Гернета М.Н. — М., 1912. — С. 118—119.

божие». Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...».⁶

Проводя параллель между взрослой преступностью и преступностью несовершеннолетних, исследователи дореволюционной России были единодушны в том, что в преступности малолетних и несовершеннолетних влияние социальных факторов выступает на первый план по той причине, что среди преступлений, совершаемых этой категорией лиц, на первом месте кражи. «В ней замечается необычайно большой и сам по себе, и по сравнению с преступностью взрослых, процент преступлений против собственности».⁷

В этой связи Е.Н. Тарновский приво-дил следующие цифры: в период с 1891 по 1893 год более 83 % малолетних преступников было осуждено именно за кражи, в то время как у взрослых преступников их число равнялось 70 %, выделяя при этом причины экономического характера как основной фактор в формировании мотивации преступного поведения подростков — «для детского возраста причины эти играют значительно большую роль, чем для взрослого населения».⁸

Различные исследователи (А.И. Зак, Е.Н. Тарновский, Н.Н. Маковский, С.А. Соколинская и др.) утверждали, что столь значительное количество преступлений «этого рода в детской преступности ясно указывает на преобладание в ней социальных факторов — социальные факторы преобладают в посягательствах против собственности, факторы биологические — в преступлениях против личности».⁹

Разложение семьи, которому большинство исследователей дореволюционной России придавали огромное разрушающее значение в «деле развития детской преступности», происходило вследствие нарушения существующих в обществе социальных отношений. «Чрезвычайная обеспеченность одних и полуголодное существование других. Изменяется эти отно-

шения, и оздоровится семья — важнейшая основа всей социальной среды, дети получают своё неоспоримое право на безмятежное, счастливое детство и будут не только далеки, но и враждебны жестокой стихии преступлений», — писал А.И. Зак.¹⁰

Аналогичной точки зрения придерживался и А.И. Емельянов, утверждая, что на преступность несовершеннолетних оказывают влияние причины социального характера, а также психологические особенности несовершеннолетних, характерные для их возрастного периода: «Высота преступности детей в значительной степени объясняется проступками, имеющими специфический характер — по неосторожности, вследствие шалости и т.п.; камеру Мирового пополняют не только те дети, которых через улицу привела сюда нужда сырых подвалов и грязных углов, но и те, случайный проступок которых — свойство малолетства — необдуманность, влекущая за собой, как следствие, наказание».¹¹ Автор в результате своих многочисленных исследований дифференцировал социальные условия на составляющие и пришёл к выводу о том, что на детскую преступность влияет множество факторов: возраст малолетнего, род его занятий, жилищные условия, общество, окружающее ребёнка, облик местности.

Так, проведённая им статистическая обработка данных за период 1908—1909 годов показала наличие достаточно большого процента малолетних детей обоих полов, привлечённых в качестве обвиняемых, которые до семнадцатилетнего возраста были «без определённых занятий» или «жили при родителях» (12,4 %), в то время как «занятыми в ремеслах» были 11,7 %, в торговле — 10 %, в земледелии — 0,1 %, занимались проституцией или нищенствовали — 0,5 %.¹² Указанная ситуация объяснялась прежде всего возрастом обвиняемых, вследствие которого они и проживали с родителями (опять же в бедных семьях) при слабом или полном отсутствии надзо-

⁶ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. — М., 2010. — С. 82.

⁷ Зак А.И. Указ. соч. — С. 112.

⁸ Тарновский Е.Н. Преступность несовершеннолетних в России. — М., 1899. — С. 46.

⁹ Ферри Э. Уголовная социология. — М., 1908. — С. 71.

¹⁰ Зак А.И. Указ. соч. — С. 120.

¹¹ Емельянов А.И. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам г. Москвы // Дети-преступники: Сб. науч. трудов / Под ред. Гернета М.Н. — М., 1912. — С. 138.

¹² Емельянов А.И. Указ. соч. — С. 127—209.

ра за детьми со стороны последних. Автор констатировал: всего лишь 8,1 % детей родители отдают «в работники» и 4 % «в учение», основная же масса подростков «без определённых занятий», поэтому они и «должны более всего совершать правонарушения, а шалость (пускание фейерверков, катание на буферах трамваев и пр.) сама по себе может быть ближайшей причиной проступка».¹³

Считая нищенство первой ступенью на пути к воровству, в связи с тем, что среди различных мотивов правонарушений малолетних «красной нитью проходит один главный мотив — нужда», А.И. Емельянов, пытаясь ответить на вопрос: «Что же толкает детей на преступления?», проанализировал особенности местности, в которых они совершаются, так как «отчётливо выяснялись зависимость между преступностью и условиями жизни обитателей местности, влияние жилищных условий не только на степень преступности детей, но и на характер их правонарушений: скученность населения, антисанитарные условия жизни бедноты придают местности особый характер и общая преступность района отражает в себе преступность детей».¹⁴

На наш взгляд весьма правильным и актуальным был сделан вывод о том, что несовершеннолетние совершают правонарушения в зависимости от их криминального опыта и от района проживания: «наиболее предприимчивых, энергичных малолетних, которые искусились уже на поприще спрашивания подаяний и карманных краж, манят в центр соблазнительные витрины магазинов, богатая публика, большое движение, где удобнее, а часто и незаметнее делать своё дело; голодные же, оборванные обитатели окраин, только начинающие свою деятельность, связаны территорией, страх отлучиться от привычных мест, опасение быть задержанным даже по дороге к центру, недостаток инициативы связывают операции таких детей с местом их жительства».¹⁵

Изучение преступности несовершеннолетних в «аристократических, не торго-

вых» участках Москвы (Арбатском, Пречистенском), Санкт-Петербурга (Невский пр.), для которых была характерна незначительная плотность населения и сильная охрана жилого массива и покоя обывателя, демонстрировало либо полное её отсутствие, либо минимальный процент задержанных за воровство малолетних и несовершеннолетних. В районах, населённых «беднотой и городским пролетариатом», полностью отсутствовало попрошайничество по причине бедности самих жителей, поэтому дети-попрошайки и уходили в центр «за лучшей добычей».

Проведённый Н.Н. Маковским в 1910 году анализ преступлений, совершённых несовершеннолетними, показал, что подавляющее большинство из них — преступления против собственности (73,9 %), в преступлениях против личности обвинялось всего 7,3 % несовершеннолетних, а в преступлениях против порядка — 8 %. Практически такие же цифры приводила и С.А. Соколинская (1912): преступления против собственности составляли 69,9 % от общего количества совершённых правонарушений; против порядка управления, благочиния и порядка спокойствия — 17,6 %; против личности — 12,5 %. При этом нанесение телесных повреждений составляло 1,4 %; убийство же или покушение на него выражало минимальное процентное соотношение ко всем преступлениям против личности: подростки до пятнадцатилетнего возраста не были зарегистрированы как обвиняемые в совершении преступлений против жизни, а несовершеннолетние пятнадцати и шестнадцати лет в данной группе преступлений составляли незначительное число — 0,04 %, другими словами — одно преступление в год; лиц же в возрасте семнадцати лет, совершивших подобное преступление за изученный период (1908—1909 гг.), вообще не оказалось.¹⁶

Опираясь на статистические данные, А.И. Емельянов делал однозначный вывод о том, что у подавляющего большинства привлекавшихся к ответственности несовершеннолетних в преступлениях против собственности был всё тот же лейтмотив:

¹³ Емельянов А.И. Указ. соч. — С. 208.

¹⁴ Там же. — С. 142.

¹⁵ Там же. — С. 130—131.

¹⁶ Васькэ Е.В. Эволюция преступности несовершеннолетних: психолого-правовой анализ. — М., 2009. — С. 113.

«Есть хотел, дома нечего было есть». При этом утверждалось, что возраст несовершеннолетнего преступника (за исключением детей до десяти лет, которые совершают проступки из шалости или по неосторожности) сам по себе не есть фактор преступности, а таковым является, независимо от возраста, необеспеченное экономическое положение подростка.¹⁷

Необходимо отметить, что исследователи преступности несовершеннолетних в дореволюционной России были яркими противниками раннего трудоустройства детей, в том числе и в качестве учеников, несмотря на тяжёлое материальное положение их семей, полагая, что оно пагубно влияет не только на физическое здоровье, но и на личностное формирование подростка в целом: «Здесь, в этой рамке детской жизни, куда рукой социального неравенства безжалостно брошено детское счастье; здесь, в этой атмосфере нечеловеческого труда, невежества и тяжелых антисанитарных условий, протекает жизнь детей без детства; здесь она пропитывается духовной отравой и постепенно органически надрывается; нет более широкого простора беззащитности интересов малолетних, как в сфере жизни «ученичества», нигде эти детские интересы так безжалостно не оголены и не лишены естественной защиты в свой самый нежный период духовного и физического формирования, как в той жизни, которая широко разлита по всевозможным мастерским, торгово-промышленным, фабрично-заводским и различным ремесленным заведениям».¹⁸

Относительно времени и характера совершения преступлений несовершеннолетними исследователи (Емельянов, 1912; Маковский, 1911; Окунев, 1910) были практически единодушны в том, что большинство из них совершаются днём, что подтверждалось и статистическими данными (днём — 54,5 %, ночью — 16,2 %, 29,3 % — выяснить не удалось).¹⁹

¹⁷ *Васкэ Е.В.* Указ. соч. — С. 113.

¹⁸ *Георги М.В.* Отчёт трудового братства по деятельности группы по воскресным занятиям с детьми ремесленников. — М., 1910. — С. 38.

¹⁹ *Емельянов А.И.* Указ. соч. — С. 142; *Маковский Н.Н.* К вопросу о детской преступности в Москве // *Право.* — 1911. — № 11. — С. 237; *Окунев Н.А.*

Поскольку, как указывалось выше, большинство всех совершённых несовершеннолетними преступниками правонарушений носили характер краж, то карманнику легче было совершить кражу днём, «в шумной и суетливой толпе», заполняющей площади, улицы и бульвары; малолетнему голодному «домушнику» также удобнее было украсть вещь из домашнего обихода, когда хозяин на службе; «обирать» заспанных пассажиров вокзала опять же удобнее днём, в сутолоке, когда меньше шансов «быть заподозренным полицией», так как в такой ситуации стражам порядка трудно сосредоточиться на одном конкретном ребёнке.

К «ночным» же преступлениям относились «проступки против порядка и управления, тишины, благочестия и спокойствия», которые совершались преимущественно в пивных, трактирах, чайных и других увеселительных местах в тех районах, где были сконцентрированы подобные заведения и сильно развита уличная проституция.²⁰

По групповому или единоличному характеру совершения правонарушений несовершеннолетними данные того времени были практически одинаковыми — 51 % и 49 % от общего числа преступлений соответственно. Причём, по мнению Я.Л. Бермана, в преступлениях, совершаемых группой несовершеннолетних, «нет зачинщиков, нет подстрекателей, здесь заметно равенство действий», а в преступлениях, совершённых по подговору, в сообществе со взрослыми, «ещё менее опасна роль несовершеннолетнего, зачастую здесь несовершеннолетний только служит оружием в руках взрослого».²¹

Нельзя не отметить, что исследователи преступности несовершеннолетних в дореволюционной России всё же указывали и на исключения из правил, когда дети из вполне обеспеченных семей неоднократно

Особый суд по делам малолетних. Отчёт Санкт-Петербургского столичного мирового судьи за 1910 г. — СПб., 1911. — С. 12.

²⁰ *Маковский Н.Н.* К вопросу о детской преступности в Москве. — С. 237.

²¹ *Берман Я.Л.* Рецидив в детской преступности // *Дети-преступники: Сб. науч. трудов / Под ред. М.Н. Гернета.* — М., 1912. — С. 350—351.

совершали кражи, однако данные факты объяснялись либо наличием у подростка kleптомании, либо признаков «врождённой преступности». Преступления, совершённые несовершеннолетними из материально обеспеченных, а значит, по меркам того времени, и социально благополучных семей, считались случайностями, единицами в массе всех «подростковых» правонарушений. Более того, в подавляющем большинстве случаев подростки, их совершившие, относились к категории нездоровых в психическом отношении детей.²²

Изучая социально-психологические предпосылки преступности несовершеннолетних в дореволюционной России, нельзя обойти вниманием такие глобальные проблемы, как алкоголизация подростков и детская проституция, по той причине, что и то, и другое неразрывно связано с преступлением как с производной от указанных социальных явлений.

Статистические данные в дореволюционной России со всей убедительностью свидетельствовали, что алкоголизм, детская проституция и преступность — это социальные явления общественной жизни, находящиеся в тесной связи друг с другом. В дореволюционной России до 60 % преступлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения. Исследования зарубежных учёных того времени также подтверждали положение о том, что несовершеннолетние преступники — в большинстве своём дети алкоголиков. Так, в Америке дети алкоголиков в десять раз чаще своих сверстников совершали преступления, в швейцарских исправительных учреждениях (по данным, относящимся к 1884 году) половина содержащихся в них подростков были также детьми алкоголиков.²³

Небезынтересными представляются данные Петербургского детского суда за 1910 год, полученные в результате анкетирования малолетних преступников: в 677 случаях (58,5 %) отмечалось вредное влияние на несовершеннолетнего со стороны товарищей; «незанятые делом клиенты

этого суда» проводили время в трактирах (439 человек или 40 %); в играх на биллиарде и в азартных играх (203 человека или 17 %); 389 человек из них (33 %) злоупотребляли алкоголем, 500 человек курили; в соучастие со взрослыми («по договору») совершали кражи 96 %; в 35 % из всех случаев кражи совершались в соучастие с малолетними; 10 % из всего числа девочек занимались проституцией.²⁴

В 1910 году в Петербурге существовали гостиницы, где процветала детская тайная проституция, например, дурной славой в этом отношении пользовалась гостиница «Лондон». Имелись и специальные тайные квартиры, специализирующиеся на детском разврате. Потребители этого вида проституции традиционно собирались в Екатерининском саду, но главным рынком «малолеток» оставался парк при Народном доме. Торговали детьми так называемые «тётки-комиссионерки», выдававшие девочек за своих племянниц, а также проститутки, подбиравшие бездомных девочек, причём зачастую продавали их за коробку конфет. Статистические данные по Петербургу и Одессе за 1909 год свидетельствуют, что 10 % от всего числа торгующих собой составляли девочки в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет.²⁵

Таким образом, проанализировав состояние преступности несовершеннолетних в дореволюционной России, можно сделать следующие выводы:

— основной процент из числа всех совершаемых преступлений приходился на преступления против собственности, а именно на кражи чужого имущества. При этом ведущим мотивом совершения данных преступлений являлось приобретение материальных средств для обеспечения элементарной жизнедеятельности;

— преступность рассматривалась как отрицательный фактор общественной нравственности, которая, поощряемая плохими социальными условиями, являлась социальным явлением, продуктом сознательного общественного бытия.

²² Берман Я.Л. Указ. соч. — С. 302.

²³ Пионтовский А.А. Роль алкоголизма в этиологии преступлений // Журнал Министерства юстиции. — 1903. — № 4. — С. 18–20.

²⁴ Окунев Н.А. Указ. соч.

²⁵ Бентович Б.И. Дети-проститутки. — СПб., 1910 — С. 17; Канкарович А.И. Проституция и общественный разврат. — М., 1909. — С. 43.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9
ББК 67.51

*В.А. Номоконов**, *Г.Ф. Маслов***

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ: ОСТРАЯ СИТУАЦИЯ

Аннотация: Криминальная ситуация на Дальнем Востоке остаётся острой, хотя и претерпела качественные изменения. Иные по характеру организованные преступные формирования представляют сегодня основную опасность.

Ключевые слова: организованная преступная деятельность; Дальний Восток; преступные группировки.

V.A. Nomokonov, G.A. Maslov

ORGANIZED CRIME IN THE FAR EAST: CRITICAL SITUATION

Summary: The criminal situation in the Far East remains to be critical, although it has undergone qualitative changes. Criminal formations of other character are potentially dangerous today.

Key words: organized criminal activity; Far East; criminal groups.

1. Основные тенденции организованной преступности на Дальнем Востоке.

Ещё в 2001 году нами делался прогноз о будущих параметрах преступности на Дальнем Востоке, и он в целом оправдался.¹ В известных травмирующих условиях трансформации экономической и политической системы страны — в последние 20 лет — наш регион оказался одним из наиболее дискомфортных для населения и поэтому в буквальном смысле криминальным.

Дальний Восток России — это обширная приграничная территория. Названные

территории имеют повышенный уровень криминализации, более того, находятся под значительным влиянием организованных преступных формирований.

Особо следует сказать и о мощном противодействии правоохранительным органам, организациям и гражданам со стороны преступных группировок, которые либо коррумпируют заинтересованных лиц, либо оказывают силовое воздействие. В целом можно констатировать усиление в регионе коррупционной смычки преступников и всех, кто призван с ними бороться. Согласно оперативной информации, сегодня депутаты законодательных собраний разного уровня, высокопоставленные чины МВД, ФСБ, таможни, органов прокуратуры не так уж редко находятся в прямом «деловом» контакте с лидерами преступных сообществ, помогая им организовывать контрабандные поставки морских биоресурсов, леса, металлов в Китай и Японию, автомобилей, контрафактной продукции из этих стран в Россию.

Криминальная ситуация на Дальнем Востоке и в Приморье сегодня остаётся достаточно острой. Большой резонанс имело вызывающее покушение на первого (в то время) вице-губернатора Приморского края С.А. Сопчука (2008 г.). По злой иро-

* **Виталий Анатольевич Номоконов** — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Владивосток, Россия). E-mail: nomokonov@rambler.ru.

** **Григорий Фёдорович Маслов** — к.ю.н., доцент, заместитель директора Дальневосточного (г. Хабаровск) филиала Российской правовой академии Министрства юстиции Российской Федерации (Хабаровск, Россия). E-mail: maslovg@mail.ru.

© В.А. Номоконов, 2012

© Г.Ф. Маслов, 2012

¹ См. подробнее: *Номоконов В.А. Дальний Восток: преступность завтрашнего дня // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе. — Хабаровск, 2001. — С. 20—25.*

нии судьбы буквально на следующий день было совершено разбойное нападение на депутата Законодательного собрания Приморья А. Ермолаева прямо в его квартире. В этой связи вспоминаются и другие события минувших лет. Десять лет прошло со дня убийства в центре Москвы Магаданского губернатора В.И. Цветкова, столько же — со дня убийства дальневосточного пограничника, генерала В.И. Гамова (2002 г.). Вскоре последовали прекращение полномочий члена Совета Федерации от Приморья И.В. Иванова, поспешное бегство за границу нескольких депутатов приморского Законодательного собрания. Дальше случились внезапные отставки и привлечение к уголовной ответственности за различные должностные злоупотребления сразу нескольких вице-губернаторов Приморского края, мэра, экс-мэра и доброй половины вице-мэров Владивостока. Происходящее, по оценкам экспертов, стало свидетельством как глубины криминальной поражённости территории, так и вместе с тем, возможно, некоторой активизации борьбы с коррупционными проявлениями.

Правда, за последние 20 лет организованная преступность на Дальнем Востоке, как и в России в целом, претерпела серьёзную трансформацию. Стали единичными случаи заказных убийств, крупных уличных «разборок» среди конфликтующих преступных группировок. Но само явление никуда не делось. Оно продолжает доминировать в экономике, проникло на все этажи властных структур, сомкнулось с правоохранительными органами и продолжает «править бал» в повседневной общественной жизни.

Всё больше экспертов говорит о том, что главная проблема России — сплошная криминализация государства и общества, ставшая следствием сращивания правоохранительных органов и организованной преступности.²

² См., напр.: *Пастухов В.* Дорожная карта заблудившейся революции. URL: http://www.povaygazeta-vlad.ru/118/Politika/Dorozhnaya_kartazabludivshesheysyarevolutsii (дата обращения: 24.08.2012); *Смирнов С.* «Россия — виртуальное мафиозное государство» // *Ведомости.* — 2010. — 2 декабря.

Председатель Конституционного Суда РФ Валерий Зорькин в статье «Конституция против криминала» сделал вывод о возможности превращения России из криминализованного государства в государство криминальное. Разница, по мнению Ю.В. Голика, состоит в том, что в первом случае преступность становится системным явлением и успешно встраивается в систему государственной власти (что мы сегодня наблюдаем почти повсеместно), а во втором преступность превращается в системообразующий фактор и подчиняет себе государство.³ С этим утверждением следует согласиться.

В целом тенденции развития организованной преступности в России свидетельствуют как о тотальном коррупционном перерождении государства, так и переходе последнего в новое, «мафиозное» качество. В литературе отмечается, что за последние несколько десятилетий на международном уровне произошла целая серия политических и экономических преобразований, которые привели к зарождению так называемых «мафиозных государств». Речь идёт о странах, где традиционные понятия коррупции, организованной преступности и проникновения преступных групп в государственные институты не могут отразить всю сложность и масштабы явления.

Под т.н. мафиозными государствами понимаются не только страны, где царит коррупция, но и те, где отрасли экономики или даже целые регионы находятся в руках организованной преступности. Всё гораздо более опасно: это государства, которые сами контролируют и используют преступные группы для защиты национальных интересов и интересов правящей элиты.⁴

Не являются исключением и процессы, происходящие на Дальнем Востоке страны. Приведём свидетельство человека, который сегодня играет ключевую роль во властных структурах Дальнего Востока, являясь одновременно и полномочным представителем президента РФ и мини-

³ *Голик Ю.В.* После Кушёвки // *Независимая газета.* — 2011. — 3 ноября.

⁴ См. подробнее: *Наум М.* Мафиозные государства. URL: www.slate.fr (дата обращения: 24.08.2012).

стром нового «дальневосточного» министерства. Это — Виктор Ишаев: «Что касается проблем декриминализации основных отраслей экономики Дальнего Востока, то ... досадно, что, имея такую мощную ресурсную базу, мы тормозим развитие. Даже по официальным показателям около 1 млрд. долларов в рыбной отрасли сегодня воруются, в лесном комплексе примерно столько же, а раскрывается преступлений значительно меньше, ущерб не возмещается. То есть мы теряем миллиарды долларов».⁵

Коррупция, мошенничество и контрабанда — вот три кита, на которых традиционно держится экономическая и организованная преступность Дальнего Востока. За последнее время число преступлений в данной сфере, по мнению экспертов, меньше не стало, однако характер их совершения постепенно меняется.

По мнению начальника Главного управления МВД России по ДФО Е. Кужеля, дальневосточная преступность переживает сегодня своеобразную эволюцию. На протяжении последних 10 лет она становится более изощрённой, юридически грамотной и технически оснащённой, при этом «открытая агрессия» уходит на второй план.

Всё более активно проявляются не только межрегиональные, но и международные преступные сообщества, которые пытаются установить контроль над ведущими отраслями экономики региона, зачастую используя при этом коррупционные связи.

Целый криминальный «букет» сформировался в сфере борьбы с контрабандой. В 2011 году только сотрудниками Главного управления МВД РФ по ДФО было выявлено в целом по округу около 150 таких преступлений. Наибольший интерес дальневосточные контрабандисты традиционно проявляют к лесным и водным богатствам региона, при этом в последнее время наблюдается чёткая тенденция к сращиванию преступных группировок российского Дальнего Востока с зарубежным криминалитетом, а самыми частыми

фигурантами уголовных дел становятся граждане Китая.

Одним из наиболее серьёзных уголовных дел стало перекрытие крупного канала контрабанды ценных пород древесины на территорию КНР. Устойчивая трансграничная преступная группа, созданная в 2008 году, состояла из граждан России и Китая и действовала на территории Хабаровского края. По данным оперативников, сумма лесоматериалов, незаконно добытых и переправленных за три года в КНР, превысила 100 млн. рублей. Не снижаются и масштабы мошенничества. Укрывательство налогов, присвоение бюджетных средств и вымогательство — вот основной «инструментарий» региональных мошенников.⁶

На территории Приморского края, по данным УВД, в настоящее время действуют шесть преступных сообществ (ПС), из которых три имеют общеуголовную, а три — экономическую направленность. Общее число их участников — около 400 человек, из них 138 — в ПС общеуголовной направленности, 252 — экономической. Кроме того, в крае действуют 104 организованных преступных группы (ОПГ), из них 56 общеуголовной, а 48 — экономической направленности. Общая численность данных ОПГ — свыше 500 человек (262 — в ОПГ общеуголовной направленности и 317 — экономической). Наряду с ними активно функционируют этнические ОПГ.

Ситуация в Хабаровском крае будет рассмотрена ниже. Отдельного рассмотрения требует деятельность ОПГ в одной из наиболее валютоёмких сфер — лесной отрасли Дальнего Востока.

2. Нелегальный лесной бизнес Дальнего Востока.

Преступные группировки Дальневосточного региона наибольший интерес проявляют, по вполне понятным причинам, к самым доходным отраслям экономики — лесной, рыбной, золото- и алмазодобывающей. Самым лакомым куском для криминала в последние годы остаётся ле-

⁵ Сайт Федерального агентства по рыболовству. URL: <http://fish.gov.ru/presscentre/DocLib1/004853.aspx>. (дата обращения: 24.08.2012).

⁶ См.: Аленшико Г. Дальневосточная преступность переживает эволюцию // Дальневосточный капитал. — 2012. — № 1.

сопромышленный комплекс. Сейчас эта отрасль в стране считается третьей по масштабам оборота капитала после нефтяного и рыбного бизнеса.⁷ Дальневосточный федеральный округ занимает первое место в России по площади лесов и второе место (после Восточной Сибири) по запасу древесины.

По добыче леса третье место в стране и первое на Дальнем Востоке занимает Хабаровский край. Известно, что при этом значительная часть добытого уходит в тень криминального рынка. По экспертным оценкам, не менее трети всей древесины из России отправляется за границу нелегально. Число таких случаев за период с 2005 по 2007 год увеличилось вдвое. По мнению мировых экспертов, на земном шаре есть две «точки», где объём нелегальной заготовки древесины достиг катастрофического уровня — это африканский Камерун и российский Дальний Восток.⁸ Впрочем, официальные данные уполномоченных специальных органов долю нелегальных рубок сводят к 1–3 %, что вызывает сомнения экспертов.⁹

Анализ сложившейся ситуации в сфере лесопользования свидетельствует о высокой степени криминализации этой отрасли экономики. В ней, как полагают в МВД РФ, действует целое сообщество людей и структур, ориентированных на вывоз браконьерского леса, невозврат валютной выручки, легализацию денежных средств. Круглый лес для переработки закупался до последнего времени в нашей стране порой просто за наличные деньги у российских криминальных структур. При этом отечественные производственные мощности по лесопилению используются примерно на 30 %. Многие китайские коммерсанты выезжали непосредственно на заготовительные участки, чтобы на месте приобрести древесину за наличные деньги. Вокруг границ страны была развёр-

нута широкая сеть пунктов скупки, где по бросовым ценам через контрабандистов приобреталась незаконно заготовленная древесина. После повышения таможенных пошлин ситуация изменилась некардинально: расторопные дельцы мгновенно развернули широкую сеть т.н. лесопилок.

Суть их деятельности сводится лишь к созданию видимости производства древесины для последующей оперативной продажи за рубеж по льготным тарифам. Безусловно, таможенным органам хорошо известны все способы обмана, но в силу коррупционной составляющей эта преступная система продолжает работать.

В частности, не во всех случаях можно проверить влажность древесины, что позволяет вывозить лес сырой и не обработанный, а обрезная доска, упакованная в штабель, строгаются только с наружной стороны. Определение породы дерева тоже требует определённых навыков, а от «ошибок», как известно, никто не застрахован. В дополнение ко всему, невозможно соотносить объём вывозимой продукции с размерами законно добытой древесины по конкретному порубочному билету на конкретном участке лесного массива.

На наш взгляд, нелегальное лесопользование на Дальнем Востоке России имеет существенную специфику по сравнению с общероссийской и мировой ситуацией. Во-первых, оно приобрело черты широкомасштабного бизнеса. Во-вторых, названный бизнес имеет весьма сильное коррупционное сопровождение. В-третьих, в этом процессе велика роль организованных преступных группировок, которая, к сожалению, не отражается ни в соответствующей статистике, ни в материалах уголовных дел.

Подавляющая часть нелегального лесного бизнеса ориентирована на Китай. На складах, где хранится древесина, предназначенная для отправки в эту страну, часто учёт не ведётся, активно скупается ворованный лес, а документы на него предоставляются поддельные. Нелегальная древесина скупается китайскими предпринимателями за наличный расчёт, причём подделанные документы на неё могут быть целиком изготовлены в Китае. Мало того, многие лесоторговые компании

⁷ См.: Берестов Н. Криминальная инфляция // Российская газета / Приморский край. — 2008. — 22 января.

⁸ Лес в законе. Война «Тигра» со спрутом // Молодой Дальневосточник. — 2010. — 8 августа.

⁹ См. подробнее: Состояние и масштабы нелегального лесопользования в России. — М., 2010. — С. 5.

(свыше 110) и лесные биржи либо непосредственно, либо через подставных лиц принадлежат гражданам Китая. Идёт почти не прикрытая китайская экспансия на российский рынок.

Число зарегистрированных преступлений в главных «криминальных» отраслях — лесозаготовке, рыбной ловле и добыче драгметаллов, отметил в начале 2011 г. заместитель генерального прокурора РФ Ю. Гулягин, в последние годы неуклонно снижается. Он констатировал, что в данной сфере «ожидаемые результаты пока не достигнуты, и имеется немало упущений и недостатков». А это, по его мнению, «результат в первую очередь эпизодической или неудовлетворительной работы правоохранительных органов, неэффективной работы оперативных подразделений». В 2008 году, сообщил он, в области лесопользования на основании материалов оперативно-розыскных мероприятий было раскрыто около 700 преступлений, в 2009 — 600, в 2010 — всего 220. В сфере заготовки и реализации леса число зарегистрированных преступлений в 2009 г. снизилось на 11 %, а в 2010 г. — на 70 %. Примечательно, что при этом размеры причиняемого ущерба от экологических преступлений в сфере лесопользования, напротив, возрастают.¹⁰

К сожалению, ежегодно снижается и выявленная контрабанда леса. Так, правоохранительными органами Дальневосточного федерального округа в 2008 г. был выявлен 91 случай контрабанды леса и лесоматериалов, в 2009 — 79, в 2010 г. — лишь 26.

Существенную роль в нелегальном лесном бизнесе играют организованные преступные группировки. По данным МВД РФ, особенно велико их влияние в таких ведущих сферах экономики Дальнего Востока, как рыбная, лесная, золотодобывающая промышленность. С тех пор масштабы лесного криминального бизнеса только возросли.

Несколько лет назад нами была предпринята попытка выявить специфику

¹⁰ См.: *Сухаренко А.Н.* Теневая экономика Дальнего Востока: неутешительные итоги. URL: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2011_03_17.pdf (дата обращения: 24.08.2012).

криминального рынка на Дальнем Востоке России. Известно, что организованная преступность проявляет обычно наибольший интерес к самым доходным сферам экономической деятельности. Как показал проведённый опрос практических работников, выступивших в роли экспертов,¹¹ основным направлением криминальных интересов организованной преступности в Дальневосточном федеральном округе на современном этапе остаётся незаконный оборот леса и лесоматериалов (так считают 85,6 % респондентов).

Интересные документы о масштабах незаконной вырубке леса в Дальневосточном регионе были опубликованы известным сайтом WikiLeaks. Документы касаются «лесной мафии» Приморского края и содержат данные о масштабах незаконной вырубке леса и, в частности, кедра. В докладе приводятся факты незаконного оформления таможенных документов, нападения на экологов, указываются объёмы нелегальных заготовок.

Как сообщается в документе, в условиях финансового экономического кризиса «лесная мафия» Приморья низкими ценами значительно сбивает стоимость деловой древесины на региональном рынке стран АТР, угрожая нормальному развитию лесной отрасли ряда стран.

С точки зрения нелегального лесного бизнеса одним из самых неблагополучных регионов России действительно можно считать Приморье. Этот нелегальный отлаженный механизм появился впервые в России именно в Приморье (в частности, в Дальнереченском и Красноармейском районах) в середине 1990-х годов. За прошедшее время он достиг огромных масштабов. На Приморский край приходится 66 % от общего объёма незаконно вырубленной древесины на территории федерального округа.¹² По оценкам самих

¹¹ Было опрошено 236 оперативных сотрудников краевой и районных (городских) прокуратур Приморского края (см. подробнее: *Номоконов В.А., Хренков О.В.* Криминальный рынок и его связи с организованной преступностью: особенности проявления на Дальнем Востоке // Преступность, криминология, криминологическая защита. — М., 2007. — С. 22–27).

¹² *Алексеев А.* Порубили все дубы на гробы // Владивосток. — 2001. — 11 мая.

лесозаготовителей, до 80 % древесины на складах Дальнереченска и Лесозаводска имеют незаконное происхождение. Масштабы хищений леса настолько велики, что сопоставимы с годовым бюджетом Приморского края. По подсчётам специалистов, древесина в Приморье 10 лет назад разворовывалась и вывозилась в соседние страны, прежде всего в Китай, на сумму не менее 200 млн. долларов. Для сравнения, весь бюджет Приморского края (в то время) был равен около 300 млн. долларов. В настоящее время годовой ущерб превышает 1,5 миллиарда рублей.¹³

Количество же официально зарегистрированных преступлений в лесной сфере Приморья имеет тенденцию снижения: в 2009 году их число сократилось на треть (с 689 в 2008 году до 475 в 2009 году). Ущерб же, напротив, возрос: в 2008 г. он составил около одного миллиарда 450 млн. руб., а в 2009 г. — уже свыше одного миллиарда 600 млн. руб. Судами края в 2009 году рассмотрено 107 уголовных дел названных категорий в отношении 143 лиц.¹⁴

Наибольший ущерб природе наносится организованными преступными группами. К сожалению, уровень раскрываемости организованных экономических преступлений остаётся очень низким. Так, из 1,5 тыс. выявленных за 3 года преступлений в лесной отрасли всего 2 (!) были квалифицированы как совершённые в составе преступных формирований. И это в то время, когда объёмы незаконного оборота древесины в регионе остаются на недопустимо высоком уровне.

Только в августе 2011 года в Дальнереченском районе чёрные лесорубы вырубали больше тысячи кубометров ценных пород древесины, что составляет примерно 100 гружённых под завязку «КамАЗов». Браконьеры на месте незаконных рубок обустроили целое поселение с комфортными бытовыми вагончиками и баней. Лагерь был оснащён радиостанциями

и средствами мобильной связи. Браконьеры вели свою разведку. Местные жители дежурили на основных дорогах, ведущих к месту вырубке леса. Если появлялась полицейская машина, сообщали об этом браконьерам. «Дежурным» платили по тысяче рублей в день.¹⁵

Большая часть незаконной вырубке осуществляется небольшими бригадами. Незаконные вырубщики обычно носят с собой оружие, пользуются современными пилами, которых не слышно уже на расстоянии более 10–12 метров, и расставляют охранников со спутниковыми телефонами, чтобы они могли предупредить о приближении непрошенных гостей. Когда брёвна доставляются на лесопилку, преступники легализируют свою продукцию, подкупая чиновников.

А. Бисмарк, представляющий некоммерческое Агентство экологических исследований (EIA), считает, что основные доходы оседают в руках китайских бизнесменов и мафиози. Определённая нагрузка ложится на леса Северо-Запада России, но основная проблема — это дальневосточный район, где мафия особенно жестока и сильна.

Российские инспекторы по охране леса признались, что они не в силах противостоять хорошо организованным и финансово обеспеченным группировкам. В тех редких случаях, когда удаётся кого-то арестовать за незаконную рубку, на следствие и судей сразу начинается серьёзное давление.¹⁶

В криминальный рынок леса активно вовлекаются и чиновники. В конце мая 2010 года начальник Управления лесным хозяйством Приморского края Пётр Диюк был временно отстранен от занимаемой должности на время проверки, которая была начата после выхода в телеэфир журналистского расследования — сюжета «Тёмный лес». На видеозаписи, снятой скрытой камерой, П. Диюк весьма откро-

¹³ Фесик А. Лес рубят — китайцы слетаются // Дальневосточный капитал. — 2001. — № 9.

¹⁴ Сегодня в прокуратуре Приморского края состоялось расширенное заседание коллегии // Прокуратура ПК. — 2010. — 22 апреля.

¹⁵ Давыденко А. В Приморье вырубают лесов больше всего в регионе // Комсомольская правда. — 2011. — 5 сентября.

¹⁶ См.: Алфонсо Дэниелс. Сибирским лесам угрожают нелегальные вырубки. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/lg/russia/2009/12/091204_dalnerechensk_logging.shtml. (дата обращения: 24.08.2012).

венно рассказывает о том, как воруют лес в Приморье.¹⁷

Наблюдается ещё одна тенденция в приграничных территориях Дальнего Востока: сращивание российских и китайских преступных групп, участники которых активно ищут безопасные каналы незаконного перемещения потребительских товаров и сырьевых ресурсов, совершенствуют способы уклонения от уплаты таможенных платежей и налогов. В преступную деятельность втягиваются государственные и муниципальные служащие, сотрудники различных правоохранительных органов.

Приморская древесина (причём практически любая), будучи распиленной, становится если не золотой, то всё равно, весьма доходной. Доказательство тому — немалое количество лесопилок, быстро расплодившихся по краю, особенно в лесных его районах. В одном Дальнереченском районе появилось более десятка таких мини-предприятий и на каждом пилится в среднем по 300 кубометров леса ежемесячно.

По оценкам Амурского филиала WWF России, именно наличие лесопилок, владельцы которых скупают лес, подталкивает людей к нарушениям лесного законодательства. Возможность сбыта нелегально добытой древесины сводит на нет борьбу с незаконными рубками. Получив разрешение на заготовку дров, сельские жители передают (или продают) своё право третьим лицам, которые под видом заготовки дров проезжают на лесосеки и готовят деловую древесину, а владельцу договора достаётся денежная компенсация либо машина отходов с пилорамы.

С лета 2010 года незаконные порубки перестали относить к преступлениям экономической направленности, теперь этим занимается уголовный розыск. Трудно предположить, что оперативники угрозыска будут выявлять, откуда и как появился лес на пилораме, легально он заготовлен или нет.

¹⁷ См.: «Откровения» Петра Диюка обрушили на лесную отрасль Приморья повальные проверки. URL: [http:// ptr-vlad.ru/news/crime/ 31975-otkrovenija-petra-dijuk-obrushili-na-lesnuju.html](http://ptr-vlad.ru/news/crime/31975-otkrovenija-petra-dijuk-obrushili-na-lesnuju.html) (дата обращения: 24.08.2012).

Меняются краевые и районные власти, структура управления лесным хозяйством, а проблемы остаются. Кто возьмётся за их радикальное решение — никакой ясности нет.¹⁸

Остаётся справедливым вывод о том, что на фоне продолжающейся криминализации сферы лесопользования принимаемые правоохранительными органами меры по-прежнему пока ещё явно неадекватны складывающейся ситуации.

3. Организованная преступность Хабаровского края: современные тенденции.

За последние пятнадцать—двадцать лет организованная преступность на Дальнем Востоке России претерпела значительные качественные изменения, не имеющие прямого, непосредственного отражения в существующей системе учётов. Растёт ущерб от противоправной деятельности. Незаконный вывоз биоресурсов исчисляется миллионами тонн. Из бюджетов различных уровней утекают миллионы рублей. Всё чаще в СМИ освещаются случаи привлечения к уголовной ответственности чиновников высокого уровня. Всё это указывает на высокую активность организованных преступных формирований, сменивших тактику с вхождения во власть на экономическую деятельность.

Тем не менее «успехи» правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью Хабаровского края вызывают сомнения, а статистика больше свидетельствует об обратном.

Так, количество выявляемых преступных формирований сокращается из года в год, а общее количество преступников, входивших в состав четырёх банд и трёх преступных сообществ, если верить официальным отчётам, в 2011 году не превысил и пятнадцати человек. Предположить такую победу над дальневосточным «спрутом» десять—пятнадцать лет тому назад было бы невозможно, если учесть, что разговор идёт о Хабаровском крае, родине дальневосточного воровского общака, субъекте Российской Федерации, где десятки лет назад пустили глубокие корни

¹⁸ Лес рубят — баксы летят // Московский комсомолец во Владивостоке. — 2011. — 14 апреля.

азербайджанское, чечено-ингушское и китайское преступные сообщества, а также многочисленные группировки, состоящие из спортсменов, промышлявших рэкетом, криминальным автобизнесом и разбоями на дорогах.

Если всё же поверить статистике, то, с учётом стойких тенденций уменьшения количества регистрируемых преступлений и выявляемых преступников, через десять лет на весь Хабаровский край будет регистрироваться менее 3000 преступлений, против нынешних 27 000 и 60 600 возбуждённых в 2007 году. «Прогресс» последних пяти лет просто колоссален!

Что же случилось с «дальневосточной мафией» и насколько актуальна теперь проблема борьбы с организованной преступностью в частности и с преступностью в целом? Вопрос не праздный, поскольку требует адекватного сокращения подразделений криминальной полиции и наружных служб ввиду их ненужности. Дополнительным подтверждением сего тезиса является тот факт, что ныне в производстве у следователей и дознавателей одновременно находится одно, максимум два уголовных дела (*причем, не по «мафиозным» делам!*), по крайней мере, такова ситуация в г. Хабаровске. Есть следственные подразделения, которые за месяц не направляют ни одного уголовного дела в суд, и это правда!

К сожалению, реформа МВД несколько запоздала. Она позволила за последние годы сократить аппарат органов МВД на заявленные им 22 %, в то время как пре-

ступность «упала» в Хабаровском крае более, чем на 50 %. Если руководствоваться данными статистики, то тенденции сокращения должны были быть опережающими, чтобы к 2022 году можно было соотнести экономические затраты на содержание МВД и необходимость противодействия разрозненным остаткам преступности.

Подтверждением тому приведём ряд статистических показателей по тем видам преступности, кои всегда были и остаются в арсенале организованных преступных группировок, а также количественные данные о преступности в целом и составе организованных преступных групп (ОПГ) и преступных сообществ (ПС). Для повышения уровня достоверности данные, приводимые ниже, перепроверялись путём перекрёстного сравнения сразу по нескольким формам учёта.

Полагаем, что если на основе имеющейся статистики составить прогноз, то последнего «организованного» преступника нам покажут по каналам цифрового телевидения до 2050 года. В это время Министерство финансов абсолютно обоснованно секвестрирует бюджет МВД и предложит ликвидировать не только подразделения криминальной полиции, но и передать все наружные службы в ведение регионов и перевести сотрудников УВД в статус муниципальных служащих.

Безусловно, преступность — более сложное социально-правовое явление, не поддающееся осмыслению финансистами, бухгалтерами и кассирами от Минфина. Для организации борьбы с преступнос-

Показатель (ф. 122, 126, 491—494)	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Общее количество зарегистрированных преступлений в год	60 593	55 275	44 023	32 321	27 492
Кол-во преступлений, совершённых ОПГ и ПС в Хабаровском крае	1461	761	354	162	139
В т.ч. кол-во преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершённых ОПГ, ПС	256	197	195	95	75
Выявлено лиц, совершивших преступления в составе ОПГ, ПС (в т.ч. по ст. 209 и 210 УК РФ — 15 человек в 2011 году без учёта квалификации по совокупности, т.е. учтены дважды)	313	254	185	127	133

тью недопустимо ограничиваться только статистическим анализом, а для решения вопросов финансирования и кадрового обеспечения недопустимо руководствоваться только принципом экономической обоснованности.

К примеру, статистика свидетельствует, что в Хабаровском крае за год наблюдается всплеск на 33 % разбойных нападений на жилища, помещения, хранилища и на 43 % — угонов автотранспорта. Эта категория была и остаётся в арсенале «дальневосточной мафии». Рецидивная преступность выросла до 60 %, при этом каждый третий подросток, преступивший закон, уже имеет условный срок за предыдущее преступление.

Никакой финансовый мониторинг не укажет на рост корыстно-насильственной уличной групповой преступности в ближайшие два-три года. Только грамотные специалисты уголовного сыска и службы участковых инспекторов могут реально спрогнозировать развитие криминальной ситуации на территории и смогут не только предложить меры профилактики, но и реализовать задачу по защите от преступных посягательств и граждан и тех самых финансистов, бухгалтеров и кассиров. То же самое произойдёт с организованной преступностью.

Двадцать лет тому назад криминологи прогнозировали вхождение преступности (*общеуголовной — прим. автора*) во власть и их участие в принятии управленческих решений. Десять лет назад прогнозировалось укрепление «беловоротничковой» преступности и проявление «голубых» воротничков в криминальных кругах России. Прогнозы подтвердились.

Организованная преступность жива. Она стала более латентной, сменила свою общеуголовную окраску на политизированную, обновила лидеров, внедрилась в экономическую деятельность, испытывающую период декриминализации и должностного попустительства, активно и обыденно использует коррупционную составляющую.

Там, где развивается коррупция, безусловно, обосновалась и организованная преступность. Устойчивость и системность организованных преступных формирова-

ний основана на системных связях властных структур, а состояние коррупции, в свою очередь, демонстрирует широту распространения и глубину проникновения организованной преступности. Именно в интересах организованной преступности извращена сама система правоохранительной деятельности и наглядным примером тому в Хабаровском крае является «борьба» с... коррупцией.

Так, если в целом по Российской Федерации снизилась на 10 % криминальная деятельность коммерческих и иных негосударственных организаций, то в Хабаровском крае прирост числа уголовных дел данной категории за 2011 год составил 1200 % (одну тысячу двести процентов), из которых 600 % приходится на коммерческий подкуп. В то же время взяточничество снизилось на 23 %, а количество взяточдателей составляет 60 % от числа привлечённых к уголовной ответственности.

Безусловно, после того, как в стране был взят курс на борьбу с коррупцией, правоохранительным органам дали возможность, к их удовлетворению, отступить от непосредственной борьбы со взяточниками путём введения в систему отчётности «группы преступлений коррупционной направленности». Теперь, исходя из логики борьбы с преступлениями коррупционной направленности, преступления в сфере коммерческой деятельности следует оценивать, в том числе, как посягательства на нормальное функционирование органов власти.

Всё это ещё раз указывает на политизацию борьбы с преступностью и политизацию самой преступности. На криминальную арену вышли те, кто в собственных интересах активно использует систему государственной власти. И неважно, идёт ли речь о судебной системе при осуществлении недружественных поглощений бизнеса при рейдерских захватах, или использовании средств прокурорского надзора, оперативно-розыскных мероприятий в борьбе с конкурентами. Важно помнить, что первостепенной целью любых организованных преступных формирований, особенно в условиях финансового кризиса, была и остаётся цель получения сверхприбыли при минимизации (отсутствии)

затрат. В условиях стагнации реального сектора экономики, при отсутствии какого-либо производства, достижение указанной цели возможно только в том случае, если все затраты можно переложить, переадресовать структурам, финансируемым из других источников или государственного бюджета.

Так, сотрудники ГИБДД лишились права проверять наличие технического осмотра транспортных средств, предоставив возможность страховым компаниям уклоняться от страховых выплат при отсутствии техосмотра, но теперь обязаны бороться с нелегальными частными извозчиками, дабы защитить экономические интересы фирм, оказывающих услуги такси. Сотрудники подразделений «К» являются ярыми поборниками экономических интересов коммерческих фирм, не производящих, но перепродающих программное обеспечение. Агрессивная кредитная политика банковских структур превосходно защищается системой судебных решений и исполнительных производств, реализуемых службой судебных приставов от экономически необразованных, а посему «недобросовестных клиентов». Для отвлечения внимания обывателей от сути происходящих процессов широкому обсуждению подвергают роль и место коллекторских организаций или говорится о необходимости защиты авторских прав.

К сожалению, примеров использования административного ресурса представителями бизнеса так много, что говорить о коррупционной составляющей уже не актуально, но следует констатировать факт системного использования властных структур различными, ничего не производящими финансовыми группами. Ещё лучше, если под такой псевдобизнес заложена соответствующая нормативная база на региональном, федеральном, или ведомственном уровне, как это происходит, к примеру, с продажей коммерческими структурами систем защиты персональных данных для вузов, принимающих результаты ЕГЭ. Даже откровенное вымогательство коллекторов решено облачить в рамки законной деятельности. В случае принятия закона, разрешающего коллекторскую деятельность, останется только

определить форму и разрешённые методы воздействия — телефонные звонки, утюг, паяльник и бейсбольную битку, а форма может быть традиционной — чёрный кожаный реглан.

В этом случае сама общественная опасность совершаемых действий маскируется под видимость законности. Крайне трудно будет отличить организованную преступность от политики защиты негосударственных «частных» экономических интересов мерами государственного принуждения.

Конечно, политизация редко достигает общегосударственного уровня, ограничивая своё влияние на уровне субъекта федерации, либо осуществляется на уровне ведомств. Как указывалось выше, заказчиками такой вредоносной деятельности становятся финансово-экономические группы, компании, банковский сектор и группы влияния, возглавляемые различными чиновниками.

В связи с этим логично возникает вопрос о том, как отграничить криминал от суррогата возникающих общественных отношений, и применима ли в этом случае правовая оценка экономических последствий. Нельзя, разумеется, относить к преступлениям деяния, не обладающие общественной опасностью, но и нельзя рассматривать только с позиции административного или гражданского права факты причинения многомиллионных убытков гражданам, организациям, предприятиям и государству.

К сожалению, новейшая история России пестрит примерами хищений миллионов бюджетных средств через завышенные контракты и откаты, вывоз средств и вывод активов предприятий за рубеж и их обналичивание, через развал и ликвидацию предприятий на территориях для завоевания очередного рынка московскими монополистами и т.д. Последствия таких действий настолько опасны для общества и экономики регионов, что рассматривать их как эпизод преступной деятельности конкретной преступной группы (в том числе и организованной преступной группы) является ошибкой, недооценкой степени устойчивости и общественной опасности.

Если ранее ОПГ только приобретали связи в органах власти, коррумпировали

чиновников различного ранга и стремились с помощью власти обеспечить себе защиту от правоохранительных органов, то теперь представители власти, взяв на вооружение методы преступного мира, используют систему управления для совершения преступлений и дальнейшего осуществления криминальной деятельности.

В связи с этим уже представляется не столь приемлемой традиционная классификация организованной преступности на ОПГ и ПС.

Так, двусторонняя интеллектуальная связь уже не может быть прослежена между лицами, находящимися в разных субъектах федерации, но совместно совершающими хищения бюджетных средств или действующими в рамках сговора на отмывание преступных доходов. Отдалённость руководства сообществ и организаций, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления от рядовых исполнителей или руководителей среднего (промежуточного) звена может быть настолько велика, что исполнители могут даже не подозревать насколько высок уровень преступного сообщества или от кого исходят указания на совершение убийств и хищений. Изменение уголовного законодательства в части самостоятельной ответственности лица (лидера), занимающего высшее положение в преступной иерархии, ещё больше разрушило стройную систему признаков ОПГ и ОПС.

Это ещё одно основание для пересмотра традиционного подхода к оценке организованных преступных формирований. Теперь сам статус «вора в законе» даёт основание для применения мер уголовной репрессии к лидерам преступного мира, что имеет место в Грузии, но чего ранее не только не было, но и не могло быть в России.

Так, для усиления уголовной репрессии в отношении уже находящихся в местах лишения свободы преступных авторитетов проводились и проводятся проверки их причастности к другим преступлениям. Однако главное для таких проверок — добиться их признания, что они являются пресловутыми общепризнанными авторитетами в преступной среде. Цель — вменение им теперь ч. 4 ст. 210 УК РФ за

участие в любой воровской сходке. Итог такого признания — пожизненная изоляция от общества для признавшегося, а для оперативников ФСИН — ещё одно раскрытие особо тяжкого преступления, что называется, «не выходя из кабинета». Дополнительный «бонус» для администрации колонии — отправка беспокойного «сидельца» в другую колонию.

Возможно, в борьбе с рассматриваемым контингентом все средства хороши, как и применение санкции части 4 ст. 210 УК РФ, где нижний предел остался не тронутым Федеральным законом № 26-ФЗ от 7 марта 2011 года и равен пятнадцати годам лишения свободы.

Таким образом, при определении организованной преступности следует вновь обратиться к понятию организованного преступного формирования, включающего в себя как привычные общеуголовные группы и сообщества, так и группы, организации, структурные подразделения и предприятия. Главное для них — наличие устойчивых связей, включаемых всякий раз, когда целью является личное обогащение или обогащение группы, сообщества или организации. При этом связи руководителей организаций, совершающих различные преступления, могут быть в рабочее время вполне официальными, равными или соподчинёнными, а в «вечернее» время — криминальными.

Примером тому являлась т.н. «третья смена» Приморья и являются т.н. «сироты со Светланской» (речь идёт о сотрудниках администрации края — *прим. авт.*). Остаётся только надеяться, что в ближайшем будущем будет, наконец, наведён порядок во власти Приморья, и бизнес будет отделён от чиновников и защищён от вечной процедуры передела собственности.

Во многих случаях трудно обнаружить криминальность задач, которые решаются с использованием таких связей. К примеру, рейдерские захваты предприятий изначально не имеют ничего общего с процедурами оздоровления, улучшения функционирования или совершенствования системы управления предприятиями. Совершаются такие «набеги» с привлечением частных охранных предприятий и не без участия судебных органов, а порой

с привлечением вооружённых судебных приставов. По сути такой «отъём» собственности необходимо относить к сфере криминального передела, хотя внешне всё выглядит правомерно. При этом заказы на совершение таких переделов формируются не у «воров в законе», не у лидеров ЧОПов, совершающих силовой захват объектов и не у юристов-крючкотворов «навалного» типа, а в высоких и не столь высоких кабинетах чиновников, включившихся в процесс передела собственности.

Наше резюме. Организованная преступность на Дальнем Востоке России не только подстроилась под окружающую обстановку, под систему судебных и правоохранительных органов, но, после «вхождения во власть», переродилась и имеет иной исходный код. Это теперь не старые воровские традиции, а административно-командная система, замкнутая на интересы устойчивой локальной группы, объединённой идеей извлечения сверхприбыли из статуса группы, клана, тейпа, уровня властной вертикали их руководителя.

Бывшие криминальные авторитеты, имеющие опыт нахождения в местах лишения свободы, постепенно теряют авторитет даже на низовом уровне. Сидеть «от звонка до звонка» уже не модно. Лидер организованного преступного формирования — это уже не синий от тюремных наколок человек, а чиновник, не понимающий ни слова на «фене», но прекрасно знающий и использующий в своих целях возможности системы власти. Существовавшие пять — десять лет тому назад ответственные от общаков в районах, дворах, учебных заведениях также сегодня уже не определяют криминальную ситуацию на подведомственной территории. Жизненно важной задачей для воров в законе и «положенцев» теперь является сохранение жизни на свободе, а не участие в управленческой деятельности.

На Дальнем Востоке России прослеживается именно такой сценарий развития организованной преступности на фоне общеуголовной преступности и жалкого существования, прозябания прежней ор-

ганизованной преступности криминальных авторитетов из числа воров в законе и «ответственных».

Если ранее преступные формирования старались заручиться поддержкой руководителей органов исполнительной власти, найти покровителей в УВД или Следственном управлении СКП РФ, то теперь работники правоохранительных органов и чиновники сами руководят своими формированиями в достижении тех же целей обогащения. Лидеров нынешних организованных преступных формирований следует сегодня искать не на хазах и малинах, а в кабинетах муниципалитетов и правоохранительных органов. Чаще всего, это свежие лица, приехавшие на Дальний Восток за новыми должностями, либо местные, но освоившие свои кабинеты еще с горячих 90-х годов ушедшего века.

Общеуголовный криминал вытеснен из сферы бизнеса и системы управления на улицу. Пока ему оставлена сфера распространения наркотиков и угонов машин, совершения грабежей, разбоев и квартирных краж, уличный рэкет и совершение мошенничества в отношении граждан. Но не более того.

Более «доходные» сферы деятельности, такие как хищения бюджетных средств и обогащение за счёт муниципальной собственности, оказание платных услуг населению с последующим изъятием дохода и осуществление нелегальной внешнеэкономической деятельности, добыча и вывоз за рубеж морепродуктов и леса, извлечение сверхдоходов от оборота углеводородов, энергоносителей, драгметаллов и многое другое находится по-прежнему под жёстким контролем отдельных лиц из органов власти, входящих в теневые финансово-экономические группы и группы влияния.

Анализируя приведённые процессы и тенденции современной организованной преступности, приходим к выводу, что теперь не известный «дальневосточный воровской общак», а иные по характеру организованные преступные формирования представляют основную опасность для Дальнего Востока России.

КОРРУПЦИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

*П.И. Сащeko**

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ И МЕР БОРЬБЫ С НЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: В целях нейтрализации негативного влияния монополизации глобальных оценок восприятия коррупции представляется целесообразной организация альтернативного механизма проведения периодических исследований восприятия коррупции по одной и той же методике в разных странах.

Ключевые слова: коррупция; восприятие коррупции; противодействие коррупции.

P.I. Sashcheko

ON SOME PROBLEMS OF THE STUDY OF CORRUPTION PERCEPTION AND MEASURES TO COMBAT IT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary: To neutralize the negative influence of the monopolization of the global assessment of corruption perception, it is necessary to create a new alternative mechanism of carrying out the study of corruption perception with the same methods in different states.

Key words: corruption; corruption perception; fight against corruption.

Преступность, как отмечает Д.А. Шестаков, можно рассматривать как свойство общества порождать множество преступлений, как единство системного множества преступлений и других социальных подсистем (семьи, политики, экономики, массовой коммуникации, религиозной деятельности и т.д.).¹ Рассмотрение коррупции с указанной точки зрения имеет большое значение в повышении эффективности прикладных исследований, одним из актуальных направлений которых является организация и проведение ис-

следований восприятия коррупции.

Традиционно в Республике Беларусь преступность, в том числе коррупционная, изучается на основе статистических данных, анализа материалов уголовных дел. Однако такие исследования не позволяют в полной мере определить причины и условия совершения коррупционных преступлений. Исследования ориентированы в основном на количественные характеристики коррупционных преступлений и коррупционных правонарушений. Государственной программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 гг., утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 23.09.2010 № 485, предусмотрено проведение мониторинга общественного мнения о работе правоохранительных и контролирующих органов, судов в целях использования его результатов для повышения эффективности деятельности этих органов. Вместе с тем, указанный мониторинг имеет специфическую направленность на оценку эффективности антикоррупционной деятельности.

* **Павел Иванович Сащeko** — кандидат юридических наук, начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь).

© П.И. Сащeko, 2012

¹ См.: Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. Д.А. Шестакова. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — С. 6–7.

Кроме того, как показывает анализ результатов социологических опросов, методика проводимых опросов не учитывает выделяемых в криминологии особенностей коррупционной преступности, а также особенностей восприятия коррупции. Как правило, в ходе указанного мониторинга и социологических опросов акцент делается на следующих вопросах:

- как вы относитесь к такому явлению как коррупция;
- присутствует ли в белорусском обществе такое явление как коррупция (повсеместно распространена, широко распространена, мало распространена);
- в каких сферах наиболее распространены факты коррупции;
- как часто встречаются случаи коррупции среди должностных лиц (с разбивкой по категориям должностных лиц (сотрудники таможи, работники налоговой службы и т.д.));
- что будет наиболее эффективно противодействовать коррупции в обществе (усиление ответственности за совершение коррупционных преступлений, повышение уровня нравственности в обществе, увеличение оплаты труда государственным служащим и т.д.);
- как будет изменяться уровень коррупции в ближайшие годы;
- какие правоохранительные и другие органы наиболее эффективно осуществляют борьбу с коррупцией и т.п.²

Очевидно, что указанные вопросы лишь в общей степени выясняют восприятие коррупции. Исследования проводятся социологами и не сопоставляются с результатами криминологических исследований, основанных на исследовании статистики, анализе материалов уголовных дел и результатов оперативно-розыскной деятельности. Как видно из приведённого выше примерного перечня вопросов, с помощью которых изучается общественное мнение

(в том числе восприятие коррупции), задаваемые респондентам вопросы связаны лишь с некоторыми криминологическими показателями. Перечисленные выше вопросы касаются в основном общей распространённости коррупции, её структуры, динамики, социально-групповой распространённости и т.п. Аналогичные показатели отражаются в статистических данных и характерны для любой преступности, не только коррупционной.

В то же время, в ходе опросов не изучается восприятие специфических черт коррупции, её причинности и детерминации. Между тем, общее отношение к коррупции формируется на основе восприятия конкретных характеристик деятельности и ситуаций. В криминологической литературе выделяются: глубина поражения общества коррупцией (так называемая «светлая» и «чёрная» коррупция); уровни коррупции («мелкая» (низовая, повседневная) и «крупная» (вершинная, элитарная)); формы коррупционного поведения (кумовство, nepotизм, лоббизм, фаворитизм, необоснованное предоставление налоговых или таможенных льгот).³ Исследования восприятия коррупции должны учитывать указанные моменты и специфику детерминации коррупционной преступности, а также то, что восприятие коррупции государственными служащими, представителями частного сектора, работниками правоохранительных органов и гражданами будет различным.

Отмечается, что «Применительно к государственной или иной службе существуют три стороны вопроса: характеристика служебной и иной среды, в которой совершаются коррупционные преступления; характеристики служащих; условия и процессы их взаимодействия, состояние социального контроля в сфере службы».⁴ Вместе с тем, в социологических опросах,

² См, например: Информационно-аналитическая записка «Общественное мнение о состоянии коррупции и эффективности борьбы с ней в Республике Беларусь», подготовленная Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, Минск, 2008 // Архив НППЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

³ См. более подробно: *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. II. Особенная часть / В.В. Лунеев. — М.: Юрайт, 2011. — С. 465—511; Частная криминология / Отв. ред. Д.А. Шестаков. — СПб: Юрид. центр Пресс, 2007. — С. 137—204.

⁴ См.: *Криминология: Учебник для вузов* / Под общ. ред. А.И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2007. — С. 723.

проводимых в Республике Беларусь, практически не уделяется внимание восприятию должностными лицами коррупции, приемлемости коррупционных практик, вовлечённости в коррупцию коллег, а также восприятию должностными лицами виктимогенных факторов в поведении граждан (предпринимателей, заявителей и пр.).

Актуальным для организации эффективной борьбы с коррупцией представляется выяснение восприятия различными социальными группами системы мер борьбы с коррупцией, предусмотренных статьёй 5 Закона Республики Беларусь от 20.07.2006 № 165-З «О борьбе с коррупцией», таких как установление ограничений, а также специальных требований, направленных на обеспечение финансового контроля в отношении государственных должностных лиц в целях предотвращения проявлений коррупции и их выявления; обеспечение правовой регламентации деятельности государственных органов и иных организаций, государственного и общественного контроля и надзора за этой деятельностью; совершенствование системы государственных органов, кадровой работы и процедуры решения вопросов, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц; проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикоррупционные образование и воспитание); и др.

Особенно важным для формирования нетерпимого отношения общества к коррупции представляется установление восприятия различными социальными группами (государственными служащими; предпринимателями; гражданами и пр.) антикоррупционных стандартов поведения, которые содержатся в антикоррупционном законодательстве Республики Беларусь (например, к нормам, содержащимся в кодексах этики (поведения), к правилам урегулирования конфликта интересов на государственной службе и др.).

Необходимо отметить, что в зарубежной криминологической литературе значительное внимание уделяется исследованию восприятия преступности, в час-

тности, проводятся виктимологические опросы, большое внимание уделяется изучению жертв преступлений, риска стать жертвой, взаимодействия между преступником и жертвой и т.д.⁵ В отечественных соцопросах виктимологическим аспектам коррупции уделяется недостаточное внимание, несмотря на то, что для организации эффективной борьбы с коррупцией важно знать, как граждане оценивают риск стать жертвой коррупционных действий, при каких обстоятельствах они готовы пойти на совершение коррупционного преступления для достижения своих целей, как они оценивают взаимодействие взяточдателя-жертвы и вымогателя взятки и пр.

С точки зрения изучения взаимодействия преступности и социальных подсистем необходимым представляется выяснение восприятия гражданами и должностными лицами роли в борьбе с коррупцией средств массовой информации, общественных организаций, религиозных учреждений, влияния на коррупцию происходящих в республике экономических и иных процессов.

Отсутствие указанной информации негативно сказывается на полноте исследования коррупции, на эффективности вырабатываемых мер в области борьбы с коррупцией. Без учёта специфических особенностей восприятия коррупции различными социальными группами невозможно обеспечить прозрачности принимаемых решений и создание атмосферы неприятия коррупции в обществе.

Одной из причин такого положения дел в сфере исследований восприятия коррупции является отсутствие нормативно-правового регулирования проведения таких исследований. Для обеспечения проведения подобных исследований представляется целесообразным абзац шестой статьи 5 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (предусматривает, что борьба с коррупцией осуществляется посредством «проведения мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикор-

⁵ См., например: Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шелли / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2003. — 864 с.

рупционные образование и воспитание)») изложить в следующей редакции: «проведения систематических и всесторонних исследований восприятия коррупции, а также выработки мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции».

Одновременно указанный Закон следует дополнить статьёй, устанавливающей периодичность проведения исследований восприятия коррупции, государственные органы, ответственные за проведение таких исследований, порядок взаимодействия с общественными и другими организациями, периодичность опубликования методик проведения и полученных результатов в СМИ.

Необходимость проведения Республикой Беларусь собственных масштабных исследований восприятия коррупции обусловлена также потребностью отстаивания своей позиции о состоянии коррупции и борьбы с ней в международных организациях, которые ориентируются в большей степени на восприятие коррупции, чем на статистические показатели правоохранительных органов. С проблемой отсутствия исследований восприятия коррупции при отстаивании собственной позиции в международных организациях столкнулась Российская Федерация. Например, В.В. Астанин отмечает, что основным источником информации об уровне коррупции для международных организаций являются данные, которыми оперирует Трансперенси Интернэшнл и которые зависят от мнения зарубежных аналитиков, однако на сегодняшний день Российской Федерации противопоставить этим данным нечего.⁶ Между тем, исчисление индекса восприятия коррупции и его использование при определении отношения к стране при реализации инвестиционных и внешнеэкономических проектов было подвергнуто критике в научной литературе.⁷

⁶ См.: Астанин В.В. Антикрупционный мониторинг в России: цели, задачи и содержание // Российская юстиция. — 2010. — № 7. — С. 2–4.

⁷ См., например: Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии. — С. 479–480; Астанин В.В. Антикрупционный мониторинг в России: цели, задачи и содержание. — С. 2–4.

В.В. Астанин выражает надежду на то, что с появлением механизмов обзора исполнения международных конвенций, используемых в деятельности ГРЕКО, УНП ООН, а также ОЭСР, монополия на производство всемирных оценок коррупции может исчезнуть.⁸

Вместе с тем, механизм антикоррупционных оценок, используемых в деятельности перечисленных международных организаций, не предполагает исследования восприятия коррупции либо составление индексов.⁹ Более того, в страновых отчётах ГРЕКО используется ссылка на индекс восприятия коррупции, полученный Трансперенси Интернэшнл.¹⁰ Поэтому в целях нейтрализации негативного влияния монополизации глобальных оценок восприятия коррупции представляется целесообразной организация альтернативного механизма проведения периодических исследований восприятия коррупции по одной и той же методике в разных странах. В этой связи представляется целесообразным создание, например в рамках СНГ, международной организации, одним из направлений деятельности которой было бы проведение масштабных исследований восприятия коррупции в государствах-участниках СНГ.

Следует также обратить внимание на то, что сам по себе дефицит информации о коррупции и эффективности мер по борьбе с коррупцией отмечается международны-

⁸ См.: Астанин В.В. Научно-экспертное сопровождение коррупции в системе мониторинга правоприменения // Российская юстиция. — 2011. — № 3. — С. 48–51.

⁹ См., например: Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. — 2011. — № 9. — С. 5–12; Круг ведения механизма обзора хода осуществления Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции, принятый резолюцией 3/1 Конференции государств-участников Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции: URL: http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/ReviewMechanism-Basic_Documents/Mechanism_for_the_Review_of_Implementation_-_Basic_Documents_-_R.pdf (дата обращения: 12.07.2012).

¹⁰ См., например: Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование). — С. 5–12.

ми организациями в качестве недостатка в организации противодействия коррупции. Например, ГРЕКО в адрес Российской Федерации была высказана рекомендация о разработке систем всеобъемлющего, объективного и непрерывного мониторинга практических результатов принимаемых антикоррупционных мер в различных рассматриваемых секторах, включая изменение уровня коррупции в этих секторах с течением времени.¹¹ Без проведения исследований восприятия коррупции, как представляется, система антикоррупционного мониторинга не может быть признана всеобъемлющей.

Таким образом, в целях организации исследований восприятия коррупции необходимо создать в Республике Беларусь правовую базу для проведения подобных исследований на систематической основе по единой методике, а также наладить

проведение межгосударственных исследований восприятия коррупции в рамках СНГ. Целесообразно выделить следующие блоки вопросов, подлежащих выяснению у различных социальных групп: восприятие коррупционной преступности (в связи с криминологическими характеристиками, классификацией коррупции и особенностями её причинности и детерминации, взаимодействия коррупции с различными социальными подсистемами); восприятие этических норм и стандартов поведения государственных служащих и их нарушений, иных характеристик служебной среды; восприятие населением характеристик государственных служащих (профессионализм, моральные данные и пр.); восприятие системы мер противодействия коррупции; виктимологические аспекты коррупции (включая восприятие риска стать жертвой коррупции и страха перед коррупцией).

¹¹ См.: Проблемы имплементации международных договоров в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов [в 2 ч.] / Под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры РФ. — М., 2011. — Ч. 1. — С. 11.

4. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

ЮБИЛЕЙ АЗАЛИИ ИВАНОВНЫ ДОЛГОВОЙ

Азалия Ивановна Долгова родилась 5 июля 1937 г. в г. Хабаровске. В 1959 г. окончила юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Под руководством В.К. Звирбуля подготовила и успешно защитила в 1969 г. кандидатскую диссертацию на тему «Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве».

В 1959—1965 гг. — работала в органах прокуратуры следователем, помощником прокурора: по надзору за дознанием и следствием в органах внутренних дел, по надзору за законностью рассмотрения в судах уголовных дел, по делам о несовершеннолетних.

С 1968 г. Азалия Ивановна работает во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР, ныне именуемый Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

В 1980 г. защитила докторскую диссертацию по теме «Криминологические

проблемы взаимодействия социальной среды и личности». С 1991 г. Азалия Ивановна является президентом Российской криминологической ассоциации. В 1993—2002 гг. возглавляла межведомственные рабочие группы по разработке федеральных законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», является автором законопроекта «О криминологической экспертизе».

А.И. Долговой опубликовано свыше 200 научных работ, из них более 10 монографий, в том числе: «Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей» (М., 1970); «Социально-психологический аспект преступности несовершеннолетних» (М., 1980); «Преступность и общество» (М, 1990); «Криминология» (1997, 2001, 2005, в соавторстве и под ее редакцией); «Криминология» (КНР, Пекин, 2000, в соавторстве и под её редакцией); «Российская криминологическая энциклопедия» (2000, в соавторстве и под ее редакцией), «Криминология» (2001); «Преступность, её организованность и кри-

минальное общество» (М., 2003); «Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность» (М., 2011); она является инициатором, ответственным редактором и одним из авторов более 30 сборников научных работ по проблемам противодействия преступности.

Азалия Ивановна — признанный авторитет в кругах криминологической общности. Её исследования отличаются глубиной, а занимаемые ей в научных

дискуссиях позиции — ярко выраженной гражданской ответственностью.

Азалия Ивановна Долгова является доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РСФСР, почётным работником Генпрокуратуры РФ, членом экспертного совета Комиссии Государственной Думы по противодействию коррупции, президентом Российской криминологической ассоциации, награждена медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Дорогая Азалия Ивановна!

Примите от нашего Клуба искренние поздравления с юбилеем. Желаем Вам крепкого здоровья! Мы рады в многоголосье криминологического оркестра слышать Ваш сильный голос.

*С уважением,
Совет клуба*

КЛАУСУ СЕССАРУ – 75 ЛЕТ!

Клаус Сессар родился 5 августа 1937 года в Берлине. Учился в школе на Виноградной улице в маленьком городке Нойштадт на западе Германии, которую окончил в 1957 году. Потом в Мюнхене и Фрайбурге изучал право. Во Фрайбурге он сдал первый и второй государственный экзамены (1963 и 1967). Затем в этом же городе он поступил на работу в институт зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка, в котором был ответственным за отделение французского уголовного права. В это время пишет он свою диссертацию о наказании в виде лишения свободы и уголовной политике во Франции. Когда в 1970 году в Институте Макса Планка открылось отделение криминологии, он получил шанс стать криминологом. При поддержке руководства института он изучал криминологию и социологию в канадском университете в Монреале и в американском университете в Бостоне, где получил степень магистра социологии. Вернувшись в институт им. М. Планка, он поступил в возглавляемое профессором Гюнтером Кайзером отделение криминологии, участвовал в криминологических проектах и подготовил свою основанную на эмпири-

ческих исследованиях диссертацию¹ о работе полиции и органов юстиции по преступлениям, связанным с причинением смерти. При этом он установил феномен, состоявший в том, что данная полицией квалификация деликта в качестве покушения или оконченного насильственного преступления, сохранялась в судебных приговорах приблизительно лишь в 20% случаев.

С учётом этой работы в 1980 году он становится приват-доцентом в университете Фрайбурга, а в 1982 году получает приглашение на кафедру криминологии, молодёжного уголовного права и уголовно-исполнительного права в университете Гамбурга, которой он руководил до своего выхода на пенсию в 2002 году.

В это время доктор К. Сессар как профессор криминологии развернул активную исследовательскую деятельность. В её центре были исследования санкций, прежде всего с точки зрения возможных альтернатив традиционному наказанию. Так он обнаружил значительно распространённую в населении готовность при-

¹ Habilitation — соответствует диссертации на соискание учёной степени доктора наук (*прим. редакции*).

нять воздержание от наказания, если преступник возмещает причинённый вред.

К. Сессар также внёс значительный вклад в то, что гамбургская юстиция стала отказываться от уголовного преследования несовершеннолетних за первичные уголовные правонарушения, если дело шло о деликтах небольшой тяжести. Другой темой был страх людей стать жертвой насилия и последствия, которые могут возникнуть в результате этого страха: избегание покидать жилище, вооружение, развитие возрастающей потребности в наказании. В теоретической области доктор Сессар в течение длительного времени озабочен научно обоснованным отделением криминологии от уголовно-правового понятия преступления и тем самым от уголовного права с тем, чтобы основать криминологическую дисциплину как общественную науку.

Более чем в 20 странах мира К. Сессар выступал с докладами и проводил конференции. Девять раз он был в России, правда, только в Санкт-Петербурге (и последний раз, в июне 2012 года, также в Пскове). Заслуживают быть особо

отмеченными два семинара с русскими и немецкими студентами под общим руководством профессоров К. Сессара и Д.А. Шестакова. Первая половина этого семинара прошла в Гамбурге, вторая — в Санкт-Петербурге. Эффект семинара состоял помимо прочего в том, что гости из России жили дома у немцев, а гости из Германии — дома у русских. Ещё одним примечательным событием стала международная конференция на тему «Предупреждение преступности», которую организовали те же профессора в 1997 году в Санкт-Петербургском государственном университете. В конференции участвовали криминологи из десяти стран.

Доктор Сессар уже десять лет на пенсии. Но он не прерывает своего творчества и активности в области криминологии. К. Сессар — член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба и редакционной коллегии журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра». Совсем недавно он сделал в Клубе вызвавший большой интерес и отклик доклад «Воззрения на преступность и изменение общества».

Многоуважаемый господин Сессар!

Примите самые тёплые поздравления с юбилеем. Желаем Вам крепкого здоровья, бодрости и сил, а также надемся на нашу дальнейшую совместную научную деятельность!

*С уважением,
Совет клуба*

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

В связи с подготовкой к включению нашего журнала в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук, а также учитывая то, что до настоящего времени в журнале печатались в основном работы докторов наук или статьи кандидатов наук, написанные на докторском уровне, подобные требования сохраняются ко всем поступающим к нам работам аспирантов, адъюнктов, соискателей, докторантов, а именно:

1) представляемые работы аспирантов, адъюнктов, соискателей должны быть в пределах 0,24 п. л.; докторантов — 0,48 п. л.;

2) любая, предлагаемая для опубликования работа, должна соответствовать уровню нашего докторского журнала;

3) как и ранее, будет приниматься работа по любой отрасли права и любой науке, но она должна отвечать некоторым требованиям, поскольку журнал является криминологическим:

а) исследование в той или иной отрасли права должно содержать криминологическую экспертизу предлагаемых новаций и / или необходимо сделать выводы относительно того раздела теории права, где раскрывается деликтология, факторы и противодействие преступности.

б) или/и в равной мере предлагаемая для опубликования статья должна содержать результаты проведённого Вами юридического исследования.

Объём статьи доктора наук, как правило, не должен быть более 1 п. л. Авторам, преимущественно, докторам наук, которым статьи редакцией журнала были заказаны, гонорар начисляется в случае, если автор сообщает номер своего паспорта, год, месяц, число рождения, адрес регистрации (прописки) с почтовым индексом, ИНН.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых

фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в тех справочно-правовых системах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если:

1) она опубликована или направлена в другие издания;

2) её автор не указал свои анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), место работы всех авторов и контактную информацию для переписки (E-mail), должность, учёную степень, звание, почётное звание, членство в общероссийских организациях, телефон;

3) текст статьи оформлен не в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003, введенным в действие непосредственно в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 2004 г., а также не соблюдены следующие параметры: размер бумаги — А4 (210x297 мм); поля: верхнее, нижнее — 20 мм, левое — 30 мм, правое — 10 мм; шрифт — Times New Roman; размер шрифта — 14; имени автора — 16; сносок — 12; межстрочное расстояние — полуторное; абзацный отступ — 1,25; формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 — Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 — Название) и выполняются в графическом редакторе; ссылки на источники и литературу выполняются внизу страницы, нумерация автоматическая продолженная. Не

допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц внизу, посередине. Номер (знак) сноски, если ему предшествует знак препинания, следует за знаком препинания, без интервала.

В случае отказа в публикации статьи редакция обязана направить автору мотивированный отказ.

Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы можно разрешать путём электронной переписки.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять:

1) в печатном виде ответственному редактору журнала Данилову Андрею Петровичу по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, комн. 5-6, тел. +7 (812) 312-4207 доб. 224;

2) в электронном виде по адресу: criminology_club@mail.ru

Статьи, представленные аспирантами, публикуются бесплатно. Информация для перечисления денежных средств спонсорами:

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»;
ИНН 7802236596; ОГРН 1097800005269;
КПП 780201001;
р/с 40703810017000003853 в ОАО «Банк «Санкт-Петербург», дополнительный офис «Октябрьский»;
к/с 30101810900000000790;
БИК 044030790.

Вместе с тем редколлегия напоминает, что она не имеет постоянного спонсора, поэтому типографские расходы возмещаются, к сожалению, авторами или их спонсорами.

О том, будет ли опубликована его статья, автор может узнать у ответственного редактора журнала Данилова Андрея Петровича по тел.: +7 (812) 312-4207 доб. 224.

Редколлегия журнала

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

ОБРАЗЕЦ ЗАГЛАВИЯ СТАТЬИ

П. А. Кабанов

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ КОРРУПЦИЮ В ОБЩЕСТВЕ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ В НАЧАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ

* **Павел Александрович Кабанов** — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права (г. Набережные Челны, Россия).

© П. А. Кабанов, 2012

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК И ПРИСТАТЕЙНЫХ СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья из журнала:

Харламов В.С. Роль службы участковых уполномоченных в профилактике внут-

рисемейных насильственных преступлений (по материалам Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2002. — № 1(2). — С. 89.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — С. 54–55.

Автореферат:

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: Автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

Диссертация:

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

Интернет-документы:

<http://www.talkovall.info/ybiustvo%20tal kova.php> (дата обращения: 24.10.2010).

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL:<http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 24.10.2010).

Хасавюрт: милицейские машины смяло будто фольгу. URL:<http://news.mail.ru/incident/4651624/> (дата обращения: 24.10.2010)

Книга без ответственного редактора:

Антоян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. – М., 2001. – С.147.

Книга с ответственным редактором:

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.

Статья в газете:

Кларисс М. Р. Выбивание долгов // Новая газета. – 2004. – 4 марта. – С. 6–7.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

К статье должна быть приложена аннотация на русском языке объемом до 700 знаков (с пробелами), включая имя автора, название статьи, ключевые слова, а также перевод названия статьи, ключевых слов и аннотации на английский язык.

Аннотация не должна содержать в себе вводящих уведомлений, наподобие: «в статье рассматривается, идет речь...» и т. п.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗЮМЕ

Г.Н. Горшенков

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Аннотация: Противодействие коррупции нуждается в концептуальном обеспечении. Имеется необходимость в разработке ряда ключевых доктринальных понятий, законодательных новелл в целях обеспечения эффективности правовых норм, регулирующих противодействие преступности против государственной власти.

Ключевые слова: политика; коррупция; противодействие коррупции; уголовная политика; коррупционная сделка; коррупционное преступление.

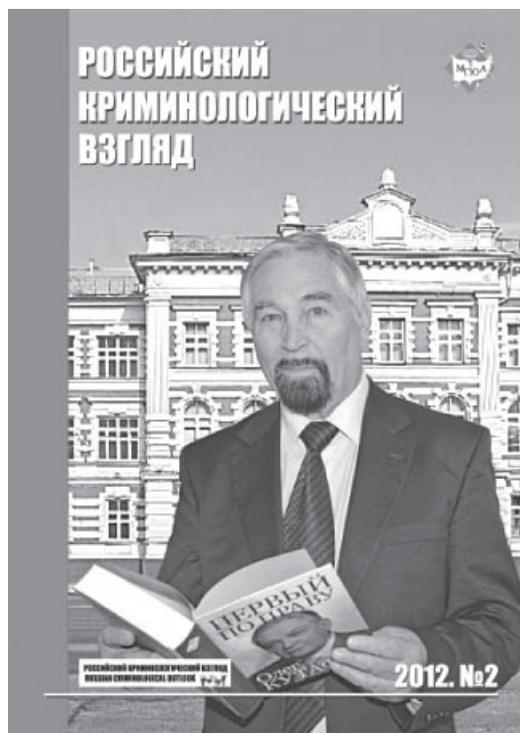
G.N. Gorshenkov

ANTI-CORRUPTION POLICY IN RUSSIA

Annotation: The theoretical basis for counteracting corruption is necessary. There is a need in drawing up a number of key doctrinal concepts, legislative innovations to ensure the efficiency of the legal norms regulating the counteraction to the crimes against the state power.

Key words: policy; corruption; counteraction to corruption; criminal policy; corrupt bargain; corrupt crime.

ЖУРНАЛ «РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Уважаемые читатели и авторы!

Редакционная коллегия ежеквартального научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд» приглашает Вас к сотрудничеству. Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати 8 апреля 2004 г. (Свидетельство ПИ № 77-17902) и включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по праву, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук. В редколлегию журнала входят: О.В. Старков (главный редактор); В.Н. Орлов (помощник главного редактора); А.Я. Гришко, И.М. Мацкевич, Э.Ф. Побегайло (заместители главного редактора); Е.О. Алауханов, В.М. Анисимков, М.М. Бабаев, А.Я. Вилкс, Л.А. Воскобитова, Я.И. Гишинский, Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенков, А.Б. Джурич, Д.А. Корецкий, А.Н. Костенко, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, С.Ф. Милуков, М.Г. Миненок, М.С. Нарикбаев, В.А. Номоконов, А.И. Парог, В.И. Селивёрстов, С.Л. Сибиряков, О.В. Филимонов, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов (члены редколлегии); Д.В. Закаляпин, Э.Л. Сидоренко, А.П. Скиба (ответственные секретари); А.О. Магуза (ассистент журнала).

Публикуются работы о преступности, преступном поведении и их типах, причинах, условиях, профилактике и личности преступника. На страницах журнала представлены более 50 рубрик.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять: 1) в печатном или рукописном виде Орлову Владиславу Николаевичу по почтовому адресу: 121357, г. Москва, ул. Кременчугская, 22, кв. 17; 2) в электронном виде по адресам: olegstar@mail.ru; olegsuperstar@yandex.ru; vlad-orlov@mail.ru. О том, будет ли опубликована его или их статья, авторы могут узнать по тел.: 8-915-092-99-45 у главного редактора журнала Старкова Олега Викторовича или же по тел.: (495) 445-14-13; 8-915-051-16-15 у помощника главного редактора журнала Орлова Владислава Николаевича.

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 4 (27), 2012

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,16.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в ЦКП «Регион-Про»
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., 83, офис 336
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru